

Людмила Михайловна Ермакова

Родилась в Москве. Доктор филологических наук, заведовала сектором литератур Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии Института востоковедения РАН, в настоящее время профессор Университета иностранных языков г. Кобе (Япония). Автор монографии «Речи богов и песни людей: Ритуально-мифологические истоки японской литературной эстетики» (М.: Вост. лит. РАН, 1995); изданий литературных памятников древней и средневековой Японии, с исследованием и комментариями: «Ямато-моногатари» (М.: Вост. лит. 1982); «Норито. Сэммё» (М.: Вост. лит. 1991); «Записи древних деяний» («Кодзики»), Свиток Второй (СПб.: Шар, 1994); «Анналы Японии» («Нихон сёки»). Т. 1—16 (СПб.: Гиперион, 1997); «Житие Ямато-химэ-но микото» (СПб.: Гиперион, 2002); переводов современной японской литературы (рассказы Акутагава Рюноскэ, автобиография Куросава Акира, танка Маэда Югурэ и др.).

Л. М. ЕРМАКОВА * ВЕСТИ О ЯПАН-ОСТРОВЕ В СТАРОДАВНЕЙ РОССИИ

S E R I E S M I N O R

Л. М. ЕРМАКОВА

ВЕСТИ
О ЯПАН-ОСТРОВЕ
В СТАРОДАВНЕЙ
РОССИИ

и другое

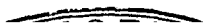
ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

鈴木春信画

Л. М. ЕРМАКОВА

ВЕСТИ
О ЯПАН-ОСТРОВЕ
В СТАРОДАВНЕЙ
РОССИИ
и другое

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2005

ББК 83.3(5Япо)
Е 72

Ермакова Л. М.

Е 72 Вести о Япон-острове в стародавней России и другое. — М.: Языки славянской культуры, 2005. — 272 с. — (Studia historica. Series minor). (Вклейки после с. 64 и 128).

ISBN 5-9551-0054-7

Автор — известный японовед, специалист по мифологии и поэзии японской древности и раннего средневековья — на этот раз предлагает вниманию читателей книгу о том, что писали и читали о Японии в стародавней России. Помимо описаний «Япан-острова» и «многосмышленных японских людей» в книгу вошли статьи Л. М. Ермаковой о некоторых проблемах перевода японской поэзии, рассказы о японских исторических реликвиях и документах, найденных автором в Японии, а также ряд материалов по истории отечественного японоведения.

ББК 83.3(5Япо)

*В оформлении обложки использована гравюра Утагава Тоёкуни (1769—1825) — портрет Тосиро Пятого, актера театра Кабуки, в роли Акэти Мицухидэ, убийцы Ода Нобунага — объединителя Японии.
Фоном послужили фрагменты гравюры Судзуки Харунобу (1725?—1770)*

ISBN 5-9551-0054-7

9 785955 100548

© Л. М. Ермакова, 2005
© Языки славянской культуры, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
-----------------	---

Часть первая НАЙДЕНО В РОССИИ

Первые письменные сведения о Японии в России	
Описания Японии в старописьменной русской культуре XVII в. (Исторический очерк)	13
Повествования XVII в. о Японии (Тексты. Комментарии)	
«Космография 1670», глава 70 «О Японии, или Япан-острове»	30
Фрагмент из «Козмографии, сиречь всемирного описания...», раздел «Индия»	38
Фрагмент из «Избрания вкратце от книги глаголемая космография, еже глаголется описание всего света...»	39
Н. Г. Спафарий. Описание славного и великого острова Яппонского, и что прием обретается	39
Вести о Японии в России	
XVIII — первой половины XIX в.	57
«Описание о Японе»	59
«Краткая история о Японском государстве»	63
«О состоянии Азии» и другие	69
«Остров Шамуриир» — забытая повесть русского сентиментализма	78
«О Японии и японской торговле» и другое	85
«Япония в настоящем виде» у Горлова	89

Японская литература в России.
Из предыстории 104

Некоторые дилеммы и стратегии
поэтических переводов с японского в XX в. 143

Часть вторая
НАЙДЕНО В ЯПОНИИ

Скрытые сюжеты средневековой
истории (Кюсю, Ватикан, Речь Посполитая) 177

Письма к Оресту Плетнеру
«Русские» письма Танидзаки Дзюнъитиро 214

Письма Оресту Викторовичу Плетнеру
от С. Г. Елисеева, Н. И. Конрада и др. 230

ОТ АВТОРА

Начало сего учинено от Японы
с восточной стороны Российскому государству
прилежащаго славнаго острова
«Описание о Японы», Санкт-Петербург, 1734

Ябадзия, Пантрии, Хразомагини, Ауреа Херсонесус
Зипангри, Зипанери, Жи Бынь, Нифон, Фино-Мотто
Син-Кокф, Эпуен, Япон...

Все эти экзотические географические названия, обозначающие Японию в старинных европейских и российских атласах, хронографах и описаниях путешествий, известны далеко не всем даже в среде профессиональных востоковедов. Однако для любого читателя несомненна их историческая глубина, обаятелен ореол тайны, окружающий их. Их притягательность подействовала и на меня — японоведа, специализирующегося в области мифологии и поэзии японской древности и последние десять лет работающего в Японии. Загадка, которую представляла собой эта страна для России в первый, самый давний период знакомства, предстала передо мной словно еще один, совершенно иной, чем известные мне ранее, и все-таки тоже «японский миф». Связанные с этим разыскания и легли в основу первой части книги.

Она задумана как краткая история отражений Японии в зеркале российской письменной культуры, начиная с «самого начала», которое можно приблизительно датировать серединой XVII в. — временем первого достоверно датированного и сохранившегося донныне текста (пишу это с надеждой, что впоследствии отыщутся и более ранние).

При этом моя цель вовсе не в том, чтобы подробно отразить историю контактов между двумя странами, — в круг тем этой книги не попадают ни торговые, ни военные экспедиции, ни судьбы японских моряков, прибитых бурей к

русским берегам, ни дипломатические недоразумения, которыми богата предыстория российско-японских отношений.

Меня интересуют не столько события, сколько тексты — я ограничиваю поле рассмотрения тем кругом письменных источников, по которым читающие люди в России могли получить представление о Японии в разные периоды истории, в том числе в самом раннем — еще до появления гражданской печати в России. Другими словами, я хочу установить, что именно писалось и печаталось о Японии в сфере российской письменной культуры в течение последних 300 с лишним лет, что можно было узнать об этой стране из современных читателю письменных источников, какой позиции по отношению к Японии придерживались российские писцы, переводчики и переписчики, а также историки, литераторы и журналисты. Каков был, так сказать, импринтинг образа Японии в российском обществе и какие изменения он претерпевал в дальнейшем.

В то же время меня интересует далеко не все, что запечатлено в письменных знаках и имеет отношение к Японии. За рамками книги остается, например, географическая и картографическая деятельность Семена Ремезова, составившего в 1701 г. «Чертежную карту Сибири», или И. Козаревского, описывавшего Курилы и Хоккайдо, не вошли сюда сведения о беседах Петра Первого и Анны Иоанновны с японцами, потерпевшими крушение у берегов России, судьба Дайкокуя Кодаю, японского капитана и тоже жертвы кораблекрушения, получившего аудиенцию у Екатерины Второй и сумевшего с ее помощью вернуться на родину. Не затрагиваются здесь и деловые бумаги из разряда памятников сибирской истории XVIII в., донесения казаков и моряков-первопроходцев, дипломатические документы.

Все обозначенные выше события и связанные с ними документы представляют важные эпизоды мировой истории, но об этом уже писали другие исследователи, а главное — не это составляет в данном случае объект моего интереса, в частности, потому, что такие источники (за некоторыми исключениями) не имели широкого хождения и могли фор-

мировать определенное восприятие Японии только в узкой специальной среде.

Итак, главная тема первой части книги — представлении о Японии в России, формируемое в более или менее общедоступной сфере письменных знаков (с поправкой на реальные возможности этого доступа в разные исторические эпохи и разных слоях общества), поэтому я ограничиваюсь книгами рукописными и печатными, и отчасти журнальной периодикой — этой особой сферой существования классической русской словесности.

Кроме того, хотя российская читающая публика часто и свободно обращалась непосредственно к западным оригиналам, не прибегая к переводу, я рассматриваю здесь преимущественно русскоязычные — как переводные, так и оригинальные материалы, хотя и иностранные источники упоминаются нередко.

Приходится оговорить также и то обстоятельство, что мой интерес лежит более в сфере японской литературы языка, религии, обычаев и истории, чем в области хозяйственного или политического развития этой страны, — последнее мало отражено в приводимых цитатах и почти не становится предметом обсуждения, хотя более или менее представлено в рассматриваемых источниках.

Представительный охват материала в заданных рамках невозможен — его оказалось неожиданно много, поэтому речь в этой небольшой книге может идти только о беглом знакомстве с некоторыми важными изданиями, давно ставшими раритетными и практически неизвестными читателям, пожалуй, и специалистам, работающим в других областях японоведения. Предлагаемые очерки о наиболее ранних материалах, касающихся Японии, написаны на основе ряда редких или музейных изданий, хранящихся в российских зарубежных библиотеках, и, насколько возможно судит, представляют собой забытые или малоизвестные источники.

Кроме наиболее ранних текстов «о Япан-острове» рассуждений о них в первую часть книги вошли работы и истории восприятия, осмысления и перевода в России кл

сической японской литературы и особенно поэзии начиная с середины XIX в.

Вторую часть книги составляют материалы, найденные не в России, а в Японии. Понятно, что обычная для филолога кабинетная работа над текстами здесь чередуется со встречами и поездками по стране изучаемой культуры. Благодаря этому мне посчастливилось найти неизвестные письма японского писателя-классика XX в. Танидзаки Дзюньитиро, а также письма патриархов отечественного и мирового японоведения С. Г. Елисеева и Н. И. Конрада и статью первым публикатором этих документов.

И уж совсем редкостной удачей можно считать находку музейной вещи XVI в. Это каллиграфический лист с первым переводом Псалмов Давида на японский язык, выполненный в Ватикане японскими послами в 1585 г. и с тех пор затерявшийся в хранении Ягеллонской библиотеки в Кракове. Свидетельства о существовании этого листа красной бумаги в серебряной раме с выгравированным на обороте латинским текстом и указания на возможное направление поиска мне также неожиданно удалось обнаружить в Японии. Значение этой вещи, обстоятельства ее создания и полудетективная история поисков тоже описываются во второй части книги.

Сбор и оформление всех этих материалов, по истории текстов и по истории вещей, потребовали неожиданно широкого охвата информации — по странам, языкам, периодам. Многим моим уважаемым коллегам по обе стороны Японского и Охотского морей я обязана ценными советами и консультациями, имена их с благодарностью за неоценимую помощь я называю во всех главах книги.

Отдельно хочу поблагодарить за компьютерную поддержку и помощь в оформлении книги Т. и Ю. Окамото и посвятить эту книгу им же, а также Окамото А., М. и Н.

*Л. Ермакова
Кобе, 8 августа 2003 г.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
НАЙДЕНО В РОССИИ

ПЕРВЫЕ ПИСЬМЕННЫЕ СВЕДЕНИЯ О ЯПОНИИ В РОССИИ

ОПИСАНИЯ ЯПОНИИ В СТАРОПИСЬМЕННОЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ XVII В. (Исторический очерк)

Обычно считается, что до непосредственного знакомства России и Японии было крайне мало источников, где можно было бы почерпнуть сведения о Японии, и все они были скудны и давали неверное представление о предмете. Говоря о письменных источниках на русском языке, повествующих о Японии и ее культуре, исследователи обычно основываются на материалах XIX, иногда XVIII в. как самых ранних. Однако, как оказалось, описания Японии и японцев русской культуре во многих случаях бывали и подробны, достоверны, а главное — они имеют гораздо более давнюю историю. Вполне возможно, что не только Петр Первый, а и Алексей Михайлович, а до него и Михаил Феодорович интересовались восточными соседями России и знали о них гораздо больше, чем можно предположить. Иоанн Ужев в своей «Грамматике Словенской» 1643 г. в числе других топонимов упоминает «Японию». Николай Спафарий писал около 1678 г. следующие примечательные слова: «Писах [мы писали] же мало нечто и о сем острове Японском которого описания имеется здесь в России особливая страннее книжица».

К сожалению, пока нам еще не удалось отыскать и идентифицировать эту «особливую книжицу», но к настоящему моменту оказалось возможным найти и собрать воедино

четыре текста второй половины XVII в., которые мы и хотим представить здесь. В оригинале это рукописные тексты, написанные по-церковнославянски, созданные в период до появления гражданской печати в России. Вполне вероятно, что они если не самые ранние, то, во всяком случае, относятся к числу самых ранних сведений о Японии, появившихся в русской письменной культуре.

Первый из четырех — наиболее обширный, дает сравнительно подробные данные о Японии: это фрагмент из так называемой «Космографии 1670»¹, в конце XIX в. эта рукопись хранилась в Синодальной библиотеке.

Второй, гораздо более короткий, существует в двух почти дословно повторяющих друг друга списках: один список сохранился в записи XIX в. А. Попова в «Изборнике славянских и русских сочинений...»², второй список, хранящийся в рукописном виде в библиотеке Мюнхенского университета, факсимильно воспроизведен в исследовании немецкого слависта П. Косты³.

Третий — как и два предыдущих, текст космографического содержания и тоже приведен в «Изборнике» А. Попова⁴. Он также был создан, вероятно, в последней четверти XVII в., известно только, что один из поздних его списков был датирован 1696 г. Мы отдаем себе отчет, что зачисление этого текста в круг ранних писаний о Японии несколько гипотетично, поскольку в нем страна называется иначе, чем в синхронных текстах, а именно — Никанским царством, тем не менее мы решились опубликовать его здесь, исходя из некоторых особенностей его содержания, позволяющих атрибутировать текст таким образом (речь об этом пойдет ниже).

Четвертый публикуемый текст — глава о Японии из «Описания первыя части Вселенныя, иже именуемой Азии...»⁵ Николая Спафария-Милеску (1635—1707). Первый текст (или, вернее, список) был составлен в Холмогорах (Колмогорах), на севере России, в устье реки Двины на Белом море, места создания второго и третьего текстов доподлинно не известны, четвертый первоначально делался в Пекине и впоследствии дорабатывался в Москве.

Скажем несколько слов о времени складывания этих текстов. Вообще говоря, вторая половина XVII в. — чрезвычайно интересный период в истории России, когда впервые обозначилось нечто вроде противостояния (или «встречи», как формулируют некоторые авторы) византийского, восточного начала и западного влияния, именно тогда начался длительный спор между «грекофилами» и «латинствующими»⁶. Как известно, два эти направления впервые четко обозначились в вопросе о сравнительной пользе изучения греческого и латинского языков (связанном с проблемой времени пресуществления святых даров).

В сущности, приток различных иностранных идей и новшеств начался еще раньше, с конца XV в., а к концу XVII-го Москва была уже переполнена иноземцами «разных земель и вер». Среди них были иностранцы, служившие как «помощники в исправлении и печатании книг, как учителя в устроенной наконец кое-как школе, как советники патриарха, как учителя царских детей и придворные стихотворцы (Симеон Полоцкий); ...в качестве военных людей, купцов, промышленников, ремесленников, врачей и т. д.»⁷.

«Киевская», польско-литовская, а затем и западная наука, с одной стороны, и греческая традиция — с другой, были представлены их непосредственными носителями. В Москве этих носителей можно было встретить при дворе, а также при ведомстве иностранных дел — Посольском приказе, где служилась целая коллегия переводчиков, иностранцев и русских. Они, разумеется, выступали переводчиками при посольских миссиях — «а с посланники посылаются подъячих два человека или три и переводчик, и толмачи»⁸. Еще одной важной их обязанностью было переводить для царя известия из иностранных газет, сверх того они переводили еще и книги и сами писали их. Так, при царе Алексее Михайловиче был «царски дел переводчик» Андрей Вениус, голландец по происхождению, который перевел для царя «Зрелище жития человеческого, в нем же изъяснены суть дивные беседы животных с истинными к тому приличными повестьми», а также составил нечто вроде путеводителя, в том числе по иностранным

городам с указанием расстояний⁹. В 1670-е гг. в Москве был широко известен и ученый переводчик Посольского приказа Н. Спафарий (автор четвертого из публикуемых здесь текстов), написавший в то время ряд трактатов и литературных произведений («Хрисмологион», «Василиологион», «Книга, избранная вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах» и др.). Царь Алексей Михайлович вообще любил западноевропейские новшества — часто любовался картиной западного художника, украшавшей стену его дворца, завел немецкий театр («комедийную хоромину»), нередко слушал игру немца-органиста, а в трапезной зале царя было изображено «звездотечное небесное движение, двенадцать месяцев и боги небесные»¹⁰.

При этом Москва была не единственным культурным центром и каналом западного влияния. В то время «окном в Европу» был порт Архангельск на Белом море, а вернее — Колмогоры (Холмогоры), город и прилегающая к нему местность в устье Северной Двины, — место создания рукописи (или копии) «Космографии 1670». (Даже после того как порт был перенесен в Архангельск, Колмогоры долго еще сохраняли свое главенство — Архангельск первое время именовался Новыми Колмогорами, воеводы и другие представители администрации жили на прежнем месте, а в Архангельск наезжали только в навигацию.)

Город Колмогоры (Холмогоры) начал процветать как порт и главные северные ворота страны для купцов и путешественников задолго до того, как был построен Петербург, и удерживал свое значение до того момента, как в 1722 г. приказом Петра внешняя торговля была перенесена с Белого моря на Балтику в Петербург, в новопостроенную столицу. Здесь издавна существовали также церкви и монастыри, насчитывавшие древнюю историю, поддерживалась и давняя летописная традиция, которая в 60–70-е гг. XVII в. (до начала 90-х, т. е. до перехода летописания в ведение архиепископского дома) носила целиком светский характер. Таким образом, составление и копирование письменных материалов разного рода было достаточно устойчивым типом деятельности для

этой «столицы русского Севера», так что неудивительно, что именно здесь был создан один из наиболее полных списков упомянутой «Космографии».

Вообще XVII в. для всей русской письменной культуры был периодом, когда из латинских, польских, немецких и других источников в Россию проникали различного рода героические, или нравоучительные, или же комические повести, а также наряду с ними и «естественнонаучная» литература. В эту эпоху «предпросвещения» накануне петровских реформ происходило становление новой литературы — по выражению Д. С. Лихачева, «Русь тронулась на Запад».

Исследователи, говоря об этом последнем столетии древнерусской книжности, отмечают обмирщение литературы, расширение ее социальной базы, своего рода «взрыв литературной активности»¹¹. Это был период парадоксального сочетания анонимности, фольклорности ряда письменных жанров со специализацией книжной деятельности. Появилось множество разных видов научной литературы, не связанных непосредственно с религиозной сферой, носящих уже не апологетический, а собственно познавательный характер, имеющих целью удовлетворить интерес к устройству мира и характеру его составляющих. В то время увидело свет большое число переводных, компилятивных и оригинальных работ географического и общеэнциклопедического характера, т. е. разного рода хронографов и атласов — как в виде старописьменной, так и первопечатной книги. Одна из первых в России переводных книг географического характера — вероятно, перевод Пролога из «Космографии» испанца Помпония Мелы, современника Страбона, записанный полууставом XVI в.¹² Судя по данным различных источников, в 1584 г. в России была переведена «Всемирная хроника польского шляхтича Мартина Бельского», а в 1559-м был сделан перевод одного из первых роскошно иллюстрированных хронографов, полного полуфантастических описаний чужеземных стран. Автор ее был «Философ Римский Кондрат Ликостен» (*Lycosthenes Conradus: Prodigiorum ac ostentorum chronicon, quae praeter naturae ordinem... ab exordio*

mundi... ad haec... tempora, acciderunt, etc. Н. Petri; Basileae, 1557), «Космография Меркатора» была, видимо, переведена в 1630 г., кроме того, как указывают источники, существовала также некая «Космография, краткое описание которой оставил нам Сильвестр Медведев, и перевод космографий, составленный из различных сочинений, как Маринеуса Сикулуса (ум. в 1553 г.), Себастиана Мюнстера (ум. в 1552 г.), Вильгельма Гратолуса (ум. в 1568 г.)»¹³. В XVII в. число переводных космографий в России резко возрастает.

Еще одним источником информации о дальних странах стали путешественники, торговцы, посланники, которые искали разнообразных сведений и широко распространяли их. Ярким примером такого человека был Н. Спафарий, который сам в некотором смысле представлял собой «встречу» Запада и Востока, Европы и России. Как писал о нем историк А. Н. Пыпин, «валахский грек, родственник господаря, изгнанный из своего отечества за политические интриги, причем ему был урезан нос, он с 1672 г. находился на русской службе» в Посольском приказе, принимал здесь участие в «строении книг», сам писал и переводил¹⁴. Он владел западными языками, латинским, греческим, был писателем, философом, дипломатом, бывал в Стокгольме и Париже и дожил до петровских времен. В Москву он прибыл в 1671 г., с рекомендацией от патриарха Иерусалимского Досифея, полученной в Константинополе¹⁵. В качестве служащего высокого ранга Посольского приказа в Москве в 1675 г. он был направлен посланником в Китай, куда ехал через всю Сибирь, ведя дневник путешествия. В Китае он был лишен свободы передвижения и вынужден был писать свое сочинение о Китае (и Японии) на основе «Китайского Атласа» XVII в. итальянского иезуита М. Мартини¹⁶, который он частями перевел, частями пересказал со своими добавлениями. Это сочинение Спафария вызвало большой интерес в России конца XVII — начала XVIII в. — достаточно сказать, что сохранилось более 30 его рукописных списков¹⁷.

Именно эта волна интереса России к внешнему миру и необходимости соотносить с ним себя, определив в сравнении

с другими собственное «национальное начало», и вызвала к жизни первые сведения о Японии в круге русской книжности. Перейдем теперь конкретно к четырем ранним произведениям русской старописьменной культуры, сообщающим эти сведения.

Начнем с японского раздела из рукописного текста, именуемого «Космография 1670», церковнославянский текст которого был воспроизведен Обществом любителей древней письменности в 80-х гг. позапрошлого века в Санкт-Петербурге. Япония в этой «Космографии» занимает 70-ю главу и помещена в разделе Азии.

Рукопись «написана бысть», как явствует из колофона, «в лето 7178-е» (1670 г.) и представляет собой один из нескольких существующих списков. Холмогорский — наиболее полный список так называемой 76-главной «Космографии» — был написан на бумаге в четвертую долю на 258 листах скорописью XVII в.

Текст этой обширной книги представляет собой компилятивный перевод с разных европейских языков, дополненный теоретическими и богословскими рассуждениями от православного составителя. Как и другие космографии XVII в., этот текст основан главным образом на атласах Г. Меркатора XVI в.¹⁸ и А. Ортелиуса, на также на разных переводных списках «Путешествий» Марко Поло и «Хрониках» польского историка М. Бельского (1495–1575), первый перевод которых на русский язык появился еще в XVI в., вскоре после создания «Хроник» в 1550–1551 гг.

Стоит, вероятно, сказать здесь же, что переводной характер многих частей этой «Космографии» и других рассматриваемых сочинений вовсе не означает второстепенности этих текстов в российской истории. Переводы как таковые во многих (если не во всех случаях) занимают в культуре место не менее значимое, чем оригинальные произведения; не вызывает сомнений также, что само понятие границы между оригиналом и переводом отнюдь не так очевидно, каким оно предстает в отдельные эпохи жанровой стабильности литературы. Становление практически любой письменной литера-

туры связано с переводом, о том же применительно к России пишет, например, А. И. Соболевский: «Переводная литература в древней Руси имела гораздо большее значение, чем оригинальная. Она была гораздо богаче оригинальной. <...> Первые [имеются в виду переводы. — Л. Е.], служившие образцами для вторых [оригинальных произведений. — Л. Е.], образцами часто недостижимыми по своей внешней стройности и внутренней силе, гораздо больше читались, чем вторые, и оказывали сильное влияние на народную фантазию. <...> Новые эпохи в истории древнерусской литературы составлялись также переводами; иначе говоря, культурные движения в Московской Руси находили себе выражение не в оригинальных произведениях, а в подборе переводов»¹⁹.

То же самое можно сказать и об исследуемых космографиях и труде Спафария. Как сказано, например, в историческом исследовании, предпосланном публикации церковнославянского текста, «76-главная Космография является попыткой русского писателя половины XVII в. соединить в одном сжатом и полном тексте все лучшие и интереснейшие географические сведения, содержащиеся в тех византийско-русских, латинско-польских и непосредственно западных источниках, которые были в его время наиболее распространены в России и из которых русские читатели допетровской эпохи черпали познания о космографических и географических вопросах. Попытка эта вполне удалась и тем более заслуживает внимания, что, несмотря на разнообразие составных ее частей, весь этот труд сохраняет строго-православный и русский характер, делавший его сродным и доступным каждому современнику и соотечественнику его составителя»²⁰.

Говоря о «русском» и «строго-православном» характере этого труда, публикатор XIX в., собственно, имеет в виду то обстоятельство, что в данном списке «Космографии» помимо сочетания переводов разных авторов имеются также фрагменты, основанные на гражданских российских текстах того времени (касающиеся России, например). И, что еще более важно, в списке имеются оригинальные части, написанные составителем/переводчиком — таковы, в частности, «Пре-

дисловие книги сей космографии» и заключительное «Слово завершительное книги географии. В ней воспоминание о разрушении царств...», рисующие общий тип мировоззрения составителя, своего рода философию истории, что отразилось и в главе, посвященной Японии.

Сочетание таких оригинальных частей с переводами западных источников, пожалуй, представляет собой яркую иллюстрацию той «встречи» западного и византийско-русского начала, с которой мы начали данную работу. Как предполагает публикатор XIX в., эти византийско-русские по духу части, т. е. первая и заключительная главы «Космографии 1670», представляют собой отдельный космологический текст, относящийся к более раннему периоду, например началу XVII в., и лишь потом сочлененный с переводом.

В «Предисловии книги сей Космографии» строение мира в целом и азиатская составляющая в нем объясняются по ветхозаветному сюжету: «Сия же книга География из давних лет составлена, еже есть описание сего света земель, трех частей сынов Ноевых — Сима, Хама, Иафета. Яко ж пишет боговидец Моисей в книге своей миротворной, еже есть в Бытии, разделиша сынове Ноевы всю землю на три части. По разделении же, писаша древние философы, Симову часть — первого сына — положиша восточную и нарекоша именем ея Азия. Конец ж ея достизает до восточнаго моря, до Макарицкаго острова, еже есть близ блаженного рая. Другий ж конец до Фарсийского моря и до Чермнаго. Третья ж страна разделяет от китайскаго царства, и до зверообразных людей, еже есть Сибирь, и до Хвалимскаго [Каспийского] моря...»

Охарактеризовав столь же подробно, т. е. с четырех сторон света, границы Африки и Европы (иначе говоря — жребиев, или уделов Хама и Яфета), составитель завершает свое предисловие словами: «После сего много лет мину[ло], не в давних временах латинские философы обрели на западе на море окиане в долгой пучине многия острова различныя. Овы [одни] — людны и богаты, овы ж [другие же] — бесчеловечны [необитаемы], и нарекоша тии острова именем Америка. И назваша их [как] четвертую часть [всей земли] — Новую

землю, и положиши их к тем трем частям в космографию, вся же земли в тех частех каяждо, — страну и землю, царство и королевство, и различныя языцы, и что их богатство, и пространство веры ж, и нравы, и многолюдство ж, и храбрость и учения, и мудрость вся, подлинно да скажем...»

В «Космографии 1670» имеется также и поучительное заключение, где говорится, в частности: «Ови грады от войны разрушением, инии же опустением осиротеша <...> Инии аще и златоконанныя их полаты не падошася, но души их злопогибельными ересми повергошася».

Второй рассматриваемый текст известен нам в публикации А. Попова и по факсимильному списку, опубликованному немецким славистом П. Костой.

Слависты, знакомые с этим текстом, полагали, что упоминаний о Японии в нем нет. И действительно, японский фрагмент в этой «Козмографии» обнаружен нами почти случайно, поскольку он оказался помещен в раздел Индии. А между тем в Индии Японию и надлежало искать в первую очередь — дело в том, что в тот период произошла довольно знаменательная языковая ошибка. Например, Дэнбэй, первый оказавшийся в России японец, чей корабль был прибит бурей к берегам Камчатки, рассказывал, что он родом из Осака и изначально держал путь в Эдо (современный Токио). А в т. н. «Скаске» В. Атласова 1700 г., рассказывающей о встрече с Дэнбэем, со слов японца говорится, что «онде из Узакинского государства, а то-де государство под Индейским царством». Такое толкование, по догадке японского лингвиста Мураяма Ситиро, возникло, скорее всего, потому, что в то время слово Эдо произносилось примерно как Йенддо, что и ввело в заблуждение Атласова и других²¹. То есть «Узакинское государство под Индейским царством» означало торговый город Осака, подчиняющийся юрисдикции сёгуна, чья резиденция находилась в г. Эдо (нынешнем Токио).

Этот фрагмент второй космографии также основан, вероятно, на письмах иезуитов, однако не на Меркаторовом их пересказе («Космография 1670», как мы предполагаем, соотносится с посмертным, более полным изданием «Атласа»

Меркатора 1595 г., а также на «Хрониках» Мартина Бельского, т. е. примерно на тех же текстах, что и все остальные русские космографии этого периода, и так же, как и многие из них, изобилует полонизмами)²².

Текст этой второй, краткой космографии в отличие от «Космографии 1670» не имеет заключительной главы, начинается тоже самым деловым образом, без философских предисловий: «Земля есть посреде округов небесных, яко точка во окружальном колеси...» Далее речь идет о научных заслугах Птолемея Александрийского и Григорюса Маркаторие (т. е. Герарда Меркатора), который «в давних временах подлиннее всех книгописцев прежних пишет». Говорится там также, что «земляной круг» и «окиянское большее море» (т. е. вся суша и мировой океан) на три части — Азию, Европу и Африку — «разделяли исстари», т. е. здесь дается ссылка скорее на авторов-предшественников — на «научную традицию», чем на Ветхозаветную легенду, как в «Космографии 1670». В тексте называются также авторитетные имена ученых прошлого и близких современников — Плиний, С. Мюнстер и многие другие.

Третий текст с описанием Японии, который мы приводим по «Изборнику» А. Попова, входит в космографию, озаглавленную «Избрание вкратце от книги глаголемья Космография, еще глаголется описание всего света, изыскана и написана от древних философов и переведена с Римского языка на Словенский»²³.

В этом тексте ни словом не упоминается о христианстве в Японии, напротив, говорится, что у жителей этого царства «вера поганская», т. е. языческая, и что жен они имеют по своей воле (т. е. сколько хотят, что противоречит христианским установлениям). Кроме того, как рассказывается в этой космографии, сразу за этим царством находится легендарный остров Макарицкий «близ блаженного рая», и другие подобные острова, откуда залетают райские птицы гамаюн и феникс и где живут крылатые василиски — наполовину девы, наполовину змеи, а также червь, рождающий золотой песок и т. д. Вероятно, это список из более ранних описаний мира,

возможно восходящих к Марко Поло и дополненных еще более древними авторами, и может быть отнесен не только к Японии, но и к каким-нибудь другим восточным странам²⁴.

Четвертый текст принадлежит к иному жанру, чем три предыдущих, — это записки путешественника, хотя на самом деле Спафарий до Японии и не добрался. Этот текст — 58-я глава из его «Описания Китая», как свидетельствует колофон, был завершён в 13 ноября 7186 г. по старому стилю, т. е. в 1678 г., по возвращении Спафария из Китая. Воспроизведенный в Казани в 1910 г. список выполнен на 53 листах (207 страниц), переплетенных в кожу. По начертанию букв публикаторы делают предположение, что сохранившийся список может относиться к XVIII в.

Текст открывается общим космологическим предисловием, где говорится: «Вся Вселенная земли в нынешнем веце [веке] от премудрых в четыре части разделяется. Первая часть, и болшая, именуется Азия. Вторая, Европа, третья, Ливия. Четвертая Америка, или Новой свет, потому что не очень давно, от гишпанцев [испанцев] сыскалась <...> Азия именуется первая часть всего света, которая честнейшая есть всех иных частей, из начала избранная была. Имя же ей Азия, приятно от грек древле, юже земнописатели нарекоша по имени некоторой жены древняя греческая». Приоритет Азии объясняется следующим образом: западная граница Азии устанавливается в книге по оси Белое море — Царьград (Византия, Константинополь). Соответственно, «царствующий град Москва по болшей части будет в Азии, нежели в Европе». Скажем здесь же, что в космографии, которая приводится у нас как второй текст, граница Европы и Азии проводится в ином месте: «Азия отделилась от Европы рекою Доном»²⁵.

Кроме того, как пишет Спафарий, отстаивая приоритет Азии, «во Азии рай сотворен бысть от Бога», и после потопа «во Азии начались вера, обычаи гражданские грады строить, писмо и учение», «во Азии спаситель человеческого изволил воплотиться и жити». А самое древнее в Азии и в мире государство — китайское: «История и книги их начинаются

от прежде воплощения Спасителя близ 3000 лет... и еще тогда оу них было оучение, и звездословие... наипаче же уложение законов гражданских...»

Здесь мы публикуем только главу, посвященную целиком Японии, но упоминания о ней разбросаны по всей книге. Приведем наиболее любопытный среди этих упоминаний пассаж, явно написанный самим Спафарием. Ссылаясь на Мартини, он сообщает, что и в Китае, и в Японии (равно как и «во Америке») еще до прихода миссионеров-христиан стали появляться чудесные знамения — так, в Китае в реках найдены «раки такие, которых прежде всего никогда не видали, и на спине у них начертан был крест белой... Так же и во Яппонском острове. Мы же толкуем, что, помощью Божией и Царского Величества счастием, скорым временем в Китаях будет православие греческое...»²⁶ С этим перекликается и заключительная фраза главы (и всей книги): «Еже да будет в прославление имени Божия и православныя веры, со всяким умножением и славою всего российскаго государства».

Примечательно, что три из четырех рассматриваемых текстов рассказывают о Японии как стране, где благополучно и успешно проповедают западные миссионеры-христиане, т. е. оригиналом для них послужили произведения, к концу XVII в. уже политически устаревшие. Однако на самом деле в России того времени было уже хорошо известно, как обстоит дело с христианством в Японии на конец XVII в., — так, в одном из писем А. А. Виниусу, писавшему о возможности православных миссий в Пекине, Петр Первый 12 июня 1698 г. советовал следующее: «...толко для Бога поступайте в том опасно [осторожно] и не шибко, дабы китайских начальников не привести в злобу... К чему [в связи с этим] там надобеть [требуется] попы не так ученые, как разумные, дабы чрез некоторое кичение оное святое дело не пришло в злейшее падение, как учинилось в Епании»²⁷.

Глава о Японии, как и бо́льшая часть всей книги Н. Спафария, написана по материалам М. Мартини, который, в свою очередь, в большой мере опирался на китайские источники. Отсюда — взгляд на Японию сквозь призму

китайской классической исторической традиции в сочетании с христианскими чаяниями итальянского автора-миссионера, к которому добавляется практический интерес российского посланника к расширению культурного влияния и торговых границ своей страны.

Все четыре вышеописанных текста малоизвестны как в России, так и за ее пределами. Так, старописьменный текст «Космографии 1670» не воспроизводился вот уже более ста лет — со времен той единственной публикации Общества любителей древней письменности, ставшей книжным раритетом; кроме того, этот текст еще не переведен на современный русский язык (а в церковнославянском строе и графике он не вполне понятен или понятен лишь частично). Исследователи, которые упоминают о его существовании, и тем более те, кто учитывает его данные²⁸, пока немногочисленны. Между тем его значение и для изучения русско-японского культурного взаимодействия, и в истории японоведения, и в истории российской книжной и фольклорной культуры, несомненно велико²⁹.

Мюнхенская же космография, хотя она и вышла в свет на сто лет позже, чем публикация «Космографии 1670», тоже достаточно редкое и малодоступное издание. То же можно сказать об известной, но редкой книге А. Попова, содержащей Приложения к его «Обзору хронографов русской редакции».

О Спафарии же как таковом существует обширная литература, однако по преимуществу анализируется его биография, эстетико-философские труды, в последнее время затрагивается и его поездка в Китай³⁰. Японская же глава его книги остается без внимания исследователей, хотя, как уже говорилось, эта книга Спафария пользовалась большой популярностью в конце XVII в. и ходила во многих списках, — т. е. во многом именно она в то время определяла представление о Японии в России.

Вероятно, есть основания надеяться, что введение этих четырех текстов в научный обиход заполнит имеющиеся лакуны в русской истории, восстановит пропущенные звенья в

летописи отношений между нашими двумя странами, а также сделает подробнее и богаче нашу общую историческую память.

* * *

К публикации текстов хотелось бы сделать следующее предуведомление.

1. Первые три текста (фрагменты из трех космографий) написаны на церковнославянском языке, слова и грамматические обороты которого во многих случаях непонятны современному читателю. Поэтому в данной публикации мы предлагаем эти тексты в переложении на современный русский язык, однако при этом задачей нашей было сохранить как можно больше от оригинала и минимизировать изменения, вносимые в текст. В тех случаях, когда текст может быть понят и без перевода, он воспроизведен как есть или же осовременены только грамматические форманты с сохранением лексики и фразеологии оригинала. В отдельных случаях вносится иное членение на синтагмы, чем предложено в воспроизведениях и списках XIX в.

Что же касается «Описания Китая», то язык Спафария оказывается гораздо ближе к современному русскому языку, чем предшествующие три космографии, поэтому текст дается без переложений. Изменения касаются только пунктуации и членения текста на смысловые фрагменты — это в ряде случаев мы делаем иначе, чем дается в издании 1908 г.

Деление на абзацы во всех текстах, а также тематические заголовки и все конъектуры, заключенные в квадратные скобки, введены для удобства чтения.

В ряде случаев оказалось затруднительным достоверно восстановить японский топоним или реалию, названную японским словом, поскольку все эти японизмы прошли через многие транскрипционные преобразования (например, одна из возможных цепочек: португальский-латинский-[французский, английский]-польский-русский).

2. Особые трудности вызвали первые строки «Космографии 1670», где приводятся (с явными искажениями) древние

названия Японских островов. Интерпретация этих названий не уместается в рамках постраничных сносок, поэтому приведем наши соображения здесь. Слово Пантрии, скорее всего, представляет собой разновидность названия Японии — слов Зипунго, Чипингу, Жипунго, Сипангу (Chirangu, Cipangu, Syrangu, Çirangu, Cipágu, Zipangu, Ziamagu) и пр., имеющих в разных списках и переложениях Марко Поло и восходящих к китайскому *жибэньго*. Дело в том, что помимо формы Cipangu в различных средневековых европейских переводах Марко Поло неоднократно встречается и вариант Zi-rangri. Например, «L'Isle de Zipangri est fort spacieuse, & le grande estedue...» (В книге: *La Description géographique des provinces & villes plus fameuses de l'Inde Orientale, meurs, loix, & coustumes des habitants d'icelles... Par Marc Paule gentilhomme venetien... nouvellement reduict en vulgaire Francois [by F. G. L.]. Sertenas: Paris, 1556*). Кроме того, о Японии говорится как о Zipangri и у Меркатора, и в атласе Себастьяна Мюнстера (*Muenster Sebastian. Cosmographiae Universalis lib. VI. in quibus... describuntur, Omniu habitabilis orbis partiu situs, [pro]priae[que] dotes. Regionum topographicae effigies. Terrae ingenia... Animalium peregrinorum naturae & picturae... Nobiliorum civitatum icones & descriptiones. Regnorum initia... Omnium gentiu mores... Item regum... genealogiae. Basileae, 1550. P. 1258*).

Кроме того, о том, что именно форма Зипангри, а не Зипангу, проникла в Россию, свидетельствуют и данные из «Описания...» Спафария: «Венецыанин же именует их [Японские острова] по-калмыцки Зипанери» (*Н. Спафарий. Описание первая части вселенной, именуемой Азии... публикация церковнославянского текста, датируемого около 1678 г. Казань, 1910: 201*). Эта же форма слова встречается и в книге: *Китайския, японския, сиамския, тонквинския и прочия анекдоты, в которых наипаче описываются нравы, поведения, обычай и религии сих различных асийских народов. Ч. 2 / Пер. с франц. М., 1791. С. 118*, где сказано: «...уведомился о великом божестве острова Ципангрия».

Итак, как мы предполагаем, слово «Пантрии» может быть интерпретировано как укороченная грецизированная разновидность слова *Cirangu*, которым Марко Поло называл Японию, но только та его разновидность, что была произведена именно от формы *Zi-rangī*. Возможно также, что «г» в слове *Зипангри было ошибочно прочитано публикатором XIX в. как «т», первоначально же в тексте стояло слово «Пангрии».

Слово «Хразомагини» — не вполне ясное и производит впечатление некой ошибки или непонимания переводчика. В ранненовоанглийском переводе сказано: «In Magnus his opinion it was named *Chrysis*» (Op. cit. P. 417), т. е., по мнению Магнуса, Япония именуется «золотой». Кто имеется в виду под Магнусом, не вполне понятно, но не исключено, что речь идет о трудах Альберта Великого (*Albertus Magnus*) или о тех естественнонаучных трактатах, что в большом количестве появились в XVI в. под его именем. Другая возможность — шведский картограф Олаус Магнус, опубликовавший в Венеции в 1539 г. свою «*Carta Marina*».

Первая же часть слова «Хразомагини», т. е. *хразо-*, по всей вероятности, содержит погрешность переписчика, т. е. скорее всего, *a* здесь стоит вместо *u* (лат.). В этом случае данная морфема может быть истолкована как то же самое греческое *χρυσο-*, т. е. «золотой». Далее приводится еще одно сходное наименование Японии — *Аурея Херсонесус* (вернее, *Херсонесус*), что значит «Золотой остров», да и вообще о богатых залежах золота в Японии говорят, начиная с Марко Поло, чуть ли не все средневековые авторы. Тот же признак указывается и в надписи, сделанной рядом с Японией на карте Абрахама Ортелиуса «*Tartariae Sive Magni Champi Regni Typus*» 1570 г.: «*Japan insula, a M. Paulo Veneto Zipangri dicta, olim Chryse, a Magno Cham olim bello petite sed frustra*», т. е. «Остров Япон, названный Зипангри М. Поло Венецианским, а в давние времена [наименованный] Золотым (*Chryse*) и с которым великий хан [вел] войну, небольшую и ничем не кончившуюся» (см. например: *Typus orbis terrarum / Ab. Ortelius, describ. cum*

privilegio decennali. [Antwerpen], 1587; Radebeul (Germany): Planeta, [1986]).

Выражение «Аурея Херсонесур» — видимо, описка переводчика или переписчика, правильно — Aurea Hersonesus, т. е. «Золотой Остров». В атласе Мюнстера, например, это выражение отнесено к Малакке (Р. 1242) и, по-видимому, было довольно широко распространено при описании экзотических островов.

ПОВЕСТВОВАНИЯ XVII В. О ЯПОНИИ (Тексты. Комментарии)

«Космография 1670», глава 70
«О Японии, или Япан-острове»

[Название страны]

Тот остров Марко Паулюсций³¹ называет Пантрии. В древние времена он именовался Хразомагини, а Меркатор называет [его] Аурея Херсонесур, то есть Золотой Остров. А ныне [этот остров] именуется общим словом Япония, или Япан³².

[Местоположение]

Три острова [расположены] отдельно [и] окружены, как пишет Петр Матфей³³, многими иными меньшими островами. Первый большой остров именуется Япан³⁴. Тот остров разделяется на 53 царства. [Те], которые из них главнейшие и самые могущественные, — это [царство] Меацый и [царство] Ямагунцы. Второй остров именуется Ксимо. На том острове 9 отдельных царств, Бунги да Фиген. Третий остров Ксикоум, на том острове 4 царства.

Япан-остров отдален от Хинского [Китайского] царства на 60 испанских леук. А в леуке по три версты. От Новой Испании, то есть от Западной Индии, — 150 леук. Всего пространства того острова угадывают 10 леук. А в разных местах неодинаково, ширина 10 и 30 леук. А об окружности

его никому подлинно и достаточно не ведомо. В разных местах — около 38 и 48 градусов³⁵.

На востоке [этот остров] протягивается к Новой Испании, с севера граничит с цитами³⁶ и татарами, и многие неизвестные дикие люди [там] живут, с запада — китайская граница. С юга — море и разные острова, с которых искони веку к Япон-острову приезжают торговать разными товарами.

[Климат и земледелие]

Воздух на том острове здоров, зимним временем снега и морозы бывают умеренные, землеплодие разных семян и овощей, пшеница сорочинского — в сентябре месяце³⁷. А пшеницу в мае сеют, с пшеницы хлебов не пекут, как у нас есть обычай, а токмо в кушаньях тесто мешеное устраивают, — в кушанье, но не пекут. Масла деревянного и коровья там нет, одно масло рыбье, то есть жир китов.

[Природные залежи]

Жители тамошние находят многие руды, тем и торгуют. На острове том толикое множество золота, как Маркус Паулюс Винецькийский по памяти пишет, палата царская золотыми досками покрыта была, наподобие палат наших стран, как бывают кровли у вельможных людей — медные, железные или свинцовые, так там так же в обычае золотые доски³⁸.

[Полезные растения]

Есть там древа овощные, и всякие, что они используют, но они не подходящие для нас, европейцев. Есть древо — единственную только ветвь испускает, имя его неведомо. То древо зело полезно для человеческого здравия, всякую мокротную болезнь уздравливает. А как дозреет, мокроту всю наоборот стягивает и великую болезнь приносит. Корень того древа на солнце сушат и толкут на муку, и смешивают с песком сухим и сеют в землю. От того заново такое же древо вырастает и корою обрастает. Ветвь того древа таковую силу имеет, — отрезав или отломав, приложи к ране какой ни есть, и тотчас заживет, и всякую занозу из человека или скота

вытягивает, железную и деревянную, даже если стрельное копьецо в человеке и в скоте, — вытянет во многих местах. На том острове кедр растет, таков толст, [что] на столпы и на всякие великие дела то кедровое древо секут³⁹.

[Животный мир]

8. Скотской природы, то есть овец, свиней, гусей, кур, иных тем подобных и домашнего скота много. Поля и луга многие — паства скотам, коням, быкам и всякому скоту. И сперва тут бывали волки, зайцы всякие, олени, козы дикие, а ныне нет. Птиц бажалтов, куроптев, тетеревей, кур лесных, гусей, уток, пав, иных всяких много⁴⁰.

[Управление государством]

Японские все острова и государства под именем единого царя, которому титул *во* или *даер*⁴¹. То есть он изволил пребывать в повседневной человеческой холе, в тишине и в покое.

Начальники, или владетели, после царя — два, именуются *нубис*⁴², те всех царств правители, и если один прегрешит, тогда [владетель] другому чести подвыштит. А ежели ж и другой прегрешит, тогда другому чести подвыштит. Паки прежнего тою ж честью и достоинством жалует. Те два мужа великородные бывают. И было некогда, что умыслили было от царя отложиться, себе царством владеть. И было в том многое смятение. И потом царь их одолел, и царства свои в смирение и кротость привел. И ныне един царь самодержавный, *даер* именуется. А кого где пошлет на воеводство, для веры дает листы за свою рукою [подписью].

[Письменность]

Азбука у них никакого нет. Токмо некие вымышленные точки пишут и тому научены⁴³.

[История]

Всех сильнее и могущественнее царство Меакум, или Меако, тамошние жители царя сего называли *тенсам*⁴⁴.

В державе его было много крепких оружейных городов.

В древние времена тем царством владел некий царь Нобунунга⁴⁵, тот изведен. А после него остались удельные князи, род Фаскиба. А ныне вправду всей Японии царь — Тайкосама, или Тайко.

[Главные города]

В Японии стольный город Меакум велик и славен зело, округа (окружностью) в 21 версту бывало. А ныне для [по причине] смятения и [по вине] многих воевод едва треть того города осталась⁴⁶. В том городе всех японских начал после царя три мужа начальствуют⁴⁷.

Кроме того, есть город Оссакая [Осака], славен и вельможен. И волен во всем. Во всех восточных царствах славнейший. К тому городу из разных окрестных государств с разными товарами приезжают, ярмонки и торговли великие бывают. Жители того города — торговые люди. Средней статьи [жители] — всяк имеет по 10 000 золотых червонных и больше. А большой статьи — несказанного богатства купцы.

Город Бунгум⁴⁸ стоит в крепком месте, в том городе христиан много.

Город Кая — город Бонсио, считается святым, которого Комбодас называют⁴⁹. Все цари и владельцы того царства в том городе погребаются. А если почему-либо невозможно мертвое тело отвезти туда, то хоть единственный зуб [у покойного] вынув, в тот город отвозят и погребают. К тому городу великий съезд бывает всяких людей.

Город Фиансо — от Меяка-города 18 леук. Во время державного правления Нобунарга-царя тот город был значительно разорен. 1596 года было землетрясение, и тот город весь земля пожерла, а потом вскоре вокруг все огнем выгорело. Так тамошние жители рассказывают⁵⁰.

Город Амангасакки, от моря Сакай, 15 леук. Город Восукеин, город Фанаум, город Тоса⁵¹ — славные изрядные города, о которых достаточно подробно писать невозможно из-за [нехватки] места.

[Водоемы и рельеф местности]

Источники многие содержат теплые воды, угодные для здравия человеческого.

Есть тут рыб всяких множество. Тут есть пеструги, или морские алоса, славная рыба⁵².

Здесь много корабельных пристанищ, среди которых есть пристанище Охино Фаманус⁵³. К тому бесчисленное множество кораблей пристаает.

Гор много, зело велики и высоки, меж ними особные две славные, именем незнаемы. Из одной всегда пламень исходит. Некие тамошние жители той горе поклонялись и жертвы приносили. Из той горы диавол въявь им являлся из облак. Есть гора Фигенаяма⁵⁴. Высота ее выше облак, много леук [в высоту].

[Монастыри и дворцы]

Славные и великоименитые костелы, или божницы их, аки [словно] некие пресловущие кляшторы⁵⁵ предивного поставления, также и дворцы вознесены немерною высотой, как Маркус Винецыйский пишет, золотыми досками покрыты и гвоздями золотыми прибиты. И ныне тем обычаем славные предивные каменные здания — великого царя их *такоса*⁵⁶ строенье на удивление человеческому воззрению. Тот поставил себе двор, а в нем одна тысяча обителей покрыта булатными досками, золотом навощенными. Долгота досок тех 8 пядей. А ширина 4 пяди.

И Бог, увидя такое его возношение и гордость, смирял его, напустив на те палаты мгу⁵⁷ и ржавчину, [каковая] не только кровлю, но и стены насквозь проела, и все ни во что обратилось от гнева Божия.

[Легенда о царе и золотых палатах]

Вправду тот их царь был многосмышлен, ко всяким делам тщателен. И подданные его по его мысли в краткие часы в скором времени немедленно все устраивали, во всяких делах поспешны [были].

Перед двором своим, который в ровном месте стоит, [он]

поставил театрум, то есть каменное, зело высокое здание со многими теремами, для всяких комедий, то есть действенных потех. Делали те каменные здания три мастера, и таково все было предивно устроено, что и нигде подобного тому не было, и все благодаря многоразумению и смыслу царя такого. Столбы были деревянные, преизрядно и предивно устроены, сиявшие, как зеркало. Все то каменное здание, и столпы деревянные вызолочены золотом твореным, великим смыслом и премудрым умением. На тех столпах вырезаны всякие звери и птицы и травы разные неудобсказуемо предивным и прехитрым мастерством. Около того театрума и всех теремов ров зело глубок, через тот ров — мост. Тем мостом царь тайно ездит. Посреди того моста была башенка четвероугольная. В той башенке было двое сеней. Кровля на той башенке была булатная. Долгота тех булатных досок 8 пядей, а ширина 4 пяди, навощены [доски] золотом твореным. Когда солнечный луч ту кровлю осияет, [та кровля] видится как существенное истинное солнце в том месте. Та башенка новым невиданным образом предивно и премудро устроена. Строи́ла деревянные, на чем кровля утверждается, все резные и золотом навощены. Во всем своем царстве, из иных государств мастеров [царь] изыскивал, и по его тщанию и желанию зело предивно устроено. Мост каменный через ров, по сторонам каменные перила, резные и золоченые. На позолоту вышло 15 000 золотых червонных — согласно сказкам [реестрам] подмастерья Сакаяна. А об иных многих зданиях каменных писать не буду за [нехваткой места]. Те каменные здания из-за землетрясения премудро и прехитро утвержены дровом и железом⁵⁸.

[Общественное деление]

Три мужа именуются *меацц*, они всего того царства правители. В их воле все то положено, имеют власть во всем.

Первый муж из тех трех — *зазо*, тот вместо Папы Римского, всякие духовные дела в воле и власти его.

Второй, *воото*, над всякого чина людьми имеет власть, от царя данную, честь и достояние всякому даст, повышит и умалит, то есть вознесет и смирит.

Третий, *убакама*, тот имеет власть войну завести и мир учинить с кем-нибудь, со всякими государствами.

Тамошние люди на пять чинов разделены.

Первый чин называется *тонас*, яко князи, марграфы, графы, латграфы, то есть великородные люди.

Второй чин — духовные люди. У тех верхи глав обритые, а по краям власы, разные многие богомолья поганские [языческие] действуют. Есть иные, подобные рыцарскому чину, как мальтийские, которые за веру свою стоят, тех всех называют общим словом *бонси*.

Третий чин — мещанский, иной мелкой шляхты, [людей], которые служат по городским делам, то есть [в должности] приставов и на всяких посылах (поручениях) находятся.

Четвертый чин — пахотные люди, которые трудами своими питаются⁵⁹.

[Правосудие]

Татей, и разбойников, и всяких воровских людей, которых изымают на каком-нибудь воровстве, в городе, по улицам водят, бьют и, за город вышедши, на кресте распинают, таким же образом, как Святого Апостола Андрея⁶⁰. Вверху и внизу крест учинен, а посреди креста древо толстое привито, чтоб давило. Гвоздями не прибивают, только вервymi вяжут накрепко. А шею в железный ошейник кладут и давят за шею, и все тело ко кресту пригнетают. А после всего того мучения всех камнем убивают, до смерти, и висящего на кресте спекулятор⁶¹ копьем прободает в пяти или в шести местах. Все внутренности его избодает. А иногда два спекулятора, один против другого прободают без всякого милосердия, поскольку указ исполняют.

[Верования (закон)]

Богомольство их, которых именуют *богзии*, среди идолов с [особым] усердием поклоняются богине Амиде да Скане, в будущих веках надежду на них полагают⁶². Называют их *фатоквос*. И иным, меньшим богам поклоняются и молятся о богатстве, и о всяких благах, тех *камис* называют. О богах их Павел Венецыйский в 3-й книге в 7-й главе пишет так:

Имеют мужи японские разных идолов, у некоторых — бычьи главы, у иных песьи главы, и разных зверей [головы] есть. У иных богов их одна глава, а четыре лица. А иные о трех главах, то есть на плечах — по главе, а третья — как полагается. Есть иные о четырех руках, иные о 20, иные о ста руках. У которого бога их рук больше, тому больше и молятся, и большая у него милость, а все дьявольским мечтанием.

А если у тамошних жителей кто-нибудь из иных стран спросит — отколе такое богомольство взяли, они на то отвечают, что отцы и деды и прадеды их тем богам поклонялись и так скончались, и им, их потомкам, запретили иным богам поклоняться и молиться.

[Образование]

А есть у них многие такие места, как у нас академии, то есть книжные училища. В городе Баном есть училище, в том училище разные учения, среди иных учений есть по их языку семинариум езуитское, Бунгинское, там японцы учатся португальскому языку, а португальцы японскому языку; а также латинскому языку, так и португальскому, — великие труды и тщание. У японских людей в обычае печатать книги своим языком⁶³.

[Национальный характер]

Японские люди многосмышлены, доброобразны, памятливы. Нищих и убогих нет. Друг друга ссужают и обнищать не дадут. Природою жестоконравны. Татей и всяких воровских людей не любят, проклинают. А кто на лжи клянется, того не любят и дивятся тому. Всяких премудростей искатели⁶⁴. К работам терпеливы. Лицом [цветом лица] подобны оливкам, то есть масличным ягодам, тщеславны, похвалы [им] желательны. Обид ни от кого терпеть не любят. Ко всякому воинскому оружию имеют охоту. От 12 лет за оружие принимаются, припоясывают корды⁶⁵, и сабли, и всякое оружие. Кто живет прожиточно, того похваляют. Служилых людей меж собою почитают и в чести имеют. В 60 лет [человек считается] совершенный воин⁶⁶.

[Национальные обычаи и блюда]

Брады подбривают. Главы иные бреют, а иные стригут под гребень, а иные вырывают, власы делают [себе] редкими, шляхетского рода мужи власы на главах имеют, прорывают, чтобы редки были. И те рваные власы на ночь кладут под голову и по тому сны угадывают.

А как едят, тогда на коленях стоят. Обычай их подобен хинскому (китайскому), едят вилками. А руками из блюд отнюдь ничего не емлют. А вечернее ядение едят боги⁶⁷.

Которые близко моря живут, те питаются рыбою, пшеном сорочинским, салатою, разные кушанья украшают и устраивают. Едят без скатертей и без сервет, то есть без полотенец. Столы кедровые, вышина — [одна] пядь, посуда дорогая, кушанья песком золотым посыпают, ветвями кипарисными покрывают. У иных вельможных людей на стол подают птиц печеных, ноги вызолочены. Виноград там не родится, привозят из иных стран. С водою смешав, пьют [изготавливаемый ими напиток, который] посыпают некоею травюю толченою, хея⁶⁸ именуемою. Шляхта ходит с открытой головой, без шапок.

[Торговля и богатство]

Торгуют с португальцами, испанцами, лузитанцами⁶⁹. Находят тут жемчуга множество окатистого, крупного, цветом прекрасен, и камня драгоценного — то и богатство, тут золото и жемчуг, и камень драгоценный, и всяким богатством государство то изобилует.

*Фрагмент из «Козмографии, сиречь
всемирного описания...», раздел «Индия»*

Горожане или жильцы острова, Япон нареченного, суть любовники истинного, или правды, и искатели премудрости, и к наукам охотники⁷⁰.

Одного государя имеют, которого слушают, но тот государь имеет над собой еще большего, нарицают его *воои*, который большую власть в вере и в духовных вещах имеет: таковая

власть того воои подобна [власти] Папы Римского. Княжеская или государева — подобна [власти] римского цесаря⁷¹.

[Японцы] славят единого бога, которого воображают себе с тремя головами и о котором ничего не ведают⁷².

Детей крестят. Ради покаяния постами свое тело иссушают. Так же, как и мы, крестятся [то есть осеняют себя крестным знаменем] против соблазнов диавольских и, видно, [и впредь] будут следовать нравам и вере христианской⁷³.

Фрагмент из «Избрания вкратце от книги глаголемая космография, еже глаголется описание всего света...»

Царство Никанское⁷⁴. Близ же Богдойского и Китайского государства есть царство Никанское, [оно] велико, и пространства имеет немало. Лежит на островах великого моря, океана восточного, в части Азии — во жребии Симове.

Людей имеет зело множество. И богатство имеет многое, злата и сребра и камней драгих и бисера имеет зело множество, и к деланию других товаров и узорочных камок⁷⁵ всяких цветов [обитатели этой страны] зело прехитры.

Винограду же всякого, и овощу, и сластей благовонных всяких зело премножество, и [жители] питаются ими. Хлеба же не имеют, понеже жгомы [сжигаемы] от солнца зело. И для того вина пить не могут.

Веру же имеют поганскую и жен имеют по своей воли⁷⁶. И к телесным похотем зело и играм слабы.

И не обладаемы никем, кроме своего царя, брани [войны] же имеют повсегда с Богдойским и Китайским царем.

Н. Г. Спафарий. Описание славного и великого острова Яппонского, и что при нем обретается

Великий и славный остров Яппонский, как о нем пишут китайския земнописатели, начинается против устья Амуры-

реки и простирается далеко против китайского государства. Иногда же от китайского государства в Японский остров в двой сутки плавают. А от устья Амура далече стоит, и того еще неведомо, а оказывается же, что недалече расстоянием есть оной остров. Ибо многия острова малыя с гор видятся от усть Амуры, от берегу морского, как о том сказывали в прежних временах иноземцы казаки, которые зимовали на усть Амуры. И тогда ходили гиляки с устья Амура на те острова, и привезли самой доброй кости рыбеи светлой, и китайския котлы и инья признаки многия, что те народи знаются с китайцами и с японцами. Сказывали же они иноземцы, что на тех островах множество живет народа самовольного, как и японцы.

Пишут же о сем острове, яко величиною сей остров в длину будет болши 1000 верст, а в ширину 200 верст болших. И хотя великия снеги и стужи на том острове бывають, однакожде со сто мест таких обретается, где копают и делают серебро, и оттоле в Китай приходит.

А прежде сего того острова во Европе не знали, пока не объявили о нем португанцы [португальцы] сидевым [такowym] образом. Из восточной Индии португалской большой корабль с торгом хотел ийти в Китай, и будучи на мори, великая буря учинилась. И неволею принесло к тому японскому острову. И как пришли к берегу того острова, начали торговать с японцами и познаватися, и по малу поселились некоторые от езуитов, которые уже с того времени на том острове весьма умножились, и нет никакого знатного местечка, чтоб во оно [в нем] не было езуитов.

Владеется же сей остров от разных ханов, и всякой имеет свою страну и городы. Болши же всех тех хан, посреди того острова жителствуяй в некоем городе, Масако⁷⁷ нарицаемом, во всем же сем острове до 50 ханов имеется. Народ сего острова зело храбр сухим путем [на суше] и на мори. Капища же вси имеют идолския и зело многия, на горах построены аки [словно, как] монастыри некия, и в них многия тысящи их старцов обретаются, которые живут в великом воздержании.

Японские жители наипаче из китайцев суть, которые пременили свой обычай на разность, многие же суть тамо и от мунгалцов, которые, пришед тамо [придя туда], умножились, и то видно по всему, что японцы волосы бреют как и мунгалы⁷⁸, хохлы оставивая. Такжеже [так же] и бороды щиплют, как мунгалцы же, которых дел у китайцев отнюдь никогда не бывало.

Такжеже и японцы в наречиях своих мешают литеру добро и рцы⁷⁹, которые у китайцев отнюдь не пишут и не говорят, а что же р литеру никакими мерами китайцы не обыкают говорить. Язык японской весьма разнится от китайского языка, а что же веру, учение и писмо все от китайцев взяли, точию в писме много прибавки японцы учинили разлучения ради свойственного языка. Платье у них носят такое же, как старые китайцы носили, платье широкое, с долгими и широкими рукавами.

Как то нецыи [некоторые авторы] пишут, что от китайских ссылных людей начались жители японские, и то все ложно, понеже нигде китайцы о том не пишут так. Пишут же о том нецыи, что славный и храбрый Ксий царь⁸⁰, послежде того, как покорил все китаи, и воевал мунгалов и иных порубежных государств, тогда послал паки караваны морския, и воевал все острова морския и самую Индию. И как видя себе [увидел себя] в толиких победах, в частии [счастии] же и славе, начал думати, как бы сыскати себе корень какой или лекарство, чтобы ему никогда не умерети, однакоже ничего не получил. Многократно же о сем и ныне честные люди китайские всеу [напрасно] труждаются, понеже [поскольку] они не чают воскресению мертвых быти⁸¹.

Потом же паки при оном Ксии царе был некий воевода морских войск, который по случаю ходил в Японской остров и [увидел], яко та земля хорошая и не многия в нем живут мужики. И тако той умыслил обмануть Ксия царя китайского, и себе зделать имя царское, и царство вечное себе получитьи и, пришед к царю, сказал, что он нашел на мори далече остров некий, землю новую, в которой подлинно может сыскатися лекарство тое, которое делает людей бессмертных.

Точию-де подлежит дать триста молодцов и триста девиц, понеже от Бога тако постановлено есть, что без столка молодцов и девиц невозможно найти такого лекарства. И тако Ксий царь сим словесем оного воеводы весьма поверил, понеже зело склонен был к тому делу, и боялся смерти, аки врага великого, и для того тот час велел тому воеводе караван морской делать, и собрать войско и тех молодцов и девиц, и ехати споспешением.

Той же воевода, взяв войско и тех людей, поехал в страну сию и, не обыскав лекарства, начал точию города строить и селиться в такой среброродной и плодовитой земли, и тако стал он первый хан японской, и от того умножилось сие государство.

После же того времени ханы японския начали посылати послов своих с поминками⁸² к китайскому хану, а как калмыки взяли Китай, тогда послали войско и на японцов, однако же они крепко оборонялись и победили калмыков и к себе отнюдь не допустили.

Потом напоследок послами своими поругались японцы над китайцами, что они недостойны царства своего хранить. И тако с того времени меж китайцами и японцами великая вражда и великия войны начались, а наипаче корейское государство японцы разорили в той войне, когда была меж калмыками и японцами, о которой упоминая, Венецианин⁸³ пишет в книге своей.

Имя японское свойственное есть китайское⁸⁴, понеже китайцы именуют их Гепуен, и они такожде именуются Гепуен, сиесть восход солнца, или первое место солнца. Именуют же китайцы Японию для того тако, что то государство последнее есть всех иных государств и знатнейшее к востоку, ибо от туду солнце восходит на Китай. Прежде же сего китайцы не чаяли, что их государство одно есть на свете, а про Японию и не ведали.

Венецианин же именует их по-калмыцки *зипанери*, а китайцы имянуют Гекве, по имени того морского воеводы⁸⁵. Такожде и иначе называют Ивуку, сиесть варвары, и сим именем поругаются им. Ныне же точию из Японского остро-

ва ходят для торгу в порубежныя китайския города, а далее не ходят, португанцы⁸⁶ же ходят и торгуются с ними.

Сказывают же об оном народе острова сего, что люди и оружие подобно тако же и у гиляков, которые живут на усть реки Амуры, где не токмо болшие суды возможно делать, но и великия корабли, точию не можно ходить в Китай и в японской остров. Сверх же сего мощно [можно] сыскати инья острова, которые еще на свете не знатны [неизвестны], и никто еще не проведал, понеже по северному морю плавати неудобно, а из восточного моря такожде не проведено. И тако ныне совершающе [завершая] книгу сию описания всего китайскаго государства, к тому же и прилежащие при нем иные государства изявихом [мы описали]. Такожде от преславной и преименитой реке Амуре во многих местех пространно написали, которая вершину владеют мунгалы, а в середине состоит владение российскаго государства, а от половины ея и до устья владеют китайцы. Писахом [мы написали] же мало нечто и о сем острове Японском, которого описания имеется здесь в России особливая пространнее книжица⁸⁷. Прочее же оставляя путь иным по нам [после нас] будущим родом к лучшему и ясному описанию не токмо китайскаго государства, но и за Китаем незнатных мест и государств. Еже [которое] да будет в прославление имени Божия и православныя веры, со всяким умножением и славою всего российскаго государства.

Совершено сие писание лета 7186 [1678], ноября в 13 день⁸⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Космография, сиречь описание сего света земель и государств великих. Написана бысть сия книга, глаголемая география, сиречь земли описание, в 7178 лето в 4 дне иянуария месяца, в Холмогорах // Временник Общества любителей древностей. СПб., 1878–1881. XXI–LVII–LXVIII.

² Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции // Приложение к «Обзору хронографов русской редакции» / Собрал и издал Андрей Попов. М., 1869. С. 504. Текст именуется: «Козмография, сиречь всемирное описание земель в едино пребывание и назнаменование степенем во округах небесных».

³ P. Kosta. Eine Russische Kosmographie aus dem 17. Jahrhundert. Sprachwissenschaftliche Analyse mit Textedition und Faksimile. (Specimina Philologiae Slavicae; Bd. 40). München, 1982. Здесь же пользуюсь случаем выразить благодарность проф. Иноуэ Тосикадзу за предоставленную мне возможность познакомиться с этим достаточно редким изданием.

⁴ Изборник... С. 533. Название текста – «Избрание вкратце от книги глаголемая космография, еже глаголется описание всего света. изыскана и написана от древних философов и преведена с Римскаго языка на Словенский».

⁵ Н. Г. Спафарий. Описание первыя части Вселенной, иже именуемой Азии, в ней же состоит китайское государство с прочими его городами и провинциями / Церковнославянский текст по рукописи с предисловием и указателем Н. Ф. Катанова; С биографией Спафария, составленной Ф. И. Яцимирским, с предисловием и указаниями Н. Ф. Катанова и А. И. Александрова. Казань, 1910. Этот текст в научной литературе часто именуется сокращенно «Описание Китая».

⁶ По остроумной формуле В. О. Ключевского, «греческое влияние было церковное, западное – государственное. Греческое влияние захватывало все общество, не захватывая всего человека, западное захватывало всего человека, не захватывая всего общества». В. О. Ключевский Курс русской истории. Т. 3. М., 1989. С. 244–245.

⁷ А. Н. Пыпин. История русской литературы. Т. 3. СПб., 1911. С. 176.

⁸ Г. К. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. М., 2000. С. 63.

⁹ А. Н. Пыпин. Указ. соч. С. 292.

¹⁰ Д. А. Ровинский. Русские народные картинки. СПб., 1881. С. 471–472.

¹¹ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. СПб., 1993. С. 5.

¹² Н. Чарыков. Предисловие (Читано в собрании Общества любителей древней письменности, 24 апреля 1881) // Космография, сиречь... С. 24.

¹³ Данные приводятся по: А. Карпов. Азбуковники или Алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой Библиотеки. Казань, 1877. С. 231–232. Правда, пока мы не можем утверждать наверняка, что и в тех, давних космографиях встречались упоминания о Японии.

¹⁴ А. Н. Пыпин. Указ. соч. С. 293.

¹⁵ Николай Спафарий Милеску. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960. С. 6.

¹⁶ См: Novus Atlas Sinensis (изданный Блау в Амстердаме в 1655 г.) и Atlas Sinensis hoc est descriptio imperii Sinensis una cum tabulis geograficus. Amsterdam, 1665. Сравнение структуры и китайской части «Описания» с сочинением М. Мартини проведено в работе: М. А. Момина. Текстологическое сопоставление «Описания первая части Вселенная, иже именуемой Азия» Н. Г. Спафария (Милеску) и Atlas Sinensis М. Мартини // Вопросы теории и истории языка. Л., 1969.

¹⁷ Памятники литературы древней Руси. XVII век. Кн. 2. М., 1998. С. 695.

¹⁸ Меркатор — Герард Меркатор, фламандский географ и картограф (1512–1594), составивший знаменитый «Атлас» (Atlas Minog), где нанесена и Япония под именем Iapan. На основе его атласа был составлен новый Атлас Ортелиуса, по-видимому имевший широкое хождение в Московской Руси. По некоторым данным, впервые космографический труд Меркатора был переведен на русский язык в 1637 г. при царе Михаиле Феодоровиче переводчиком Посольского приказа Лыковым Богданом «с товарищем Иваном Дорном». По положению на конец XIX в. этот перевод существовал в нескольких списках, а также имел хождение в отрывках и кратких изводах; полный текст его не был напечатан (Н. Чарыков. Предисловие... С. 7).

Общая структура и большая часть сведений, представленных в «Космографии 1670», даны именно по Меркатору, хотя с изменениями и достаточно избирательно. Мы провели также срав-

нение этого фрагмента русской космографии с переводом атласа Г. Меркатора на ранненовоанглийский 1636 г. по изданию: *Gerardi Mercatoris et J. Hondii. Atlas, or, A geographicke description of the regions, countries and kingdomes of the world, through Europe, Asia, Africa, and America, represented by new & exact maps / Translated by Henry Hexham. Printed at Amsterdam, by Henry Hondius, and John Johnson, 1636. Amsterdam. (Theatrum Orbis Terrarum (Theatrum Orbis Terrarum), a series of atlases in facsimile). 1968. 2 v.* Английский перевод в целом соответствует оригинальному изданию «Atlas sive Cosmographiae meditationes de Fabrica Mundi et Fabricati Figura», изданному в 1595 г., русский местами отличается.

¹⁹ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903. С. V.

²⁰ Там же. С. 80.

²¹ Мураяма Ситиро. Хёрюмин-но гэнго (Язык японцев, прибитых волнами к России). Токио, 1965. С. 5.

²² Р. Коста. Оp. cit. P. 120.

²³ Изборник... С. 508.

²⁴ Поскольку речь в этом фрагменте идет именно об острове, к тому же языческом, а не христианском, этот текст, по-видимому, никак не связан с загадочным Никанским царством, которое на старинной карте Ремезова указано как находящееся где-то на побережье, недалеко от устья Амура, и которое Накамура Ёсикадзу связывает с легендой об утопическом христианском царстве Пресвитера Иоанна; см. Накамура Ёсикадзу. Никанкоку-но надзо — мо хитоцу-но ютопия дэнсэцу (Загадка Никанского царства — еще одна утопическая легенда). Мадо, 2000. 6—113. С. 8—11.

²⁵ Изборник... С. 478; Р. Коста. Оp. cit. P. 173.

²⁶ И. Г. Спафарий. Описание первых части... С. 30.

²⁷ Россия и Запад // Горизонты взаимопонимания. Литературные источники первой четверти XVIII в. М., 2000. С. 45.

²⁸ Э. Я. Файнберг. Русско-японские отношения в 1697—1885 гг. М., 1960. С. 20. В этой работе впервые говорится о составных частях памятника и приводится несколько цитат. Такано Акира. Нихон то Росиа (Япония и Россия). Токио, 1971. 2-е изд. 1994. С. 18. Накамура Ёсикадзу. Мосуковия-но нихондзин (Японец в Московии) // Сурабу кэнкю (Исследования по славистике). № 26. Токио, 1980. С. 26. В. Н. Горегляд. От знакомства к изучению // Г. Д. Иванова. Русские в Японии XIX — начала XX в. М., 1993. С. 5. К. Е. Черевко. Зарождение русско-японских отношений XVII—XIX в. М., 1999. С. 15—16.

²⁹ Накамура Ёсикадзу в своей статье о Николае Мело (возможно, первом японце, оказавшемся в России) высказывает предположение, что текст «Космографии» мог послужить одним из возможных источников народных утопических представлений, во всяком случае, автор полагает это более вероятным, чем связь русских народных утопий с историей Мело; см.: Японец в Московии. Возможный источник легенды о Беловодье? // Тр. Отдела древнерусской литературы. Т. 50. СПб., 1996. С. 403.

³⁰ См., например, публикацию отрывка о Китае с комментариями из «Описания Китая» в: Памятники литературы древней Руси. XVII век. Кн. 2. М., 1998. С. 535—549.

³¹ *Марко Паулюсций* — Марко Поло, который в других местах текста именуется также Маркус Паулюс Венецыйский, Маркус Венецыйский и Павел Венецыйский.

³² *Пантрии* — вероятно, искаженное Зипангу. О слове *Пантрии* и других названиях Японии см. общее предуведомление к переводу, с. 28—29.

³³ *Петр Матфей* — по нашим предположениям, автор, имя которого в многочисленных европейских изданиях XVI в. и позже предстает как *Petro Maffeio*, *Pietro Maffeo* и т. п. (у Меркатора — *Petrus Maffejus*). Иоаннис Петри Маффеи Бергоматис, или Джованни Пьетро Маффео, или Жан Пьер Маффео из Бергамо (1535—1600) — авторитетный историк и литератор, в 1570 г. был произведен в кардиналы, стал иезуитом. Ему принадлежит перевод с португальского на латинский писем иезуитов, побывавших в Ост-Индии, а также составление многотомного исторического труда о деятельности иезуитских миссий на Востоке.

³⁴ *Остров Япан* — нынешний остров Хонсю. Далее следуют: *Меацый* — Мияко, «столица», т. е. нынешний г. Киото. *Ямагунцы* — Ямагути, провинция на западной оконечности Хонсю. Ее особая важность для авторов текста оригинала связана, по-видимому, прежде всего с тем, что именно здесь в 1551 г. иезуитам удалось открыть свою первую базу в Японии. *Ксимо* — остров Кюсю.

Бунги да Фиген — возможно, провинции Бунго и Хидзэн острова Кюсю, т. е. места, более всего связанные с деятельностью ранних христианских миссий.

Ксикоум — остров Сикоку.

³⁵ *Леука* — мера расстояния, в современных русских изданиях называемая «лига» или «лье» (фр.). Ее числовое значение варьируется в разные эпохи и у разных авторов. Принято считать, что одна венецианская лига времен Марко Поло равнялась 4 милям

или 6 км. При этом, как уже говорилось в примеч. к первому параграфу текста, Марко Поло насчитывал от китайского побережья Манги до Японии 1500 миль, т. е. в пересчете на лиги 375. По мнению японского переводчика и комментатора Марко Поло, эти 1500 миль отсчитывались от Цюаньчжоу (яп. Сюнсю), одного из крупнейших китайских торговых портов Средневековья, до Дадзайфу, т. е. управы губернатора на острове Кюсю (Марко Поло. Тохо кэмбунроку. Атаго Мацуо якутю. Токио; Хэйбонся, 1971. С. 133). В данной космографии приводятся иные данные, возможно восходящие к материалам иезуитских миссий. Цифры 60 и 150 леук встречаются и в других источниках, в том числе более поздних, например в изданной в елизаветинской Англии во второй половине XVI в. книге «The Firste Booke of Relations of Moderne States» (Б. г., Б. с.) о Японии говорится: «This countrey is distant from Nouva Hispania about 150 leukes, from China 60». *Новая Испания* — имеются в виду новооткрытые американские земли.

³⁶ *Циты* — надо думать, речь идет о скифах, лат. *scythae*.

³⁷ В староанглийском переводе Меркатора читаем иное понимание оригинала: «Страна подвержена холоду и снегу, поэтому не очень плодородна» (Op. cit. P. 417), т. е. слово «мерный» (умеренный) относится к слову «землеплодие». *Сорочинское* (сарацинское, т. е. происходящее из мусульманских земель) *пшено* — рис.

³⁸ От слов «палата царская» и до конца абзаца — точная цитата из Марко Поло.

³⁹ Гигантские деревья встречаются в Японии и в действительно сти и в легендах — например, в «Хитати-фудоки» и др., то же можно сказать и о лекарственных растениях, однако трудно сказать, что именно здесь имеется в виду. Этого повествования, насколько мы можем судить, нет ни у Меркатора, ни у Марко Поло.

⁴⁰ *Бажалты* — фазаны, *куропти* — куропатки, *павы* — павлины.

⁴¹ *Во* — яп. *воо*, кит. *ван*, правитель, государь. То же самое см. «Козмография», абзац 2, где слово *во* имеет вид *воои*. *Даер* — от яп. *дайри*, эфвемистическое обозначение императора в японских средневековых текстах. В западных источниках встречается и написание *dairi*, *daugi*, и написание *daige*, откуда, вероятно, и произведена форма *даер*. *Изволил пребывать в повседневной человеческой холе* — в английском переводе — «купаются в роскоши и безделье» («wallowed in the mire of luxurie and floth»).

⁴² *Нубис* — ошибка переводчика или переписчика. У Меркатора — *Cubis*, по-японски *кубо*; в составленном иезуитами

словаре, изданном в 1603–1604 гг. при иезуитской коллегии в Нагасаки (*Vocabulario da lingua de Iaram com a declaração em Portugues*, его японский перевод — Хояку Ниппо дзитэн, Дои Тадао, Морита Такэси / Тёнан Минору хэн. Токио: Иванами сётэн, 1980), это слово объясняется как «главный полководец всей Японии».

Два великородные мужа — возможно, что здесь имеется в виду правление Южной и Северной династий (Намбокутё), когда власть в Японии оказалась расколота.

⁴³ Можно предположить, что эта характеристика японской графики — не перевод, а «слова от автора» — составителя «Космографии 1670», решившего вообразить воочию и кратко оценить сведения иезуитских миссионеров о японской системе письма, — у Марко Поло об этом не говорится вообще. Впрочем, нечто похожее писал о китайских иероглифах (называя их «признаками») Н. Спафарий в своем описании Китая («Описание первья части вселенной, иже именуемой Азии...»): «...у них нет писма, толко признаки такие живописанные; и каждый признак держит одно слово. И столко у них признак таких много, что который у них зело учен, надобно ему знати 80 000 признаков... И того ради надобно великая память и трудность немалая, потому что у них нет ни писма, ни слогу; толко сколко слов и речей знати, и столко надобно и признаков знати... А пишут не так, как наши прямо на бумаге, только начинают сверху, будто столп, и ходят на низ. А как чтут [читают], что турки, — от права клеву чтут [справа налево]; а не чтут, толко что поют по-своему, будто песни» (Из «Описания Китая» Николая Спафария // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 539–540).

⁴⁴ *Тенсам* — вероятно, имеется в виду японское *тэнси* («небесный внук») или *тэнка* («[государь] Поднебесной»), гонографическое наименование императора, чьей резиденцией была столица — Мияко, от последнего же слова произведена латинизированная форма Меякум.

⁴⁵ *Нобунунга* — Ода Нобунага (1534–1582), воин, член рода Фудзивара. Ему удалось покончить с раздробленностью страны и начать ее объединение под своим правлением. Нобунага покровительствовал христианским миссиям, быстро принимал и внедрял разные европейские новшества. В конце концов он был предан собственным соратником, который с группой воинов окружил дом, где находился Нобунага, и поджег его. Нобунага был вынужден сделать *харакири*.

Род Фаскиба — имеется в виду Хасиба, т. е. Тоётоми Хидэёси (1536/37—1598), завершивший объединение страны. В 1585 г. получил звание кампаку, главного канцлера, потом стал дадзэ дайджин, т. е. великий министр. *Тайко-сама, или тайко* — «великий канцлер», «главный министр». Этим выражением было принято обозначать Тоётоми Хидэёси.

⁴⁶ *Едва треть того города осталась* — столица Киото не раз подвергалась разного рода бедствиям. Возможно, здесь имеется в виду смута годов Онин (1467—1477), когда город почти полностью сгорел.

⁴⁷ *Три мужи начальствуют* — подробнее об этих трех мужах рассказывается ниже.

⁴⁸ *Бунгум* — речь может идти о провинции Бунго на Кюсю, одном из мест деятельности иезуитов-миссионеров, а также о городе Бунги на Хонсю.

⁴⁹ *Город Кая* — город Бонсио [бонзы], считается святым, которого Комбодас [Кобо-дайси] называют. — Речь здесь идет о Кобо-дайси (Кукай, 774—835, Кобо-дайси — его посмертное имя), который является Бонсио, т. е. бонзой, буддийским священнослужителем. Стало быть, топоним, которым начинается фраза, — не Кая, а Коя (у Меркатора — Coia), т. е. гора Коя-сан, где Кукай (Кобо-дайси) основал буддийскую школу Сингон. Во многих текстах на европейских языках японского «христианского века» и позже имя Кобо-дайси транскрибировалось как Combendaxis (см., например: Letters written by the English residents in Japan. 1611—1623 / Ed. by N. Murakami and K. Murakawa. Tokyo, MCM (1900). P. 292). Т. е. комментируемая фраза означает: «Есть поселение на горе Коя-сан, где жил бонза, почитавшийся святым, по имени Кобо-дайси». На горе Коя-сан и в настоящее время имеется огромное буддийское кладбище, где сохранились могилы многих знатных людей Средневековья.

⁵⁰ *1596 года* — в самом деле год разрушительного землетрясения в Японии. *Город Фиансо* — у Меркатора Fianopansa. Здесь приходится учитывать, что городом может быть названа любая исторически значимая местность, включая гору (как мы видели на примере горы Коя-сан). Исходя из указания о том, что во времена Нобунага (в данном абзаце он назван Нобунарга) этот город был razoren, а потом сгорел, можно предположить, что речь идет о монастыре Энрякудзи буддийской школы Тэндай на горе Хиэйдзан, который Нобунага сжег дотла в 1571 г. Топоним Фиансс вполне может соответствовать Хиэйдзан в рамках той путаной

транскрипции, которой пользовались переводчики тогдашнего времени.

⁵¹ *Амангасакки* — г. Амагасаки, ныне находящийся между г. Осака и Кобэ.

Сакай — ныне город у побережья Осацкого залива, практически слившийся с Осакой.

Города *Восукеин* и *Фанаум* (у Меркатора — *Vosoquin, Funarim*) не снабжены никакими отличительными признаками, поэтому предполагать что-либо относительно исходных японских топонимов слишком трудно или, вернее, слишком легко. К сожалению, в вышеназванном японско-португальском словаре 1603 г. топонимы отсутствуют. В книге Мацуда Киити «Намбан сирё-но хаккэн» («Обнаружение письменных источников по истории “южных варваров”»), Токио, 1992, как самые яркие примеры лингвистических трудностей этого рода приводятся слова *Солха*, которое надо читать как *госё* (название одного из чинов придворной администрации) или *Хашта* (иногда *Shashma*) — *Сацума*.

Тоса — это область Тоса о-ва Сикоку.

⁵² *Пестругой*, *пеструш(ж)кой* называли рыбу вроде гольца, камчатского лосося или форели. Существительное мн. ч. «алосы» отождествить пока не удалось, хотя созвучие с лососем соблазнительно. У Меркатора и Марко Поло рассказ о рыбах отсутствует.

⁵³ Пристань *Охино Фаманус* вызывает ряд ассоциаций с японскими топонимами, прежде всего с *Оки-но хама*, но это снова опасная область: ведь в тексте не сказано даже, на *Хонсю* или на *Кюсю* она находится.

⁵⁴ *Гора Фигенаема* — может быть, имеется в виду нынешняя гора *Фугэн-дакэ* на юге *Кюсю*. Но, например, в книге Н. Горлова 1835 г. (см. прим. 12) самой высокой горой Японии, где всегда лежит снег, именуется «гора *Фези*» (с. 109), так что не исключено, что и здесь речь идет о *Фудзи-сан*, но и это только предположение.

⁵⁵ *Костелы* (церкви), *кляшторы* (монастыри), кроме того, появляющиеся дальше слова *шляхта* (дворянство), *серветы* (полотенца, салфетки) — все это полонизмы, свидетельствующие о наиболее вероятном языке-посреднике, с которого делалась компиляция.

⁵⁶ *Такос*, или, вернее, *тайко* — *Тоётоми Хидэёси* (см. также прим. 15).

⁵⁷ *Мгла* (церк.-слав.) — туман, испарения, поднимающиеся от земли. Эта легенда о гибели золотых палат явно переключается со

«Словом завершительным о падении царств», где утверждается, что неправедные так или иначе падут. У Меркатора тоже имеется описание роскошного дворца Тайко, но дидактическая концовка отсутствует (Op. cit. P. 418).

⁵⁸ Возможно, в этом фрагменте речь идет об огромной роскошной резиденции Дзюракудай (Дзюракутэй), которую приказал выстроить себе Хидэёси в столице Киото. Строительство началось в 1586 г. и закончилось через год, а в 1588 г. дворец посетил император. В 1591 г. Хидэёси передал Дзюракутэй своему преемнику Хидэцугу. После смерти Хидэцугу, в 1595 г., дворец с прилегающими зданиями и усадьбами был разрушен, сведений о нем осталось немного.

Три мастера Сакаяна — возможно, имеется в виду, что они происходили из города Сакаи. Сведения о подмастерьях и о затраченных средствах у Меркатора в английском переводе отсутствуют.

⁵⁹ В этом фрагменте говорится о разных японских сословиях. Слово *меацци*, вероятно, произведено самими авторами — иезуитами или Меркатором как множественное число от слова *мияко*, столица, построенное по латинским правилам. *Зазо* — по нашим предположениям, имеется в виду дадзэ (-дайзин), т. е. главный министр. *Воото* — не вполне понятно. Возможно, имеется в виду слово *отодо*, министр.

Иубакама — ошибка или описка, поскольку у Меркатора говорится Сибасата, т. е. *кубо:-сама*, то, вероятно, речь идет о главном полководце, сёгуне. *Тонас* — явно такое же латинизированное множественное число, произведенное от слова *тоно* — рыцарь-земледелец, даймё. *Бонсии* — «бонзы», произведенное на русский лад множественное число от встречавшегося выше слова *бонсио*, буддийский священнослужитель.

⁶⁰ *Св. Андрей* — один из 12 апостолов, брат св. Петра, святой покровитель России и Шотландии, который, по преданию, был распят на кресте, имеющем Х-образную форму. Интересно, что в английском переводе в объяснение казни говорится — «как это делается у иудеев», святой же Андрей не упоминается.

⁶¹ *Спекулятор* — по-видимому, из польск. «исполнитель», «экзекутор», «палач».

⁶² *Богзии* — видимо, разновидность прочтения слова *бонсии*, т. е. «бонзы», буддийские монахи.

Амида да Скана (в оригинале: «промеж идолами богине амида даскане с усердием поклоняются») и далее — в большинстве

западных текстов того времени в разделах, рассказывающих о японской религии, обычно приводятся четыре японских понятия, вероятно, и здесь речь идет о них же, это: 1) будда Амида (Ами-табха), 2) Сакья-Муни (португальская транскрипция — Хаса), 3) хотокэ, Будда — фатоквос (португ. *fatoques*) и 4) божества ками — множ. число в латинском и португальском — *kamis*. Таким образом, «поклоняются богине амида даскане» может означать «поклоняются будде Амида и Сакья[-Муни]», слово «богиня», вероятно, результат неправильного морфологического истолкования. В английском переводе Меркатора — *Amida & Хаса*, т. е. Амида и Сяка.

О японских идолах и происхождении их верований от дальних предков — цитата из Марко Поло.

⁶³ В пров. Бунго на Кюсю иезуиты открыли духовные школы, семинарии, печатный двор.

⁶⁴ *Всяких премудростей искатели* — явно переключается с другой «Космографией», которая помещена следующей.

⁶⁵ *Корд* — короткий меч.

⁶⁶ Шестидесятилетие и в Китае, и в Японии считается возрастом зрелости и совершенства.

⁶⁷ *Вечернее ядение едят боги* — скорее всего, речь идет об обычае приношения еды богам.

⁶⁸ Русская космография опускает имеющиеся в этом разделе у Меркатора подробности о снятии обуви перед едой, пользовании палочками и некоторые другие сведения, зато заимствует из иных источников данные о том, что японцы высокого рождения ходят без шапок, а также о принятом у них напитке хея. Думается, что хея — это не что иное как чай (*chea, thea*).

⁶⁹ Лузитания, начиная со II в. н. э., была одной из римских провинций. Потом, во времена владычества испанцев, страна получила название Португалии по самой северной ее территории и старинной гавани Порто (Опорто), построенной еще римлянами. По-видимому, португальцы и лузитанцы различались и позже как выходцы из разных земель одного и того же государства.

У Меркатора испанцы и лузитанцы не упоминаются.

⁷⁰ Здесь очевидно сходство с «Космографией 1670», раздел «Национальный характер», где говорится, что японцы — «всяких премудростей искатели», т. е. обе фразы восходят к одному и тому же обороту в оригинале.

⁷¹ См. также «Космография 1670», раздел «Управление государством».

⁷² В отличие от «Космографии 1670», раздел «Верования», и от книги Марко Поло, где представлены японские языческие боги со многими головами, в этом случае, видимо, речь идет о христианской вере японцев («славят единого бога», далее — «будут следовать нравам и вере христианской»). При этом речь идет о боге о трех головах — возможно, так, в понимании иезуитов, японцы представляли себе Троицу.

⁷³ *Против соблазнов* (в мюнхенской «Козмографии» — «против лестном», в списке А. Попова — «против лестном диаволским») — в английском переводе 1570 г. — *contra daemonum*.

⁷⁴ Не исключено, что слово *Никанское* связано со словом *Нихон*.

⁷⁵ *Камка* — узорчатый шелк.

⁷⁶ *По своей воли* — т. е. число жен зависит от желания мужчины (в противовес христианским установлениям).

⁷⁷ Вероятно, ошибка переписчика, имеется в виду Меако (Меяко, Меак) — Мияко, иначе говоря, Киото.

⁷⁸ *Мунгалцы*, *мунгалы* — монгольские племена.

⁷⁹ *Литеру добро и рцы* — т. е. буквы (зд., вернее, звуки) Д и Р.

⁸⁰ *Ксий царь* — легендарный китайский правитель Цинь Ши-хуанди, объединитель Китая и создатель централизованной империи.

⁸¹ Автор хочет сказать, что китайский царь боялся смерти, потому что не ожидал после смерти воскрешения из мертвых и жизни вечной (как на то могут уповать христиане-праведники). Отсюда — его поиски эликсира бессмертия.

⁸² Т. е. с данью.

⁸³ Имеется в виду книга путешествий Марко Поло, где рассказывается о нашествии монголов на Китай и неудачной попытке захвата Японии.

⁸⁴ Т. е. название страны — китайского происхождения. *Гепуен* — вероятно, искаженное прочтение латинской записи китайского слова *жибэнь*, яп. *ниппон*.

⁸⁵ *Гекве* — видимо, имеется в виду легендарный персонаж, правда, не воевода, а, согласно легенде, придворный лекарь при дворе Цинь Ши-хуанди — по-японски его имя звучит как Дзёфуку или Дзёфуцу, кит. Сю Фу. Легенда о нем имеется в «Ши цзи» — там герой ведет тысячу юношей и девушек на гору Саншэньшань за Восточно-Китайским морем (гору Трех Богов, гору Хорай и т. п.). Ему не удается найти траву бессмертия, но

он достигает японских берегов и пристает к бухте Куманоура в провинции Ки-но куни. Вероятно, на этой легенде в «Ши цзи» основан краткий сюжет, пересказанный в XII в. в «Дзинно: сё: то:ки» (где имя персонажа не названо). Ранее XII в. легенда о Дзёфуку в японских текстах не встречается. Делались некоторые попытки отыскать аналог этому персонажу в японской истории — таковым, например, у одних японских исследователей оказывался император Дзимму, у других — Ко:рэй, поскольку по некоторым подсчетам (тоже вполне мифологическим) Ко:рэй по времени совпадает с Цинь Ши-хуанди. Во времена позднего Средневековья эта легенда фигурирует в «Ниппон о:дай итиран» «Очерк поколений властителей Японии». В начале XIX в. этот текст был издан в Европе в переводе И. Титсинга, и легенда о Дзёфуку с тех пор была растиражирована чуть ли во всех трудах о Японии как исконно японский сюжет.

В современной Японии легенда о Дзёфуку имеет довольно ограниченный ареал распространения — вокруг города Сингу преф. Вакаяма (речь идет о той же местности Кумано, легендарном месте прибытия Дзёфуку в Японию), где имеется синтоистское святилище, посвященное Дзёфуку, и его «могила». На этой легенде основывается производство некоторых товаров, составляющих местную достопримечательность. Помимо этого, сюжет о Дзёфуку и связанные с ним синтоистские храмы имеются кое-где на побережье Японского моря, на Кюсю и пр.

⁸⁶ Т. е. португальцы.

⁸⁷ К сожалению, как мы уже писали в главе, предпосланной публикации текстов, непонятно, о какой книге идет речь. Вероятно, это была одна из работ, прочитанных Спафарием во время подготовки к поездке в Китай. Известно, что среди них была, например, «Книга из оптеки, в которой описано государство Китайское и лексикон китайский», заметки о путешествиях и т. п. Интересно, что первоначально со Спафарием предполагалось послать лекаря «для изыскания тамошних лекарств и всякого коренья» (*Николай Спафарий Милеску. Сибирь и Китай. С. 9–10*) — что звучит словно слабый отголосок истории с Дзёфуку, а также напоминает об удивительном корне, который «всякую болезнь уздравливает» из «Космографии 1670».

⁸⁸ Материалы этого раздела книги опубликованы впервые в: Л. М. Ермакова. О Японии, или Япон-острове // Мир по-японски. Эстетические и этические ценности в японской культуре. СПб.: Северо-Запад, 2000. (Библиотека японской литературы),

а также: Описания Японии в старописьменной русской культуре XVII века // Acta Slavica Iaponica. Т. 18, 2001. Sapporo (Japan).

ВЕСТИ О ЯПОНИИ В РОССИИ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.

В предыдущей главе было представлено четыре рукописных текста о Японии, и все они, как уже сказано, относятся к периоду не позже конца XVII в. Далее мы собираемся продолжить рассказ на начатую тему о главных событиях в письменной культуре России, так или иначе связанных с Японией, переместившись в XVIII и первую половину XIX в. и ограничиваясь примерно тем рубежом, с которого начинается Новое время в Японии — время реставрации Мэйдзи, открытия страны, до этого в течение трех веков почти закрытой для внешних сношений, т. е. довести наше повествование до 50-х гг. XIX в.

Итак, с началом XVIII в. и с подъемом гражданской печати в России в петровское время известия и рассказы о далеких Японских островах вступают в новый этап существования. Только начав разыскания, убеждаешься, к своему удивлению, что за сто с лишним лет — с начала XVIII в. до середины XIX-го — публикаций, связанных с Японией, было в России довольно много; многие из них еще предстоит открыть, но и обнаруженные нами издания в совокупности своей насчитывают многие сотни страниц. И это неудивительно — век секуляризации, просвещения, европеизации предполагал значительное расширение сферы культурного любопытства, не говоря уже об интересах становящегося абсолютистского государства, стремящегося наладить разнообразные связи с иностранными державами.

Разумеется, все писания о Японии в XVIII в. в большинстве своем основаны на трудах западноевропейских авторов

позднего Средневековья. Однако это обстоятельство несколько не означает второстепенности этих текстов в российской истории. Переводы как таковые во многих (если не во всех случаях), как нам уже доводилось писать выше, занимают в культуре место не менее значимое и знаменательное, чем оригинальные произведения; культурные движения очень часто находят выражение, как сказано в уже цитированной работе А. И. Соболевского, «не в оригинальных произведениях, а в подборе переводов», и переведенный текст или компиляция текстов становятся органичной частью местной литературы или науки. Во всяком случае, переводы, естественно, прежде других разновидностей литературной деятельности формируют представление о той или иной далекой культуре.

Принято считать, что одно из первых упоминаний о Японии в российской печати раннего типографского исполнения встречается в российском издании атласа Варениуса 1718 г.⁸⁹, однако нам удалось обнаружить чуть более раннее — в книге 1710 г. «География, или Краткое земного круга описание», где «острова японския» названы в числе других, расположенных «на восток же по окиану великому», наряду с островами Ява, Келебес (Целебес), Луконн (Рюкю) и др.⁹⁰

Затем о Японии говорится и в атласе Б. Варениуса 1718 г. («Бернарда Варения Всеобщая география, пересмотренная Исаком Невтоном и дополненная Яковом Журейном»⁹¹). Здесь дано краткое описание Японии, географически же Япония названа в числе «инсул великих», т. е. девяти больших островов, наряду с такими островами, как «Британия, Исляндия, Канаденская, Новая Земля, Калифорния» и др.⁹² Кроме того, речь о Японии идет в этой книге и в Главе 21, Предлог 17, «О ветрах в особенности, и о непогодах», где рассказывается о таком явлении природы, как тифоны (тайфуны): «между Хиною и Япониею многие бури от новомесячия иуля до 12 дня месяца того ж»⁹³. Здесь же упоминается широта (без долготы), на которой расположен город «Меак Японский», т. е. Мияко, современный Киото, — кстати, Москва тоже дана одной только широтой. (Трудно удер-

жаться, чтобы не привести здесь замечательный термин, встречающийся в этой «Географии», пусть он и не имеет никакого отношения к Японии, это слово «истиодромия» — «ход корабля»; похоже, впоследствии это слово исчезло из обихода, но его почему-то жаль.)

«Описание о Японе»

Подобные краткие записи в атласах, как нам представляется, были если не первыми, то одними из первых упоминаний Японии в истории гражданской печати России. Издание, по-видимому, непосредственно следующее за этими атласами, это «Описание о Японе» Карона, Шарльвуа и Гагенара⁹⁴. Раньше, в рукописных книгах XVII в., как мы видели, Япония предстала мирным краем, где успешно действуют христианские миссионеры и веротерпимость выступает как основа гражданского мира, в этом же издании вставал образ другой Японии — жестокой гонительницы христианской веры. И в то же время помимо рассказов о трагической судьбе христиан в Японии там же приводилось множество разных других сведений о Японии, почерпнутых в основном из писаний Франсуа Карона и Генрика Гагенара, состоявших при голландских торговых миссиях в Японии.

Эта книга, по-видимому, долгое время была основным источником сведений о Японии: она весьма обширна и подробна и содержала информацию из самых разных областей жизни Японии. Здесь мы процитируем лишь наиболее интересные, на наш взгляд, фрагменты.

Примечательно само начало книги, из которого явствует, что очертания Японских островов по тем временам составляли загадку для Европы и вполне допускалось, что часть Японии, подобно Корее, была полуостровом: «Нынешние географы чинили описание о Японе по тем приметам, которые они из некоторых известий бывших там купецких людей взяли, и понеже не много таких купцов находится, которые бы в географии были искусны и в своих путешествиях о чем другом помышляли, как токмо о прибытках, которые они

от своего купечества получить могут, то и учиненные от них о том описания суть весьма сомнительны. Древние же географы потому не имели о том совершенного знания, то такожде по примерам, которым они уверялися, что остров Ябадзин, о котором сказует Птолемей⁹⁵, есть оной, его же ныне нарицают островом Нифон, о нем же я подлиннее уведомился по сказкам многих особ, которые имели сие путешествие, что империя Японская ныне обретается сочинена из многих островов, из которых некия могут и не острова, но полуострова. И особливо же, иже [те, которые] сочиняют часть земли Иессо [Эдзо, современный остров Хоккайдо. — Л. Е.], которая обитатели суть подданники и данники японянам, обаче [однако] же навклир (пилот) голландской, который обрел берег для познаний, есть ли оный брег земля острова того, или он брег есть кряж Корейския земли? неведомья и до сих дней, до коих мест распростирается позади Хины [Китая], даже до внутренности Татарии» (с. 1—2).

Из этой книги русские читатели XVIII в. уже могли узнать о существовании японских вулканов, в том числе знаменитой горы Фудзи: «...на острове Нифон имеется гора, мещущая из себя пламень огненный, яко и гора Этна в Сицилии».

В книге рассказывается также, что император японский живет в городе Иедзо, «того ради, зане во оном воздухе благорастворенный зной же не есть тако великий» и что его палаты покрыты «золотыми бляхами» (рассказ, напоминающий писания Марко Поло об изобилии золота в Японии).

При этом под императором явно имеется в виду сёгун, имевший реальную военно-политическую и административную власть в Японии позднего Средневековья. Император как таковой, который в этих текстах именуется Дайри, при этом оставался в своем дворце в городе, в те времена именуемом в русских текстах Меак, Меако и т. п. (от *мияко* — «столица», современный Киото). Об этом говорится так: в столице имеет свое жительство Великий Дайри, и «вскоре по его венчании не подобает ему являтися сиянию лунному, також и обрезавати ногти ножницами и брители главу» (с. 5). Там же приводится объяснение этим обыкновениям: нель-

зя показываться при лунном свете, потому что император — сын Солнца, а стричь ногти и волосы — святотатство. От себя добавим, что это означало бы символическую порчу и посягательство на священную особу императора. Далее сказано: «Никогда не отнято было ему никакое излишество плоти: не стрижено ему было ни волос, ни бороды, ни ногтей, а что либо ни ел, было в новых горшках. Имел он при себе 12 жен, которых с великими брал за себя обрядами» (с. 24).

Из любопытных подробностей скажем также, что каждые семь лет, как рассказывается в книге, сёгун посылает императору в Киото «своего из первейших князей с кошницею исполненною земли» в подтверждение того, что японские земли принадлежат императору по праву наследства. Сам же сёгун должен каждые три года посещать императора в старой столице, причем ему при этом подносится чаша вина, которую после этого разбивают, что, как говорится в книге, является «знаком его порабощения».

О религии же сообщается следующее (и этот фрагмент текста очень напоминает приведенный в предыдущей главе фрагмент из «Космографии», рассказывающей о Никанском царстве): «Японцы суть идолопоклонники, а наипаче поклоняются солнцу, но хотя они имеют бесчисленное множество капищ и идолов, обаче [однако] же сей народ невесма прилеплен к своему суеверию, токмо един император [видимо, сёгун Тоётоми Хидэёси] жесток против протчих вер, и [японцы] едва изъезжают из своего государства [куда-либо] кроме в Хину и Иессо, и весма недавно, яко [потому что] император учинил запрещения жестокия всем своим подданным имети никакого купечества с иностранными кроме хинцов [китайцев] и голландцов. <...> Обаче повествуют, что в 1585 году некии господа из сих островов внов обращены в веру христианскую, посылали своих детей в Рим для признания Папы Григория 13 и для их обучения и возвратившаяся в Гою⁹⁶ в лета 1587 и восприяты были во свою землю с великою радостью» (с. 8–9).

В этой цитате излагается краткая история пришествия христианских миссионеров в Японию, а затем запрет на христианство, наложенный сёгуном Тоётоми Хидэёси (под-

робнее о нескольких десятилетиях японского христианства в XVI в. см. во второй части книги). Дело кончилось тем, что Хидэёси в XVII в. закрыл Японию для внешних сношений. Некоторые торговые связи все же поддерживались, но с одной лишь Голландией, при этом для скудной торговли с этой страной был насыпан искусственный остров недалеко от Нагасаки, чтобы чужеземцы не ступали на японскую землю. Японцам же запрещалось под страхом смертной казни покидать территорию страны и как бы то ни было сноситься с иностранцами.

Чрезвычайно выразительно в книге описывается обычай харакири — «за малую досаду, которую получают, ежели они не могут того часа отмстить, то убиваются между собою распоротием чревес своих крюками». Отмечается также, что харакири совершается и во время кончины своих господ или когда возводится дворец, «понеже они имеют такое суеверие, и верят, что сии жертвы нужны для утверждения строения».

В книге приводятся и разного рода остросюжетные мелодраматические истории, напомиающие жанр *отоги-дзоси* и повествующие о разных примечательных событиях, семейном укладе, кровавых драмах и пр.

Здесь же дается обширная информация о верованиях и культуре японцев. Вот, например, описание праздника о-Бон: «Праздник умерших почти так же отправляется, как и родительская суббота, который праздник называется бон <...> Всяк для такового дела имеет свой чин особенной и свой пагод, потом друшке после друшки все рядом идут около некого места, которое как бы кладбище или голубец, накрыт какою-либо парчею из шерсти <...> стихиры поют, и умерших службу отправляют» (с. 104). Вообще, в целом, как сообщается в книге, у японцев есть «12 законов», т. е. религий, 11 из которых, видимо, представляют собой различные буддийские школы, поскольку о них говорится, что «их попы» не едят мясо животных.

«Второй на десять» (двенадцатый) закон, судя по описанию, близок к верованиям в т. н. богов Неба-Земли — т. е. к верованиям, которые принято называть синтоизмом. В то же

время сведения об этом «законе» противоречивы: его священнослужители могут есть «всякое животное, что есть на воде и на земле», иметь жен, и называют тот закон Икко или Икка». Икко, вернее, Икко-сю — иное название буддийской школы Дзёдо-Синсю, что не согласуется с возможностью есть мясо животных, так что данная в «Описании о Японе» классификация японских религий требует, по-видимому, многих уточнений.

Еще одна черта японской религиозности, удивляющая исследователей и по сию пору, в этой книге, по-видимому, провозглашается впервые, во всяком случае, на русском языке: «Никогда я не слышал, чтобы когда был какой спор между японцы о символе веры» (с. 109), — удивляется автор. Для него важно также, что японцам неведомо учение о конце света, что для многих японцев человек «духа бессмертна не имеет», хотя некоторые из них веруют, что душа опять на свет придет и будет жить в радости или печали, как кто заслужит.

Особое внимание уделено языку и способу записи — отмечается, что «языки у хинцов, яппонцов, корейцов и тонкинцов» так различны, что эти народы не понимают слов друг друга. Писание же приказов и указов есть «дар и искусство заключать пространный смысл в малых строках». Отмечается, что в Японии имеется много «книгохранилищ» (книжных собраний) и что император и весь двор его и жены тоже сочиняют книги.

Вообще религия, образование и культура японцев описаны с вниманием и уважением, подчеркивается «великое расположение к наукам», общая доброжелательность японцев, и это несмотря на то что в целом книга посвящена жестоким расправам с японскими христианами и миссионерами, казням и гонениям.

«Краткая история о Японском государстве»

Следующая объемная и исторически важная книга принадлежит немцу, ставшему, как многие иностранные специ-

алисты того времени, видным российским ученым, — Ивану (Иоганну) Рейхелю⁹⁷, профессору Московского университета. Рейхель Иоганн Готфрид (?—1778), профессор всеобщей истории, прибыл в Москву в 1757 г. из Лейпцига по приглашению акад. Г. Ф. Миллера. Он читал в Московском университете немецкий язык и литературу, потом всеобщую историю и статистику современных европейских государств, был автором многих книг, написав в том числе «Краткое руководство к познанию натурального, церковного, политического, экономического и учебного состояния некоторых знатнейших европейских государств» (М., 1775; переведена с латинского языка иеромонахом Аполлосом). Уже после его смерти его ученик Михаил Падерин издал в своем переводе его лекции по истории под заглавием «История о знатнейших европейских государствах»

Из речей его на латинском и немецком языках переведены на русский язык: «Слово о том, что науки и художества процветают защищением и покровительством владеющих особ и великих людей в государстве» (М., 1762; перевод будущего писателя Д. И. Фонвизина, тогда студента Московского университета), «О наилучших способах к умножению подданных» (1766), «Речь об искусствах древних» (1770), «Цветущее состояние и слава России, от геройских добродетелей ее Самодержицы происходящие» (1772) и «Слово о способе, каким древние возбуждали в гражданах любовь» (1775).

Тем более примечательно, что этот знаток «состояния некоторых знатнейших европейских государств» счел нужным написать объемную книгу о Японии — «Краткую историю о Японском государстве»⁹⁸. Она была издана в 1773 г. и перепечатана в 1778 г. под заглавием «История о Японском государстве».

Книга была написана для российского читателя также на языке науки того времени — т. е. на латыни, а затем переведена на русский.

С точки зрения авторитетного Рейхеля, Япония была отыскана португальцами в середине XVI в., раньше о ней

Водяв. 3876 Рег. № 1641

ГРАММАТИКА СЛОВЕНСКАЯ

НАПИСАНА

ПРЕ ІОАННА УЖЕВИЧА СЛОВЕНСКОГО
ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ПАРИСКОЙ
ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ
В ПАРИЖЕ

7568. A.

В РОКЪ СЪ НАРОЖЕНІА СНА БЖОГО
А. Х. М. Г.

GRAMMATICA SLOVENSICA

scripta
Per Joannem Ujevichum Sclavonicam (Slovenicam) Academiae
Parisensis Scholae Theologicae:
PARISIENSIS
Schoe lae Theologicae Dei 1, 6, 4, 3.

І. Ужевич. Граматыка Словенская (факсимильное издание). —
Грамматика слов'янська І. Ужевича. Паризький рукопис. Підготували
до друку І. К. Білодід, Е. М. Кудрицький. Київ, 1970.

Possebat esse nomine aliqua Regnum
 imperio in vocabulis in lingua Sclavonica reddi con-
 xidi, ut, Italia, Germania, Turcia, Francia seu
 Gallia, Ungaria Scythia, et ad hoc usque, no-
 men usumque in clavis in numeris, et aliis
 ut si velis dicere, discessi per Ungariam, debet
 esse, perquam per Franciam, deinde per Ungaros
 perquam per Italiam, etc.

Vel circumlocutione aliter ut perquam
 Slavonicam per septem Italia, Ungaria, etc.

Repetuntur habitatio aliqua qua lingua
 latini nomine formata sunt efformantur, ut Francia
 Mosca, Polonia Sclavia Anglia, China,
 India, Japonia, Malabarica, Persia, Malaca-
 nia, Siam, etc.

De Numerabilibus

Sclavoni res numerant in numeris eorum
 per numerum unum, ad 5, sex, septem, 8, 9, etc.

Латинские слова славянскими
 буквами

Географическая
 писательская
 рукопись
 читателя.

Написана была эта книга в Москве
 в 1670 году, в царствование
 Алексея Михайловича, по
 повелению государеву;

царѣ два. нѣкии именуются, тѣ всѣхъ црѣтъ практиче, и естьхъ
 пре единъ погрѣшинъ, тогда другому чести поъвышинъ. ащеи
 и другой прегрѣшинъ, тогда другому чести поъвышинъ. пакы
 преъного тою честию и достобитство жалуется. тѣ два мужа
 белнокороные выеантъ. и было нѣкогда, что оумыслили были
 шцарѣ шложителъ, сеетѣ царствы владѣть. и было это многое
 смятеніе. ипотомъ царь и о долинъ, и црѣта свои вземиреніе
 и вкротостъ прике. и ниѣ едиъ царь самодержавной, а безъ имя
 нуется. акого гдѣ пошле на воюество, для еѣры даеъ
 листы заскою рѣкою. а еука дни никакого нѣтъ. токмо
 нѣкіе вымысленые точки пишутъ, и тому наъчѣнъ сѣть. всѣхъ
 силѣ и мотнее црѣте меакумъ, или меако, тамошини жители
 царя того называху тенсамъ. вдежаѣ егѣ крѣпкіе много
 оружейные города выеали. вдревніе аѣта тѣмъ црѣтеомъ владѣ
 аѣ нѣкин царь ноуунуга, то и зведеиъ. апосле егѣ осталиъ
 ѣдѣльные киши, роъ ааскива. а ниѣ впраде все японин царь
 такосама, и таiko. въ японин столю гороъ меакумъ великъ
 и славениъ сѣлю, округѣ, ка, крѣста выеало. а ниѣ для смя
 теніа и многоиъ воюевъ едѣ третѣ того гороа остала. вгороа
 еѣ нача ипоски, поцарѣ три мужи начаьствую. кромѣ
 того еѣтъ гороа оссакаа, славениъ и белможенъ. и волѣнъ вогеѣмъ.
 кокеѣхъ восточныъ црѣта славениѣишии, ктому гороа и разны
 а. снѣ шкѣтныъ гдѣтѣхъ сраными товарами, и приѣжаиъ, и монки
 и тогѣвалъ великіе выеанъ. мешане тсгс гороа тогѣвые люди,

Фрагмент «Космографии 1670», рассказывающий о политическом устройстве Японии.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ ОМЯД

Описание славнаго и великаго острова японскаго, и что при нем обретается; великий и славный остров японский, какъ ѡ немъ пишуть китайскія землеписатели, начинается противъ острова амбры рѣки, и простирается далекъ противъ китайскаго гартва. И тогдаже ѡ китайскаго гартва въ японской островъ в дѣон сътки плаваютъ, а ѡ островѣ амбры далече стоятъ, и того въ еще невѣдомъ, а называется же что недалече разстояніемъ есть оной островъ. Ибо, многіа острова малыа и горы видатся ѡ островѣ амбры, ѡ берегѣ морскаго, какъ ѡ томъ изъсказывали брѣжнихъ временъхъ иноземцы казакъ, которые знавали на островѣ амбры. И тогда ходилъ гиліиби съ островѣ амбры на тѣ острова, и привезъ самой доброй кости рыбы събтой, и китайскія котлы и иные признаки многіа, что тѣ народъ знаются к китайцямъ и съ японцамъ. Сказывали же они иноземцы, что на тѣхъ островѣхъ множество живеть народа самовологовъ, какъ и японцы. Пишуть же ѡ семъ островѣ, икъ величиню сей островъ в длину вдетъ колци 1000 верстъ, а в ширину 200 верстъ вошихъ. И хотѣ великіа снега и стѣжи на томъ островѣ вывѣтъ, одинакоже со что мѣсть такъхъ обрѣтается, гдѣ копають и дѣлають серебрѣ, и ѡ томъ к китчанъ приходять, а прежде сего того острова ко европѣ не знали, пока не объявилъ ѡ немъ португалцы сицебыма образомъ. Изъ восточной индіи португалской колшой корабль к торговѣ хотѣлъ итъти в китанъ, и вѣдчи на морѣ, великаа вѣра оучинилась, и неволею принеся къ томъ японскому островѣ. И какъ пришли къ берегу того острова началъ торговать съ японцами и познаватися, и по малѣ поселились нѣкогорыѣ ѡ островѣхъ, которые оуже к тому времени на томъ островѣ велиа олинжились, и нѣтъ ни какогъ значнаго мѣстца, чгоихъ ко ономъ нѣбыло островѣхъ. Идѣтца же сей островъ ѡ разныхъ хановъ, и великой ииѣтъхъ свои странѣ и города, боши же всѣхъ тѣхъ ханъ, посреди того острова жи телствуй в нѣкоемъ городѣ МАСАКО нарицаемома, во всемъ же семъ островѣ до би хановъ ииѣтца. Народъ сего острова зѣлъ хравъ сѣхъмъ пѣтемъ и на морѣ, каинца же вси ииѣють идальскія и зѣкъ многіа, на горѣхъ построены

Начало 58-й Главы «Описание славного и великаго острова японскаго, и что при нем обретается» из книги Николая Спафария «Описание первыя части Вселенной, иже именуемой Азии, в ней же состоит китайское государство с прочими его городаы и провинциимъ».

Фрагмент издания с предисловием и указателем Н. Ф. Катанова.

Казань, 1910.

О П И С А Н І Е
о
Я П О Н Ъ.
содержащее въ себѣ три части,
то есть:
ИЗВѢСТІЕ О ЯПОНѢ

и
о винѣ гоненія на христіанъ,
исторію о гоненіи христіанъ
въ японѢ

и
послѣдованіе странствованія
генрика гагенара,

которое
исправною ландкартою и изрядными
фигурами украшено
напечатано зоркимъ шкелетемъ.

Въ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ
При Императорской Академіи Наукъ
1768 года.

Титульный лист издания
«Описание о Японе,
содержащее всего три части,
то есть: известие о Японе и
о vine гонения на христіан,
исторію о гоненіи христіан
въ Японе и последованіе
странствованія Генрика
Гагенара, которое исправною
ландкартою и изрядными
фигурами украшено.
Напечатано вторым
тиснением.

В Санкт-Петербурге.
При Императорской
Академии Наук 1768 года».

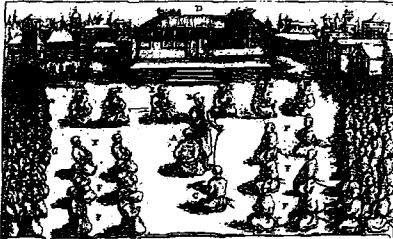
III.
ПОСЛѢДОВАНИЕ СТРАНСТВОВАНІЯ
ГЕНРИКА ГАГЕНАРА
въ
ВОСТОЧНУЮ ИНДІЮ

Японія, юже обывашели
нарицають Ниппонъ,
пріемлется за единъ или
за множество острововъ,
сочиняющихъ Имперію;
хотя вещь сама и
неудобоизвѣстна естъ.
Ибо и сами Японцы
не вѣдаютъ, кромѣ того,
что касается главнаго до
сихъ острововъ. По
точнымъ отъ мене
ученнымъ произысканіямъ
обръшаю я, что *провинція
Канто или Кванто *Ос.
А естъ листъ

Страница
«Описания о Японе»,
начинающаяся
с местоположенія
Японскихъ островов.

Rechte Beschryvinge
 Van het Machtigh Koninkrijk van
I A P P A N,
 Bestaende in verscheide Vragen, betreffende des sels Re-
 gering, Coophandel, maniere van Leven, strenge Justitie
 &c. voorgesteld door den Heer *Philips Lucas*, Directeur
 Generael wegens den Nederlanden Staat
 in India, eode door de Heer
FRANCOYS CARON,

President over de Comp. ommesich in Japan, beantwoort inden Jaer 1636.
 Beschreeven door hem selven in zijn taal, en vertaald in uysche taal, te de
 hand- en ommesichingen door Henrick Wagenaar, in dat na alhier niet zijn
 zijn oorspronkel schrift te accepteren / en niet Slagen te verseren betrefte.

In 's Gravenhage, by *Johannes Teymolen*, Boeckverkooper, 1662.

Титульный лист голландского издания книги Франсуа Карона о Японии 1662 г., часть которой вошла в «Описание о Японе».

VI.

Государство въ данну имѣть не болѣе 1800 верстъ.

По большимъ дорогамъ есть крѣпости всѣ въ описаніи означенныя, земляныя и изъ дѣрева устроенныя, во всѣ пушекъ немнѣющія; да и на Европійскіе крѣпости во всѣ не походятъ, словомъ сказать весьма малозначущіе, гарнизоны въ нихъ слабыя, вооруженіе у нихъ разнообразное.

Укрѣпленія приморскія и то въ рѣдкихъ мѣстахъ нѣсколько соответствуютъ сему названію; но самое изъ нихъ важнѣйшее при Портѣ въ Нагазаки и при входѣ въ гавань близъ Столицы Куба, въ Вадо.

Войска содержится очень мало, хотя считается онаго до ста тысячъ, но большая часть изъ нихъ живуть свободно, а только вписаны въ списки, и облазны точьтасъ вьются по требованію съ собственнымъ оружіемъ, — оное дается отъ казны тѣмъ только, кои въ столицахъ.

Въ случаѣ крайности по требованію должны выставить участи свои удѣльные Кишья, число коихъ до трехъ сотъ тысячъ подлагать можно.

Для поля, пушекъ во всѣ нѣтъ, относительно артиллеріи Японцы никакого понятія не имѣють, и стрѣльбы во всѣ тѣрпеть немогутъ; ружей весьма мало, главное оружіе стрѣлы и копья.

VII.

Въ городахъ и даже въ Столицахъ все строеніе деревянныя. Кирпичное строеніе не въ употребленіи.

Изъ сего краткаго изложенія видно, какой слабой составъ имѣеть сіе Государство, при всемъ своемъ отъ природы данномъ богатствѣ, и правительство само чувствуетъ оное старается все мѣрно быть въ безмѣстности отъ Европійцовъ, а изъ сего слѣдуетъ, что съ симъ Государствомъ должно имѣть сношенія требовательныя и настоятельныя, никогда не входить на судахъ въ Портъ Нагазаки, а сноситеся въ другихъ портахъ, потому, что расположеніе перваго такою, что безъ помощи Японцевъ вошедшій корабль въ невозможности вытти, сими средствами можно дойти и получить отъ Японскаго правительства все желаемое; но какъ зѣданное описаніе обдлинитъ болѣе, то симъ и прекращаю

Издатель Н. Горлова.

ИСТОРИЯ ЯПОНИИ,

ИЛИ

ЯПОНИЯ
ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ ВИДѢ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАЩАЯ САМОЕ ПЕРВОЕ НАЧАЛО СЕГО ГОСУДАР-
СТВА ЗА 660 ЛѢТЪ ДО РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА, И
ПОТОМЪ ПО РОЖДЕСТВѢ ПО 1730-Й ГОДЪ;
ГЕОГРАФИЮ ВСЕГО ГОСУДАРСТВА, СЪ ПОКАЗАНИЕМЪ
ВСѢХЪ ПОДРОБНОСТЕЙ. И ОПИСАНІЕ РАЗСТОЯНІЙ
МОРСКАГО ПУТИ ВОКРУГЪ ВСЕГО ГОСУДАРСТВА И
ГЕНЕРАЛЬНОЮ КАРТОЮ ОНАГО.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ М. ПОНОМАРЕВА.

1835.

Титульный лист монографии Н. Горлова «История Японии,
или Япония в настоящем виде». М., 1835 г.

Przekład japoński dwu cytatów z pisma św., napisany na prośbę Bernarda Maciejowskiego, posta królewskiego przy Stolicy Apostolskiej, przez postów japońskich do Gregorza XIII papieża, w Rzymie 1585 r. — darował „na znak wielkiej swej miłości dla Biblioteki Uniwersyteckiej Krakowskiej” tenie Bernard Maciejowski Biskup Lucki w r. 1599. —

Записка с текстом на польском языке, обнаруженная в музее Коллегии иезуитов на острове Амакуса (Кюсю), благодаря которой в конце концов удалось отыскать утраченный исторический документ XVI в.

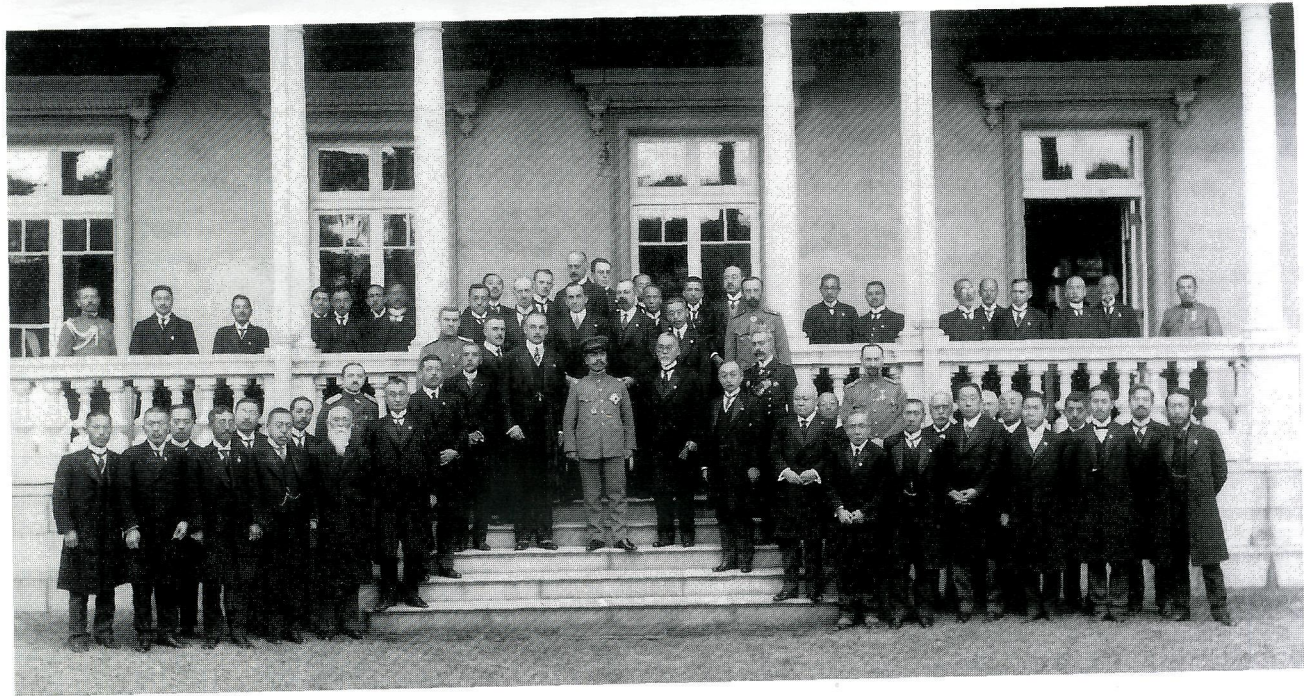

はなはだもうかたろ存じます

大層な毛虫はゆえしやした。一衣
は例いしたといふが、ついでに靴
をいしてたておすみま女、(毛虫)
スウェットナちゃんには、大天のすか
喰大さくたふられたでせうね、
まは、おすみま女、おすみま女、
く存じたまふが正月の勢圓く

いろくふお徳をれすれす、たので
なまは、何れと忙しく、それおす
あといす上系しおければ、おす
人の、折角おす、お正月に、
ついでせうか、おす、おす、
つてあると、多分おす、同伴して
年末より、おす、おす、
おす、おす、おす、
おす、おす、おす、
おす、おす、おす、

Письмо Танидзаки Дзюнъитиро, адресованное Оресту Викторовичу Плетнеру. Конец 1920-х гг.

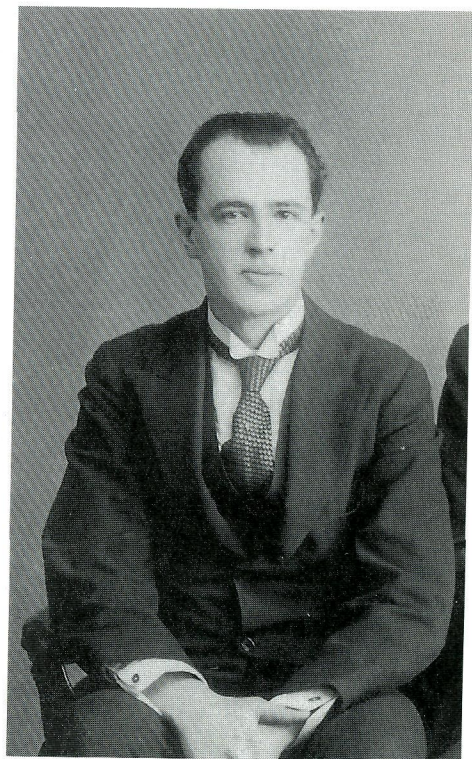

Фотография сотрудников посольства России в Японии и японских гостей на официальном приеме. Предположительно конец 1910-х гг. В заднем ряду — Орест Плетнер, работавший тогда переводчиком при посольстве.

Орест Плетнер периода работы в российском посольстве в Токио.
Имена находящихся рядом японцев не установлены.

Орест Плетнер. Предположительно начало 1920-х гг.

Кику Плетнер-Хаяси, жена Плетнера. Вероятно, середина 20-х гг.

Фотография Н. И. Фельдман и Н. И. Конрада,
отправленная Оресту Викторовичу Плетнеру. На обороте надпи
«Лето 1964 г. Рижское взморье». «Дорогому старому товарищ
на память — от всегда помнящего чудесные дни совместного “был
Н. Конрад. Сердечный привет и от меня. Н. Ф.-Конрад.
13 апреля 1965 г. Москва».

О. В. Плетнер в поздние годы. У входа в Университет Иностранных языков г. Кобе (старое здание Университета до переноса кампуса с горы Рокко в западный район города).

ничего не было известно. Источников относительно Японии мало и во времена Рейхеля, особенно непосредственно привезенных из Японии: на японском языке, пишет он, исторические книги в Европе редки, даже в королевской библиотеке в Париже есть всего лишь одна японская летопись. «Славный Слоан богаче» (Слоан — знаменитый английский натуралист и коллекционер, чье собрание легло в основу Британского музея) и располагает многими японскими историческими книгами и ландкартами, «но кто может сии драгоценные вещи читать и разуметь?»

Разуметь по-японски, в самом деле, тогда, по-видимому, мало кто мог, хотя указ о первой (первой в мире, кстати говоря) школе японского языка Петр издал еще в 1702 г.

(Историки сообщают, например, об одной курьезной истории, связанной с пониманием японского языка в России. У берегов Камчатки в 1742 г. потерпело крушение очередное японское судно, и документы с него были отосланы в Петербург, в Сенат. Там разобраться не смогли, отправили в Министерство иностранных дел, т. е. в соответствующую Коллегию. В Коллегии в конце концов составили справку, которая до сих пор хранится в архиве. В справке говорится: «В Коллегии Иностранных дел вышеобъявленные присланные при указе из Правительствующего Сената на японском языке письма объявлены были китайцу Федору Джогге, который, посмотря их, сказал, что их перевести он, Джогга, не может». В результате письма снова вернулись в Сенат непрочитанными. Однако надо было выполнить указ императрицы Елизаветы Петровны о переводе этих документов, и Сенат отправляет их почти обратно — на восток, в Сибирскую губернскую канцелярию. Там бумаги снова были подвергнуты тщательному изучению, и по прошествии пяти месяцев из Тобольска был отправлен рапорт в столицу: что полученные бумаги на японском языке показаны здешнему муфтию, но последний, «посмотря те письма, сказал, что знает-де он языки и грамоту татарскую, арапскую, персическую, а объявленные письма на каком языке написаны, он не знает»⁹⁹.)

Сам Рейхель ощущает незнание японского языка как большой изъян своей работы и приносит извинения за возможные ошибки в транскрипции японских слов, впрочем возлагая вину за это на самих японцев, закрывших страну для внешних сношений: «...но естли мы прегрешили, то пускай! японец на нас за это негодовать не будет; ибо мы не можем к ним дойти и лучше научиться».

Рейхель сетует на то, что русские, рассуждая о Японии, в отсутствие собственных специалистов «должны полагаться на чужестранных писателей». Однако не все чужестранцы вызывают у него сомнение, а главным образом те самые Карон и Шарльвуа, написавшие вышеназванные «Описания о Японе». Они, считает Рейхель, «разгласили в Европе разные ложные сведения о Японии» — для своей корысти, из упрямства или желая другим вредить¹⁰⁰.

«Надежнейшим писателем» Рейхель полагает Э. Кемпфера — как человека ученого, кроме того, имеющего личный опыт. Энгельберт Кемпфер был немецким врачом и ботаником; он совершил длительное путешествие в Азию, работая при Голландской ост-индской компании. В 1690—1692 гг. он жил на искусственно насыпанном острове Дэсима недалеко от Нагасаки вместе с остальными членами голландской миссии (причем ему пришлось выдавать себя за голландца, поскольку никаким другим иностранцам пребывать в Японии не разрешалось). Один раз он даже совершил поездку в Эдо к сёгуну. Но и во время путешествий Кемпфер не имел права сходить с лошади, ему было запрещено самому срывать растения, так что зарисовывать их он мог только, когда ему приносил их приставленный к нему его японский ученик. Похоже, что Кемпфер среди множества добытых и приобретенных в Японии экспонатов привез в Европу из Японии и небольшое, искусно выполненное чудище, которое было ему вручено как чучело японского водяного — каппы. Его зарисовки замков бывали подписаны по-арабски — чтобы не прочитали японцы, владеющие латиницей¹⁰¹. Многие из привезенного в Европу Кемпфером¹⁰² после его смерти попало к сэру Хансу Слоану и впоследствии стало достоянием Британского музея.

Несмотря на пиетет по отношению к Кемпферу, кстати, бывавшего и в Москве, Рейхель в то же время провозглашает: «...в сей краткой Японского государства истории мы никакому писателю слепо не следовали, мы испытывали, избирали и по ненависти или мщению писанное старательно от справедливого и бесстрастного различали». В самом деле, даже заслуживающий доверия Кемпфер не раз подвергается критике просвещенного историка.

Изложение Рейхеля критично не только по отношению к предшественникам, порой оно бывает выдержано в иронических тонах и по отношению к объекту исследования. Довольно точно излагая содержание мифов из летописного свода «Кодзики», Рейхель рассказывает о семи поколениях богов, называя их имена, — Идзанаги-Идзанами, Аматаэрасу и т. д., хотя применяемая им транскрипция в настоящее время выглядит настолько диковинной, что японские имена не сразу или не всегда поддаются расшифровке.

При этом с явной насмешкой он пишет: «Японцы думают, что они произошли от самих богов и сотворены при самом первом приведении в порядок всемирного хаоса». Японскую историю древности он делит на три периода, различая время «баснословное, неизвестное и историческое». «Из этих летописей усмотреть можно, как основательна и справедлива история сего государства»¹⁰³, — так иронизирует над японцами этот российский европеец эпохи Просвещения. С его точки зрения, «чтобы не оставить весьма много пустого места в своей Истории, японские летописатели наполнили оное Египетской и Китайской Историями и внесли имена Китайских императоров».

При этом все три периода по японским летописям Средневековья изложены Рейхелем подробно и добросовестно, приведены и позднесредневековые легенды и поверья.

В частности, рассказывается, что в древности японцы имели собственную азбуку *коммон*, но заменили ее на китайскую. «Выговор его [японского языка] гораздо мужественнее китайского и имеет многосложные, а часто и весьма долгие слова. [Яп. яз.] правилен, красив, изобилен... на нем можно говорить о высоких и низких вещах приятно и важно»¹⁰⁴. Это

примечательная фраза, чем-то даже напоминающая известное рассуждение М. В. Ломоносова о русском языке. Рейхель рассказывает также об основном мифе императорского дома — идее непрерывности правления династии с 660 г. до Р. Х., а также о существовании трех религий — «Ксинто, Будзо и секты Сиуто, которую содержат их философы и моралисты и которую пристойнее назвать можно безбожием; она сходствует с сектою ученых китайцев»¹⁰⁵.

Отдельное место посвящено «наукам и художествам», которым учат смолоду: это живопись, музыка, стихотворство и красноречие, «и всем сим исчисленным наукам не токмо отроков, но и девиц обучают с великим старанием. Последним служит то к особой чести, есть ли в уединении, в котором по тамошним обычаям жить должны, бывают непраздны, но при своих рукоделиях упражняются также и в вещах, к очищению вкуса и просвещению разума служащих».

Рейхель, ссылаясь на свидетельства миссионеров, особо отмечает красноречие буддийских монахов, вызывающих потоки слез у слушающих. В его книге, по-видимому, впервые в русской печатной культуре рассказано о «театральной поэзии» японцев, насчитывающей великое множество театральных сочинений, подразделяющихся на трагедии и комедии. Впервые на страницах русского издания появляются названия литературных произведений японской классики — называется антология «Факу-нин-исиу», т. е. «Хякунин иссю», включившая по одному стихотворению от «ста пиит». Приведем цитату, характеризующую японскую классическую литературу в целом: «В древние времена японцы к стихотворцам имели чрезвычайное почтение, потому что оные в молодых и старых людей вперяли хорошие мысли и самое нравоучение делали приятным и как бы оживляли. Чистота и правдивость японского языка также приписывается пиитам, и японцы думают, что от приведения в совершенство поэзии и прозаические писатели много успели и учинились способности писать обо всех родах известной в Японии учености»¹⁰⁶.

Благодаря книге Рейхеля российский читатель может уточнить свое представление о японской письменности от

данного в первых космографиях («Азбука у них никакого нет») до: «Японцы, так же как и китайцы, пишут столбиками сверху вниз и правой руки к левой. ...Они любят чистое и хорошее письмо, почему и приобучают к этому детей своих с великим старанием, дабы оные с малых лет привыкли писать не только читко, но и скоро. <...> Оба народа [японский и китайский] печатают резными досками, а не так, как европейцы, движимыми буквами. Японские доски вырезаны чище, чернила и бумага их лучше, да и вся связь в буквах искуснее и приятнее китайской. Такое различие признают знатоки и в живописи обоих народов».

Всю эту обширную по объему и аналитическую по характеру книгу И. Рейхеля было бы трудно здесь пересказать и оценить по достоинству, в ней приведены подробные сведения о географии Японии, административном делении — древнем и современном автору, родниках, минеральных ключах и источниках («наилучшую выгоду от которых имеют жрецы японских идолов»), основных производствах и ремеслах, нравах и обычаях, рассуждения историософского и сравнительно-исторического характера и многое другое.

В заключительной части книги Рейхель, в частности, пишет: «Наилучшие описатели путешествий почитают японцев за таких людей, которые перед всеми азийскими народами к наукам и художествам имеют преимущественную природную способность». Но и отдавая должное достоинствам японцев, Рейхель не сомневается в том, что до прихода европейцев японцы были «погружены в невежество».

«О состоянии Азии» и другие

Далее хронологически следует ряд интересных источников, из которых назовем прежде всего объемную переводную книгу 1784 г. «О состоянии Азии и новейших пременах Китая, Японии, Персии и Мунгалии в последнее время»¹⁰⁷. Здесь также имеется древняя японская история, затем описываются эпизоды, связанные с христианскими миссионерами, — торжество их дела в Японии, а затем изгнание и

гонения — и все самым подробным и пространным образом. Автором книги называется «аббат Милот».

В заключении этой книги, как и предыдущей, также повествуется о «преимуществах нынешней Европы перед Азией». Более того, утверждается, что составление и чтение «азиатической истории» может служить только как средство упражнения в науках, а в принципе она (история Азии) не нужна, поскольку «европейская вмещает в себе все роды наставления, почему и можно не знать без сожаления того, что до нас не много касается»¹⁰⁸. Однако невольно возникает чувство, что этот европо- и христианоцентризм во второй половине XVIII в. имел довольно широкие рамки, куда могло вместиться много постороннего.

Японцы, по мнению этого неизвестного аббата, «горды, храбры, неуклонны и зверонравны — даже до того, что почти за забаву почитают самоубийство»¹⁰⁹. Но при всем этом автор провозглашает сходство между японцами и европейцами даже в области религии, имея в виду, по-видимому, японский буддизм: «...сходствие многих законных обрядов в Японии с нашими, как-то: степени духовенства, некоторый род канонизации или внесения в число святых, ходы, отшельничества, труждения и строгости монастырския, лампы и местные свечи, храмы, род четок, по коим молятся, колокол, в который звонят в известные часы на молитву и пр., и что кажется чрезвычайно, употребление там знака креста, который изображают наподобие креста или крыжа святого Андрея»¹¹⁰. Найденные им общие черты коренятся, по его мнению, в «естестве человеческого разума», которое производит это сходство «понятия и обычаев, особливо до богослужения касающихся. Но где можно обрести, как не во христианской вере, сие высшее понятие о человеческом существе?» С точки зрения автора, ни в Японии, ни в Китае никогда бы не свирепствовали против христиан, если бы к сему не подали повода раздоры, заговоры и корыстолюбивые намерения, примешавшиеся к святой истине Евангелия.

После этой книги в журналах и альманахах выходят очередные многочисленные и подробные известия о Японии

и ее описания по западным источникам: таково, например, издание «Япония» в еженедельнике «Лекарство от скуки и забот»¹¹¹ за 1787 г. Как полагается изданию, адресованному широкой публике, исполнено оно доходчивым и простым языком: «Китаец миролюбив, разумен, скромн, хитр и скуп; Японец склонен к войне, угрюм, честолюбив, ветрен, недоверчив и роскошен». Или: «Музыка их неприятна, но таковой же считают они и нашу», «к новостям весьма охотны, и у приезжающих обыкновенно спрашивают вестей, что у вас нового?» Эти цитаты забавны, однако там же в обилии содержатся и достоверные сведения об обычаях, платье, верованиях, искусствах японцев.

Параллельно с этим печатаются и краткие сведения о Японии в отчетах о путешествиях — например, рассказ о стране Жи Бынь основателя российской синологии Алексея Леонтьева: «...состоит в трех островах, городов в ней 587 ...Письмо и книги в королевстве сем употребляют Китайские, закон [религию. — Л. Е.] держат идолаторский, нет в нем воров и разбойников, люди охотники до драк и сражений, не боятся смерти. Родится у них золото, серебро, ентарь, тумпас [топаз. — Л. Е.], ртуть, железо. Делают тонкие шелковые материи и выбойку»¹¹².

Продолжались и переводы дневников путешественников, которые хотя и не могли побывать в закрытой Японии, но ловили и фиксировали малейшие сведения о ней, например: «Всех японских товаров продажа в Китае запрещена; и по сей причине не вывозятся оные в Россию с караванами, разве что по особливому какому случаю. Небольшое число японских товаров, которые входят тайно в Китай, весьма там тщательно сыскиваются, и от самих китайцев покупаются за дорогую цену. Наилушие лакированные вещи, как-то, например, кабинеты, стулья [? — Л. Е.], столы, коробочки и другие сим подобные мелочи, также и самый лучший фарфор привозят из Японии, а сие тогда бывает, когда император пошлет кого за государственными делами, то и поручается такому от князей и вельмож государственных купить им там то и то»¹¹³.

В конце XVIII в. в Европе появляются новые сочинения о Японии, вскоре их переводы, компиляции и пересказы появляются в России. Это в основном труды европейских ученых, проводивших в Японии несколько лет, речь идет, прежде всего, о ботанике и медицине Карле Тунберге, работавшем врачом при голландской миссии в Нагасаки в 1775—1776 гг.

Вообще сведения о внешнем мире в России в этот период становятся все богаче, а тематика изданий от сенсационных публикаций вроде статьи «О употреблении некоторых кушаний у чужестранных народов, от которых мы омерзение имеем»¹¹⁴ или «Позорище странных и смешных обрядов при бракосочетаниях разных чужеземных и в России обитающих народов; и при том нечто для холостых и женатых»¹¹⁵ все чаще сдвигается в сторону серьезных, почти научных сведений.

Например, в журнале «Новые ежемесячные сочинения» за ноябрь 1787 г. уже помещены «Подлинные известия о Японцах, читанные в Королевской Шведской Академии г. Тунбергом, профессором ботаники и врачебной науки в Упсале», перевел Василий Зуев. Это вполне содержательная компиляция по части краткой истории и географии страны, здесь даже приводится разница во времени между Японией и Стокгольмом — восемь часов. Главное внимание, однако, также уделяется быту, нравам, манерам, и из этого сочинения российский читатель мог узнать о японцах, например, такое: «Природное им свойство есть, что они разумны, предусмотрительны, вольны, учтивы, приветливы, любопытны, трудолюбивы, переимчивы, бережливы, трезвы, работны, чистоплотны, правдивы, искренни, честны, верны, подозревающи, суеверны, непримиримы, непреодолимы» (с. 33). Подробно приводятся здесь описания причесок и выражаемые ими социальные отличия, праздничных и будничных одежд, украшений японских женщин, и скромность последних удостоивается похвалы — «суетное щегольство не вперило еще в них вкуса носить в ушах серьги».

Важное место занимают описания того тяжелого и кропотливого труда, которого требует сельское хозяйство

в горных районах Японии, способы возделывания земель, удобрения с собиранием человеческих экскрементов и т. п. Описываются также диковины — собственно, во многом те же, что составляют и нынешние основные объекты культурного туризма, — например, «величественный вызолоченный истукан такой величины, что шестеро японцев могут усесться по их обычаю на его ладони, а между плечами пятнадцать аршинов расстояния [по-видимому, имеется в виду статуя Большого Будды. — Л. Е.]. В другом храме изобразили его беспредельное могущество, усадя по бокам его 33 333 малых богов [скорее всего, речь идет о храме Сандзю-сангэндо в Киото. — Л. Е.]».

Далее назовем три обширных сочинения, переводы которых появились в России в конце XVIII в., это «Географическое описание Азии, с присовокуплением к главным местам оная политической и естественной истории г-на аббата де ла Кроа» (М., 1789), а также «Китайские, японские, сиамские, тонквинские и пр. анекдоты, в которых наипаче описываются нравы, поведения, обычаи и религии сих различных асийских народов» (М., 1791) и «Всемирный путешественник, или Познание Старого и Нового Света, то есть описание всех по сие время известных земель в четырех частях света, содержащее каждая страны краткую историю, положение... изданное господином аббатом де ла Порт, том шестой» — это популярнейшее многотомное издание впервые печаталось с 1778 по 1794 г.

Как и во многих других изданиях того времени, переводчик «Всемирного путешественника» понимал свою задачу широко и цитировал кстати известные ему российские работы на ту же тему — скажем, того же И. Рейхеля. Вообще чем ближе к XIX в., тем подробнее делаются российские компиляции о Японии.

Здесь приводятся подробные описания японской религии, где автор насчитывает «три главные веры»: «первая, и которая почитается здесь православною, называется Синтон [видимо, синто. — Л. Е.]. Она держится почитанию древних богов, кои, по мнению народному, управляют не-

сколько миллионов лет Японию. Вторая именуется Будздо [т. е. буддизм. — Л. Е.] и состоит в богопочитании чужестранных идолов, а ввезена на сих островах в начале нашего Христианского закона. Третья, знаемая под именем Сиуго, есть новее прочих [здесь, возможно, идет речь о позднем японском чжусианстве. — Л. Е.], основана на едином свете разума и предметом имеет одно исполнение добродетели, не прилежа к почитанию какого-либо божества».

Примечательно, что здесь упоминается даже о так называемом месяце «минадзуки» — «месяце без богов»: согласно японским мифам, записанным в мифологических сводах VIII в., один из месяцев года назывался так потому, что в этом месяце все боги собираются на совет на берегу реки Ама-но кава, Небесная Река, что находится на Такама-га хара — Равнине Высокого Неба. В книге сообщается, что в ноябре-декабре, поскольку богов все равно нет, японцы даже «запирают свои капища» — обычай, который в современной Японии не сохранился.

Еще один обычай, который, по всей видимости, не сохранился в традиции, но описан в этой книге, связан со святилищами Исэ — тут они называются «Изия, которую почитают, как наш Эдем». «Капище Изия, — пишет автор, — называется Храмом Великого бога... показывают там кумира, сидящего на корове, которого называют изображающим солнце». Или это ошибка автора, или нечто похожее имело место в действительности, но тогда это принципиально новый факт в японской этнографии, потому что божество солнца, сидящее на корове или на быке, в японской иконографии не встречается. Скорее это все-таки ошибка, поскольку в книге встречаются и сведения такого рода: в Японии мало мест для зверей из-за чрезмерности населения, поэтому здесь «не увидишь почти никогда ни тигров, леопардов» [курсив наш. — Л. Е.].

В этой книге вообще приводится множество любопытных подробностей — например, о понятии скверны у японцев. Осквернение, говорится здесь, происходит, например, в таких ситуациях, как «обагрение себя кровью, ядение мяса, прикос-

новение к трупам» и т. д. Рассказывается о японской медицине — травах, иглоукалывании, о традиционных видах лечения некоторых болезней, особенно видах любопытных, не принятых в Европе, — например, пеленание больного при ветряной оспе в красное сукно (с. 154)¹¹⁶. Из текста в текст переходят рассуждения о трудолюбии японцев: «Япония, находясь в стране, не весьма одаренной благами, была бы, может быть, самая бедная земля в Азии, ежели бы трудолюбие жителей не награждало бесплодности грунта. Всегда настоящая нужда заставила их выдумать тысячи средств, неизвестных другим народам» (Всемирный путешественник, с. 166).

Вообще рубеж XVIII—XIX вв. богат разными описаниями путешествий, а начало XIX в. уже представляет и российских путешественников — таковы записки Григория Шелехова¹¹⁷, записки Головнина и Рикорда, а также Лаксмана¹¹⁸, сопровождавшего капитана Кодаю в Японию. Последние документы также интересны — прежде всего по непосредственности описываемого опыта, несмотря на то что Японию как таковую этим авторам из-за запретов и строгостей периода Токугава удалось повидать довольно мало. Однако первые по-настоящему длительные контакты с японцами дали немало важных результатов, один из которых — довольно неожиданный — представляет первый, можно сказать, литературный контакт России и Японии. Речь идет об одном эпизоде пребывания в Японии капитана В. М. Головнина, который уже становился объектом внимания исследователей, — так, известный японский исследователь Накамура Ёсикадзу посвятил этому эпизоду отдельную главу своей недавно вышедшей книги¹¹⁹.

Эпизод этот следующий: как пишет В. М. Головнин, «в отечественной истории и землеописании японцы все сведущи: чтение исторических книг составляет любимое их упражнение. В живописи, в зодчестве, в скульптуре, в гравировании, в музыке и, вероятно, в поэзии они далеко отстали от всех европейцев». И к фразе «и, вероятно, в поэзии» Головнин прилагает подробное примечание: «Впрочем, это еще сомнительно; может быть, и у них есть поэты не хуже наших.

Однажды ученые их меня просили написать им какие-нибудь стихи одного из лучших наших стихотворцев. Я написал Державина оду *Бог*, и когда им ее читал, они отличали рифмы и находили приятность в звуках; но любопытство японское не могло быть удовлетворено одним чтением: им хотелось иметь перевод сей оды; много труда и времени стоило мне изъяснить им мысли, в ней заключающиеся; однакож напоследок они поняли всю оду, кроме стиха

Без лиц в трех лицах Божества!

который остался без истолкования, об изъяснении коего они и не настаивали слишком много, когда я им сказал, что для уразумения сего стиха должно быть истинным христианином.

Японцам чрезвычайно понравилось то место сей оды, где поэт, обращаясь к Богу, между прочим говорит:

И цепь существ ты мной связал.

При сем же случае, удивляясь высоким мыслям сочинителя, показали они, что постепенное шествие природы от самых высоких к самым низшим ее творениям и им не безызвестно. Стихотворение сие до того понравилось губернатору, что он велел просить г. Мура написать его для него кистью на длинном куске белого атласа, и потом отправил вместе с переводом к своему императору. Японцы нас уверяли, что сия ода будет выставлена на стене в его чертогах наподобие картины.

Когда мы им сказали, что сочинитель сей оды есть русский вельможа и занимал некоторые из первых государственных мест, то они дали нам знать, что и у них были знатные люди и даже государи, которые любили заниматься науками, а особливо поэзию. Одно обстоятельство заставило меня не доверять, чтобы японцы имели хороших стихотворцев: они утверждали, что поэту не нужно природного дарования и что человек может сделаться поэтом посредством учения: по их мнению, одни лишь геройские качества даются природою, а все прочие можно приобрести»¹²⁰.

Ё. Накамура в связи с этим фрагментом «Записок» В. М. Головина указывает, что тогда же с помощью объ-

яснений Головнина этот текст и несколько державинских «Од» были переведены на японский молодым ученым Баба Садзуро, знавшим голландский, английский, французский и изучившим русский. Правда, эти первые переводы русской поэзии не получили ни известности, ни даже распространения.

Так в Японии впервые были переведены образцы русской поэзии, а первый прецедент перевода японской поэзии на русский язык, как мы предполагаем, имел место в России в 1846 г. и тоже остался незамеченным, — но об этом мы собираемся говорить в следующей главе.

Головнин же оставил в Японии и грамматику русского языка в шести тетрадях, предназначенную прежде всего для Баба Садзуро. Россия, со своей стороны, также проявляла большой интерес к японскому языку. Надо сказать, что к концу XVIII в. в России уже накопилось довольно значительное количество материала по японскому языку и грамматике — во многом благодаря так называемым хёрюмин, японским морякам и рыбакам, чьи корабли терпели крушение у восточных берегов России, и прежде всего Дайкокуя Кодаю. Тема ранних словарей и грамматик выходит за рамки нашей книги, кроме того, существует подробная монография¹²¹, посвященная этому кругу проблем, поэтому мы об этом только упоминаем.

В связи с проблемами языков и словарей хочется упомянуть не имеющий специального отношения к Японии, но привлечший в XVIII в. всеобщее внимание знаменитый словарь Пьера-Симона Палласа, ученого Российской Академии наук, «Сравнительные словари всех языков и наречий» (СПб., 1787–1789, 1791).

Этот словарь, безусловно, знаменует идею «всемирности» человека, единства мировой истории и гуманитарного подхода к человеку: культуры и языка оказываются сопоставимы и сопологаемы. В словаре отражены лексические материалы по 276 языкам, при этом представлены несколько типов организации слов: по темам — например, дается слово *Бог*, и к нему все мыслимые параллели из других языков,

в том числе из японского — *Фодогаэ* (Хотокаэ, Будда), из курильского (айнского) — *Кана*, *Камуи* и т. д. Или же другой вид словарной организации слов, условно назовем его фонетическим: например, дается слово *Ди*, к нему приписываются его значения в разных языках — например, свидетельствует словарь, по-тангутски это слово означает «он», по-кельтски — «дай», по-бретански — «там». Японское слово *камо* («дикая утка») по-пампангски (один из языков Филиппин) значит «Вы» и т. п. Что и говорить, словарь Палласа — монументальный памятник эпохи Просвещения, и примечательно, что в него вошли материалы японского и айнского языков. Мы же далее не будем говорить о нем подробнее, а обратимся к другому памятнику той же эпохи, не столь грандиозному, но по-своему крайне любопытному.

*«Остров Шамуршир» — забытая повесть русского
сентиментализма*

Из текстов самого начала XIX в. отметим материал хоть и не совсем японский, но весьма любопытный для российской культурной истории — а именно попробуем воскресить из забвения одну короткую повесть, видимо никому в настоящее время не известную.

Она называется «Остров Шамуршир», автор ее скрыт под псевдоним М. М-в, и появилась она на свет в Москве, в 1810 г.¹²² Место действия и персонажи повести как нельзя более экзотичны — не только для русской, но и для японской литературы: речь в ней идет о любви русского морского офицера Малинского и юной «курилки» Варьми.

Курилами в ту пору называли живущих на Курильских островах айнов.

К моменту создания повести в России уже хорошо знали о существовании племени курил и островах, где они живут. Острова эти европейцы (голландцы) впервые посетили в 1643, затем в 1711 г. — 13-ю северную группу Курильских островов увидел и описал российской отряд во главе с Д. Анфицеровым и И. Козыревским. (Целью была попытка

установить контакт с Японией, но штормовое море не позволило Козыревскому продолжить свой маршрут до «Апонского государства», как говорилось в наказе Козыревскому камчатских властей.)

И. Козыревский во время двух экспедиций на своих байдарках сумел добраться до двух островов — Шумшу («Шоумчи» называет его А. С. Пушкин в своих набросках)¹²³ и Парамушир. Это самые северные из островов, непосредственно примыкающие к южной оконечности Камчатки, — по-видимому, именно из названий этих двух и сконструировал анонимный автор повести название своего вымышленного острова — Шамуршир, хотя, надо думать, позаимствовал их не из той карты, что некогда составил Козыревский, а из «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова¹²⁴, изданного Академией наук в 1755 г.

Там Крашенинников, в частности, писал: «Все вообще [дикие народы Камчатки и островов] житием гнусны, нравами грубы, язычники, не знающие Бога и не имеющие никаких писемьн... Курилы говорят тихо, плавно, свободно и приятно. Слова в языке их посредственны, гласных и согласных в них умеренно; но и самой народ всех диких народов добронравнее, осторожнее, правдивее, постоянное, обходительнее и честолюбивее». Первая, критическая часть этого описания, собственно, представляет собой общее место в описаниях всех нехристианизированных народов. Далее приводится более индивидуальная характеристика племени, возможно, она и вдохновила автора произведения, о котором мы хотим рассказать.

Правда, в этом произведении мы не найдем никакой «айнской экзотики»: этнографические детали и описания автора повести не интересовали принципиально — таковы уж были особенности литературного направления, к которому автор принадлежал. Его повесть, быть может, и не имеет высокой художественной ценности, но представляет несомненный интерес с точки зрения российской литературной истории, поскольку принадлежит к числу не столь уж многочисленных произведений русского сентиментализма — тече-

ния, которое вслед за Г. А. Гуковским многие исследователи и теперь считают своего рода «предромантизмом». Это направление в литературе, пришедшее с Запада, пережило в России период бурного расцвета и очень быстро закончилось как направление, хотя его тенденции, энергия его идей и возможности «литературной чувствительности», которые были заключены в нем, не исчерпаны и поныне, как вполне убедительно доказывают некоторые современные авторы.

Напомним, что эта специфическая «чувствительность» сентиментализма означала не только способность чувствовать, но еще и способность сострадать, способность к восприимчивости и отзывчивости, что было новым требованием морали. По предписаниям сентиментализма полагалось испытывать, помимо «чувствительности», «энтузиазм», «мечтательность», «скуку», «меланхолию», «сочувствие». Однако «чувствительность» была не просто идеальной характеристикой нового человека периода сентиментализма, в ней в определенной степени видели и средство социального благоустройства: предполагалось, что если эта способность станет чертой многих, то с ее помощью в какой-то мере можно будет исправлять общественные пороки и помогать обиженным судьбой.

В русской литературе самым значительным произведением этого направления была, как известно, «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина (издана в 1792 г.). Помимо чувствительности в этой повести важной идеей было, что «и крестьянки любить умеют». Идея эта восходила к руссоистской мечте о возвращении к природе, о поисках утраченной гармонии, которая, как верилось просветителям XVIII в., может быть обретена в среде людей, не испорченных современной цивилизацией, — ведь при рождении все люди наделены чистотой помыслов и благородством. Отсюда и образ «благородного дикаря», носителя абсолютных нравственных ценностей.

В России этот образ также скоро приобрел популярность — в конце XVIII в. в русской периодике печатались многочисленные переводы о «благородных диках». Писатели направления сентиментализма с живым интересом и

сочувствием читали западные повести этого характера: например, пьесу Р. Кемберленда «The West Indian» (1777), где речь идет о коренном обитателе Америки. Неоднократно переводился и переиздавался в России роман А.-Ф. Прево д'Экзиля «Английский философ, или История Кливленда» («Le philosophe anglais, ou l'Histoire de Monsieur Cléveland», 1731—1739). Популярным стал также европейский сюжет, связанный с историей любви индианки Ярико к англичанину Инклу, вероломно продавшему ее в рабство¹²⁵. Часто действие романов этого толка происходило на далеком острове, куда герой попадал по случайности.

Повесть «Остров Шамуршир» начинается словами: «Когда корабль оставляет Охотское море и намеревается плыть в море открытое, названное Восточным Океаном, тогда ему невозможно будет миновать островов Курильских, островов диких и заселенных народами, которые едва ли имеют и малейшее понятие о первой точке просвещения: они дики и совершенно необразованны. Звериная и рыбная ловли составляют их главную промышленность. Дань, которую они платят мехами и рыбой Российской Державе, означает зависимость их от оной; но впрочем они управляются старейшинами семейств, которых иногда они называют Принцами, или самодержавными Князьями.

В 1784 году один Российский купеческий корабль, находясь долговременною жертвою непостоянной стихии, был прибит к берегам Шамуршира, одного из главнейших островов Курильских».

Далее в повести рассказывается о том, что офицер Малинский, бывший на купеческом корабле пассажиром и путешествовавший из любопытства, внезапно занемог. Однако корабль должен был плыть дальше по неотложным торговым делам, и товарищам пришлось, проливая слезы, оставить его на берегу такого «самодержавного» острова Шамуршир, впрочем уже платящего дань русскому самодержавию.

«Какая минута! — высокопарно пишет автор повести. — Остаться в неизвестности судьбы своей, между народами незнакомыми, которые, может быть, отвергают всякое чувство

сострадательности; которые, может быть, самую добродетель признают в образе тиранства, самого Бога в образе злодеяния! — Мучительная неизвестность! кто может изобразить тебя!»

Однако Малинского подобрала добросердечная курильская семья — муж Джизи, жена Гульми и молодая дочь Варьми, они выходили и полюбили Малинского. Когда об этом узнали другие обитатели острова, они нагрянули в дом семьи, приютившей Малинского, чтобы убить его. Оказывается, ранее здесь произошла такая история: к берегу пристал голландский корабль, моряки сошли на берег, похитили нескольких курильцев и увезли их¹²⁶.

Отец Варьми убеждает соплеменников (в тех же высокопарных словах, что в уже приведенной цитате) пожалеть русского, друга курильцев и «подданного великого царя». Пришедших удастся уговорить («вот действие красноречивой добродетели над жестоким заблуждением!»), и потом, встречаясь с Малинским, курильцы радовались тому, что не убили такого доброго человека, и вообще благодаря ему смягчились по отношению к европейцам.

В конце концов к острову пристало русское судно, «Малинский объяснился с капитаном корабля и был принят на оной с сердечным удовольствием своих добрых соотечественников». Варьми «ангельским голосом с видом робости» говорит ему, что согласна ехать с ним. Следует драматическая сцена расставания с родителями — «с горестными, неизъяснимыми страданиями Варьми оставила страну своего рождения, кровлю отцов своих: она все пожертвовала для любви и для любезного... Благодарность Малинского к благодетелям своим также была неизъяснима».

«Сей анекдот, — заключает автор повести, скрывшийся под псевдонимом М. М-в, — был рассказан мне одним из морских офицеров, бывших в Российско-Американской компании; он сам был на острове Шамуршире, где имя Малинского у всех жителей еще не забыто; но он не застал живыми Джизи и Гульми; быть может, что вечная разлука с дочерью была причиною преждевременной их смерти. Про-

езжая Т*** Губернию, знакомец мой видел Малинского, восхищался образом его жизни, его Варьми, самим им и его детьми!»

Понятно, что фабула повести «Остров Шамуршир» как любовная история в духе сентиментализма вполне характерна для XVIII — начала XIX в. и может быть прослежена в литературах разных европейских стран этого периода, нечто весьма похожее на этот сентиментально-романтический штамп, но без «дикарского» колорита, с оттенком пародийности воспроизведет потом Пушкин в «Станционном смотрителе».

Повесть в соответствии с литературной модой была снабжена приметами, переводящими ее в событие действительной жизни (так и Карамзин своими «Письмами русского путешественника» стремился создать иллюзию настоящих писем). Отсюда и ссылка на офицера Российско-Американской компании.

Примечательно, но вполне характерно отсутствие в повести описаний природы — как известно, в литературе этого направления природа если вообще описывалась, то без единой реальной приметы. Даже если произведение в целом было посвящено путешествиям, «чувствования» автора или персонажа в связи с природой и ее состоянием ставились выше природы как таковой, и пейзажные описания служили лишь для того, чтобы эту чувствительность вызвать.

Эта повесть о любви юной айнки и русского офицера была напечатана в журнале «Аглая». Этот ежемесячный журнал (названный так же, как альманах Н. М. Карамзина, выходящий в 1794—1795 гг.) издавал в 1808—1810 и в 1812 гг. князь Петр Иванович Шаликов (1768—1852), поэт и журналист, горячий приверженец Карамзина, подражающий последнему и в стихах, и в своих записках путешествий. В журнале публиковались переводы — из Руссо, Вольтера, Мармонтеля — и произведения отечественных авторов, прежде всего Карамзина, кроме него — Ф. Н. Глинки и самого князя Шаликова; журнал принимал активное участие в дискуссиях того времени «о старом и новом слоге» — разумеется, на стороне «карамзинистов» и против «шишковистов».

Перу самого Шаликова принадлежат сборники стихов «Плод свободных чувствований» и «Цветы граций», в 1803–1804 гг. вышло его «Путешествие в Малороссию» и в 1805 г. — «Путешествие в Кронштадт», написанные под влиянием карамзинских «Писем русского путешественника» (сравнительную ценность, как признают историки, имеет его «Историческое известие о пребывании в Москве французов 1812 г.»).

Век сентиментализма в России был недолог, довольно скоро на смену лучшим образцам прозы этого направления явились слабые подражания, вскоре ставшие в российской словесности объектом выщучивания. Обычно в трудах по истории русской литературы XVIII в. именно Шаликова приводят в пример как ярко выраженного эпигона сентиментализма. Современники награждали его прозвищами «Князь вралей», «Вздыхалов», «Кондитер литературы»; князь Вяземский изобразил его так: «...с собачкой, с посохом, с лорнеткой, и миртовой от мошек веткой, на шее с розовым платком, в кармане с парой мадригалов...».

Однако в последнее время раздаются и голоса в его защиту, в том числе и с неожиданной стороны — в сфере так называемых гендерных исследований. Так российская исследовательница Ю. Жукова в своей статье пишет о том, как она «была поражена насыщенностью русских журналов первой четверти XIX в. материалами, связанными с женской тематикой, количеством профеминистских идей, высказываемых, в том числе, на страницах журнала “Аглая”, издаваемого в Москве князем П. И. Шаликовым, которого, вопреки сложившемуся отношению к нему как к литератору третьего ряда и консервативному человеку, чья верность сентиментализму и женской теме на протяжении всей жизни объяснялась “природной чувственностью” грузина, по личным убеждениям мы могли бы назвать одним из первых русских феминистов»¹²⁷.

Кстати говоря, Пушкин, по всей видимости, в отличие от других современников относился к нему со снисходительностью и называл «поэтом прекрасного пола», сам же Шаликов был восторженным почитателем Пушкина.

«О Японии и японской торговле» и другое

Начало XIX в. ознаменовано не только посольством в Японию Николая Резанова на судне И. Крузенштерна, но и крузенштерновскими записями¹²⁸ о его кругосветном путешествии.

В 1817 г. выходит любопытная книга «О Японии и японской торговле», написанная, как принято считать, Синдзо — японским моряком, потерпевшим вместе с капитаном Дайкокуя Кодаю кораблекрушение у российских берегов. Он осел в России, преподавал в Иркутске японский язык, при крещении получил имя Николай Петрович Колотыгин и впоследствии дослужился до чина титулярного советника. Его книга написана основательно и подробно. Как и многие предыдущие издания такого рода, она носит энциклопедический характер. При этом нет сомнений, что она представляет собой комбинацию из переводов, пересказов и отдельных рассуждений собственно автора. Возможно также, что книга эта, вышедшая уже после смерти Колотыгина, была написана не им или не только им — во всяком случае, ничто в книге не свидетельствует о том, что она написана природным японцем (его авторство вызывает сомнение и у ряда других исследователей). Главы книги составляют перечень всевозможных сведений о стране, история открытия японцев европейцами, далее идет климат, «нравственный характер», религия, наука, обряды, торговые отношения японцев с китайцами, корейцами и голландцами, история ранних контактов между Россией и Японией¹²⁹.

Надо сказать, что западные христиане-миссионеры XVI в. изображены в книге, что называется, *cum grano salis*, Япония же с самого начала традиционно описывается как «древняя могущественная империя, которая никогда не была побеждена каким-либо соседствующим народом. С древнейших времен упорствовала она влиянию Европейцев, удалила их и дозволила наконец только одному народу из них, под унижительными, рабскими условиями, приезжать к японским берегам для торговли. Империя сия не столь могущественна

обширностью своею и пространными владениями, как внутреннюю силу»¹³⁰. Происхождение японцев Колотыгин объясняет как смесь монгольского, индейского и тунгусского племен, которые «здесь, в удалении от прочего света, составили особый оригинальный народ».

«Японцы, некоторым образом, — пишет далее автор, — должны быть почитаемы просвещеннейшим и образованнейшим народом во всей Азии, ибо во многом превосходят самих китайцев...»

Однако и японцы удостаиваются не только похвалы: так, в рассуждении о наименованиях Японии этот автор, «природный Японец Николай Колотыгин», видимо, вслед за западным хронистом пишет следующее: «Япония называется у жителей ея Нифон или Гифон, также Ниппон, у Китайцев Циппон или Сьяппон, а во внутренности Японии Эпуен или Эпвен. Сверх того имеет она еще другие аллегорические и символические наименования, основанные на известной гордости полупросвещенных народов, возвышающихся в воображении, при ограниченных своих познаниях, над всеми другими»¹³¹.

Описания Колотыгина подробны и детальны — и в том, что касается географии, климата, типа хозяйствования, и в том, что касается религий и верований, — здесь рассказывается и о синто, и о буддизме. «Духовные сочинения их писаны таким высоким и темным слогом, что японские жрецы, люди, не весьма ученые, едва ли их понимают», — считает автор. Однако, говорит он далее, все описанные им церемониальные ходы и поклонения солнцу и звездам не дают основания заключить, что Япония погружена во мрак суеверия и невежества. Потому что существует в Японии «секта Зьюдо», основатель которой Коози, или Конфуций. «Презирая суеверие черни, поклонение многим божествам, великолепие храмов, пустые церемонии и тому подобное, преподает она правила чистой нравственности и позволяет исследовать всякую истину. Она составляет род философической религии, подобной учению Сократа, Платона, Сенеки и других мудрецов древности»¹³². Однако эта секта, по словам Коло-

тыгина, подвергается гонениям, подозреваемая в сочувствии христианству, поэтому «Бизенский или Инабский князь», ее поддерживавший, был смещен и вынужден отказаться от правления.

Далее подробно характеризуется «нравственный характер» японцев, который описывается в книге в самых лестных выражениях. «Японцы — просвещеннейший и образованнейший народ во всей Азии, чувство собственного достоинства придает им характер благородный и гордый. Они воздержны, не знают расточительности и поэтому живут в изобилии и в щастии. Они здоровы и имеют крепкое телосложение, ибо ведут порядочную жизнь и наблюдают во всем чистоту. Деятельны и трудолюбивы, но уважают веселье и шутки. Монархам и начальникам преданы, между собою учтивы, вообще добры, справедливы и честны, но не всегда в отношении к иностранцам». Для объективности здесь названы и «главнейшие пороки и недостатки» японского народа — «мщение и жестокость, происходящие от политического их состояния, гордость, причиняемая мнением, что они суть потомки богов, склонность их к сластолюбию, которая однакож оправдывается климатом и между тем ограниченнее, нежели у других юго-западных народов, а особливо у китайцев, и наконец — великое суеверие, поддерживаемое и питаемое их религией и жрецами»¹³³.

В книге говорится о многом — вплоть до традиционной медицины — «накалывание золотою иглою и жжение какой-то шерстью», подробно перечисляются взаимные выгоды и возможная структура товарообмена — рассуждения о товарах, «которые Россиянами могли бы быть в Японию ввозимы и из оной вывозимы». С точки зрения Колотыгина, из Японии в случае завязывания торговых отношений можно было бы вывозить сарадинское пшено (т. е. рис), камфору, чай, медь, драгоценные металлы, шелк, хлопчатую бумагу, фарфор, лакированные вещи, жемчуг и др.

Сочинение заканчивается пророчеством: «Когда в сей восточной части Российской империи приумножится родонаселение, распространится просвещение, заведутся

фабрики и мануфактуры и когда Российская северо-Американская Компания придет в состояние более действовать на отдаленный восток Азии, тогда торговля и мореплавание процветут на берегах Сибири; тогда без сомнения наступит время, в которое Российские корабли будут привозить Японцам произведения тропических стран Азии»¹³⁴.

В первой трети XIX в. публикаций разного рода, связанных с Японией, довольно много, и многое останется за рамками нашего повествования. Просто перечислим еще некоторые важные источники — главным образом переводы и компиляции того времени, помещенные в различных журналах, а также вышедшие как отдельные издания:

Описание народов, обитающих в Европе, Азии, Африке и Америке: В 4 ч. СПб., 1812;

О морских людях и ордене слепых в Японии // КИ. 1819. № 9¹³⁵.

Суждение о вере японского государя // Восточные известия. 1814. № 4;

Ф. Шемелин. Журнал первого путешествия россиян вокруг земного шара, сочиненный под высочайшим его Императорского величества покровительством Российско-Американской компании главным комиссионером, московским купцом Федором Шелеховым. Ч. 1—2. СПб., 1816—1818;

Отрывки из записок капитана Головина // Сын отечества. 1816. № 17;

Путешествие в Японию // Исторический, статистический и географический журнал. 1820. № 12;

Путешествие по Японии дон Родрига де Вивера и Веласка, испанского генерал-губернатора Филиппинских островов // Санкт-Петербургские ведомости. 1830. № 94, 95, 98, 99, 102, 103, 108 и 109.

Этот список не исчерпывает всех имеющихся публикаций на первую треть XIX в.¹³⁶ Многие из кратких источников этого времени здесь не названы, отметим одну из вышеназванных публикаций — «Путешествие по Японии дон Родрига де Вивера и Веласка, испанского генерал-губернатора

Филиппинских островов» (1830). Знаменательно предисловие к переводу, гласящее: «В ожидании известий, которые обещал сообщить нам счастливо возвратившийся из плена в Японии немецкий ученый-путешественник Зибольд¹³⁷ о сей сокровенной для Европы стране, мы представляем здесь следующее, написанное за 222 года донесение о Японии. Оно оставалось в продолжение столетий заброшенным в библиотеке Эскуриала, пока в 1823 Ученый, переведший оное на Французский язык, не получил от отца-библиотекаря неизвестную до того времени книгу вместе с оригинальной рукописью самого сочинителя. При большом недостатке сведений о Японии и при неизменчивости отношений в сей стране, вследствие которой внутреннее оной состояние, вероятно, пребывает и теперь точно таким же, каким его описывает Дон Родриго, можно предполагать, что сообщение сего донесения не будет неприятно нашим читателям».

Здесь примечательно и предположение, что за два столетия в Японии ничего не изменилось, и нескрываема жажда сведений о Японии в российском обществе. (Речь идет о путешествии, предпринятом в XVI в. испанским губернатором Филиппин на галлионе с большим грузом — товарами, которые генерал-губернатор вез в Испанию. Его судно, подхваченное бурей, долго носилось по волнам и в конце концов было прибито к японским берегам. Описания испанца почти все выдержаны в превосходных тонах и рисуют изобильную, опрятную, необычную для иностранца, упорядоченную и приветливую страну.)

«Япония в настоящем виде» у Горлова

Следующий объект нашего описания — пространная книга Н. Горлова «История Японии, или Япония в настоящем виде»¹³⁸, содержащая 138 страниц. Горлов, как он сам пишет, долгое время служил в самых восточных губерниях России, по-видимому, особенно интересовался Японией и стремился уточнить и исправить данные, содержащиеся у Кемпфера и Рейхеля, поскольку в них он находил много ошибок:

«Иностранные писатели представляют сие государство в величественном виде, силе и богатстве, окруженным неприступностью от природы со всех сторон, с прибавлением чудесного, тогда как и по наружности не могли они с верностью означить на картах положения его; провинции именованы такими названиями, которых вовсе не существует... писали по слухам, а потому и неверно».

Неверным этот сын XIX в. находит у своих предшественников и у самих японцев многое. История заселения Японских островов видится ему таким образом: «Сами они [японцы. — Л. Е.], не имея чем свое собственное происхождение доказать, выводят к затмению истины начало свое от богов и полубогов, но давно прошло тому время, когда сему верили; а к тому по их же историческим письменам оказывается, что на островах, на коих существует сие Царство, первоначально обитал тот самый народ, который наполнял Восточный край Сибири от Якутска к Удскому, бродящих Тунгусов, кои, питаясь звериным промыслом, с материка на малых судах перебирались на близь и противу лежащие острова, и подаваясь вправо от Шантарских и Сахалина в Иедзо [Хоккайдо. — Л. Е.]. И потом далее чрез пролив, находили места одно от другого, что далее, то более привлекательнее выгодами, для их промыслов необходимыми...» Он пишет также, что португальцы присвоили себе первенство в христианизации Японии, но о христианстве японцы впервые узнали от китайцев, — с этим отчасти можно согласиться.

Но далее доверие к здравому смыслу иногда подводит решительного и гиперкритично настроенного Н. Горлова: так, он называет ряд сведений Кемпфера, Рейхеля и Миллера «сказками». «И таковыми-то изданиями иностранцы нас одоужают!» — пишет он. Однако многое из того, что, как он считает, «рассудку противно», все же существовало на самом деле — например, он высмеивает сообщение о том, что японские женщины ныряют в море до 60 сажень глубины, чтобы потом приготовить пищу из ядовитых трав (однако, видимо, имеются в виду правдивые сведения о ныряльщи-

цах ама, добывающих на морском дне водоросли). Почти близко к правде и то, что «японские дамы, чтобы показать свою красоту полнотою, надевают до 50 пар платья на себя вдруг», — с той поправкой, что делалось это зимой и скорее ради тепла, и слоев одежды у придворных дам все-таки было не 50, а 12, но и 12 тоже могли ошеломить европейца.

Рационализм века побуждает его давать так называемые научные объяснения разным загадочным фактам — например, он объясняет, что крыши японских дворцов вовсе не из кованого золота, а крашены под золотой цвет и покрыты лаком и т. п.

Для Горлова Япония — страна гораздо меньшей площади и протяженности, чем об этом писали, — всего 1800 верст, в ней слабые гарнизоны, пушек вовсе нет, в городах и даже в столицах все строения деревянные, а не кирпичные, и т. п. «Из сего краткого изложения видно, какой слабый состав имеет сие Государство, при всем своем от природы данном богатстве, и правительство, чувствуя оное, старается всемерно быть в безвестности от Европейцев, а из сего следует, что с сим Государством следует иметь сношения требовательные и настойчивые, никогда не входить на суда в Порт Нангазаки [Нагасаки], а сноситься в других портах, потому что расположение первого такое, что вошедший корабль в невозможности выйти, сими средствами можно дойти и получить от Японского правительства все желаемое; но как сделанное описание объяснит более, то сим и прекращаю»¹³⁹.

Подробная монография Н. Горлова повествует об истории Японии начиная с древнейших времен, о религиях, музыке, живописи, воспитании детей, законоуложениях, типографиях, сельском хозяйстве, животном и растительном мире и многом другом.

Скорее всего, он излагает свои сведения не по оригиналу, а по не очень точным французским переводам с голландских оригиналов Исаака Титсинга (1744—1812).

Древняя история рассказывается им по летописям, причем явно через позднесредневековые изложения, видимо, отчасти на основе старокорейских и китайских источников.

Надо сказать, что при такой тройной перекодировке имен императоров их становится трудно опознать в его тексте даже автору настоящей книги, переводившему на русский язык как раз эти самые периоды древних японских хроник. Однако охарактеризован кратко каждый правитель, начиная с доисторических и легендарных.

Подробным образом описаны города, в частности «Ямасирской губернии», т. е. нынешней префектуры Киото, различные уезды, ремесла и различные производства по местностям.

Вообще Титсинг к тому времени становится, как видно, одним из главных авторитетов для российских авторов, пишущих о Японии, поскольку он-то знал Японию не понаслышке. Поэтому, видимо, Горлов считает, что имеет дело с более достоверными источниками, чем его предшественники.

Титсинг трижды становился директором Голландской ост-индской компании в Дэсима между 1779 и 1784 гг. Это он первым из функционеров этой компании заинтересовался японскими науками и искусствами, во всяком случае, это он опубликовал первую подробную информацию о японском искусстве в Европе и привез туда свою коллекцию. Титсинг планировал подготовить обширные публикации японских карт, печатных изданий, произведений изобразительного искусства, а также книг, с которых был частично сделан приблизительный перевод на голландский, — он записал его под диктовку пятерых переводчиков на острове Дэсима. Его планы не были выполнены полностью, но частично он все-таки опубликовал эти материалы¹⁴⁰. Скажем, кстати, что Титсинг, возможно, был первым масоном, прибывшим в Японию.

Географические сведения в книге Горлова, как и у Титсинга, даются с удивительной детализацией, хотя понять, какой топоним имеется в виду, тоже часто невозможно — транскрипция Горлова не только не имеет практически никакого сходства с японскими оригиналами, но и в своей ошибочной системе она непоследовательна и потому не опознаваема.

Здесь тоже, как и у Колотыгина, дается классификация японских религий «по сектам» с выделением того же конфу-

цианства, которое здесь именуется не «Зьюдо», как у Коло-тыгина, но «Сиуто».

Из «холодности к вере», которую Горлов замечает у японцев, он делает неожиданный вывод, видя у них «недостаток твердого основания религии, расстроенной введениями иноземными; они исполняют обряды, но более для виду; и потому нет народу склоннее к принятию Христианства, как Японцы, они имеют острое понятие, и весьма способны делать различие; если бы не властолюбие и виды Куба [то есть сёгуна], то к настоящему времени все государство могло быть уже обращенным; потому что всякий понимал разность и правильность религии Христианской, от существующей в Государстве»¹⁴¹.

В книге Горлова тоже, разумеется, не обходится без рассуждения на тему «Свойства и нравы народные»: «Качества хорошие: Японцы остроумны, понятнее всех восточных народов, прилежны, трудолюбивы, терпеливы, любят новые познания, науки, скромны и приятнее в обхождении китайцев, малым довольны, воздержны, воины не страшные, но отважнее китайцев. Качества противные: горды, мстительны до крайности, в войне бесчеловечны... не имеют любви к ближнему и милосердия к бедным и несчастным, хитры к получению интереса, равнодушны к религии и весьма склонны к самоубийству».

И наконец, завершить свой беглый обзор я хочу очерком «Япония», в 1835 г. опубликованном в журнале «Библиотека для чтения».

В предисловии к этой публикации говорится, в качестве оправдания ее напечатания, что о Японии, этом обширном, сильном и образованном государстве давно уже не представлялось случая сказать что-либо нового и достоверного.

Напечатанный очерк основан на двух новейших для того времени голландских сочинениях — Мейлана и Фишера, соответственно 1830 и 1833 г. издания. Там говорится, что природа в Японии богата и «наша скромная репа достигает там полутора пудов веса», что «цветы сливы размером со столистную розу», что «34 млн японцев живут там под де-

спотизмом строгого закона», не допускающего ни внешних, ни внутренних войн. С другой стороны, указывается, что тот же фактор сдерживает развитие Японии.

Японцы, говорится далее, не признают себя потомками выходцев из Китая и ведут собственную родословную, которая гораздо древнее китайской. Там приводится легенда о Дзёфуку и императоре Цинь Ши-хуанди — впервые в России она была изложена в книге Спафария еще в XVII в. — о ней говорится в главе настоящей книги в связи с ранними описаниями Японии в России — эта легенда о происхождении японцев, как представляется, была гораздо популярней в Европе, чем в самой Японии, где она вообще малоизвестна.

Как и в книге Н. Горлова, пересказываются японские летописи — «Нихон сёки» VIII в. и позднесредневековая «Сан оококу дзурансэцу»¹⁴² («Общее обозрение трех королевств»), опубликованная в Эдо (современный Токио) в 1786 г., рассказывается об императоре дайри и сёгуне (Кубо-сама), о синтоизме, буддизме и веротерпимости японцев.

«Характер японцев именно таков, какой должно предполагать в народе, роскошно наделенном всеми потребностями жизни и уединенном от прочих обитателей земного шара своими установлениями»¹⁴³. «Если турок возьмется снести саблю голову верблюду, то японский рубака сразу пересечет вам человека»¹⁴⁴.

То есть здесь мы также имеем дело с рассказом об экзотическом, богатом и роскошном крае, с сильными героями, склонностями к наукам и ремеслам, непонятными обычаями и т. д.

Вообще, в 1835 г. вышло довольно много материалов по Японии, в частности следующие:

Н. Горлов. История Японии, или Япония в настоящем виде: В 2 ч. М., 1835 г.;

От-ко. Еще об истории Японии // Северная пчела. 1835. № 120, 121;

Науки и искусства. Япония // Библиотека для чтения. Март 1835. Т. 10. Отд. III;

Японское государство // Санкт-Петербургские ведомости. 1835. № 38, 39;

Журнал Министерства народного просвещения. Выпуски 1835 г.

В последующие десять лет вышли, например:

Путешествие вокруг света, составленное из путешествий и открытий Магеллана, Тасмана... Крузенштерна, Беллинсгаузена... и пр. / Изд. под руководством Дюмон-Дюрвиля... СПб., 1836;

Образованность японцев // Офицерская жизнь. 1843. Т. 28. № 5;

Зибольд. Описание обрядов и церемоний, установленных для голландского посольства, отправленного из Нангазаки в Иеддо // Сын Отечества. 1840. Т. 1. Кн. 2;

Голландцы в Японии // Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений. 1848. Т. 73. № 292.

«Путешествие вокруг света...», многотомное и крайне популярное издание, вышло в 30-е гг. XIX в. двумя изданиями в разных редакциях и содержало подробные рассказы о Японии. Кроме этого, стоит, как представляется, особо сказать о публикациях из Ф. Зибольда. В конце 30-х — начале 40-х гг. XIX в. немецкий натуралист Филипп Зибольд, работавший в должности врача при голландской миссии с 1823 по 1829 г., стал в Европе новым авторитетом в области Японии. Русские переводы не замедлили появиться — причем в самых разных изданиях — от «Журнала для воспитанников военно-учебных заведений» (1838 и 1840 гг.) до более фундаментальных.

Своего рода итогом этой деятельности по «разглядыванию издалека», по освоению западных и своих источников о Японии, по формулированию вопросов о ней и поискам ответов стал трехтомный труд «Путешествие по Японии», иное название этой книги — «Описание Японской Империи в физическом, географическом и историческом отношениях, Ф. Зибольда, дополненное сведениями и известиями из Кемпфера, Фишера, Дёфа, Шарльвуа, графа Гогендор-

па, Крузенштерна, Тунберга, Титсинга, Варениуса и др.». В переводе В. М. Строева это издание в трех толстых томах с картами, гравюрами и таблицами вышло в Санкт-Петербурге в 1854 г. Издание энциклопедическое по характеру, живое по типу изложения, оно содержит и множество вставок от переводчика (вернее было бы сказать — компилятора или автора аналитического реферата). Оно охватывает все мыслимые аспекты японской истории, культуры, географии, хозяйства, быта и т. д. Об этой книге мы собираемся говорить в следующей главе, правда преимущественно в связи с японской словесностью, — с середины XIX в. российские авторы и читатели начинают все больше интересоваться японской литературой и оценивать ее достоинства и специфику — сначала по переводам, по аналогиям, по «общечеловеческому» здравому смыслу...¹⁴⁵

ПРИМЕЧАНИЯ

⁸⁹ Варениусу принадлежит и очень известная в свое время компиляция «Описание Японии» (*Varenius Bernardus. Descriptio regni Japoniae cum quibusdam affinis, materiae... ex variis auctoribus collectae et in ordinem redactae per B. V. Amstelodami, 1649*).

⁹⁰ География, или Краткое земного круга описание, напечатано повелением Царского Величества в типографии Москвы, лета господня 1710 в месяце марте. С. 59. Вероятно, это тоже перевод, но ни оригинал, ни переводчик не указаны.

⁹¹ Бернарда Варения Всеобщая география, пересмотренная Исаком Невтоном и дополненная Яковом Журейном. Переведена с латинского языка на российской и в некоторых местах присокуплены примечания / Перевел П. Б. Иноходцев. Ч. 1. СПб.: Академия наук, 1718. Название на титульном листе: География генеральная, Небесный и земноводный круги купно с их свойства и действо в трех книгах описующая. Переведена с латинска языка на российской и напечатана в Москве повелением царскаго пресветлаго Величества лета Господня 1718 в иуне. Имеется также что-то вроде подписи: «Бернардус Варениуш, медицины доктор, лета господня 1640-го в августе».

Возможно, оригиналом послужило следующее издание: *Varenius Bernardus. Bernhardi Varenii Med. D. Geographia generalis, in qua affectiones generales telluris explicantur, summâ curâ quam plurimis in locis emendata, & XXXIII schematibus novis... aucta & illustrata. Ab Isaaco Newton. P. 511. Ex officina Joann. Hayes; sumptibus Henrici Dickinson. Cantabrigiae, 1672*. Не исключены и более ранние издания.

⁹² Бернарда Варения Всеобщая География... Л. 60.

⁹³ Там же. Л. 364.

⁹⁴ Описание о Японе, содержащее всего три части, то есть: известие о Японе и о вине гонения на христиан, историю о гонении христиан в Японе и последование странствия Генрика Гагенара, которое исправною ландкартою и изрядными фигурами украшено. Переведено через Степана Коровина-Синбиренина. СПб., 1734. Вскоре после этого издания книга была переиздана.

Приводим названия первых изданий, с которых производились переводы на другие европейские языки, в свою очередь послужившие оригиналами для русских переводов: *Beschrijvinghe van het machtigh Coninckrijcke Japan, vervattende den aert en eygenschapen van't landt, manieren der volckeren (vermeerdert door*

Hendrick Hagenaer), etc. [With «Beschrijvinghe van de Regeeringe, macht, religie... des Coninghrijcx Siam. Gestelt in den iare 1636, door loost Schouten»] Title [Another edition.] Beschryvinge van het machtigh Koninghrijck von Iappan, bestaende in verscheyde Vragen... voorgesteld door den Heer Philips Lucas... ende door de [sic] Heer F. Caron... beantwoort... Welcke nu door den selven autheur oversien, vermeerdert en uytgelaten is de fabuleuse aentekeningen van Hendrick Hagenaer... Met kopere figuren verrijckt. [With «Beschryvinghe van de Regheringhe, macht, religie... des Koninghrijcks Siam: gestelt... door loost Schouten»] [With a map.]. Amsterdam: J. Hartgers, 1649. 4°. P. 78. Amstelredam: J. Hartgers, 1652. 4°. P. 96. s' -Gravenhage: I. Tongerloo, 1662. 4°.

⁹⁵ В «Краткой истории о Японском государстве» И. Рейхеля приводится как несостоятельная существовавшая до Рейхеля точка зрения, что Птолемей подразумевал Японию, когда говорил о «Сатирических Островах» (*И. Рейхель. Краткая история о Японском государстве, из достоверных известий собранная. М., 1773. С. 4–5*).

⁹⁶ Гоа — имеется в виду Гоа, город на западном побережье Индии, где в XVI в. находился штаб католических миссионеров, действующих в Ост-Индии.

⁹⁷ О нем см., например: *С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. 6. Т. 26–29. СПб., Б. г. [1900]. С. 267*.

⁹⁸ *И. Г. Рейхель. Указ. соч. Подпись Рейхеля в конце гласит: «Императорского Московского Университета публичный и ординарный профессор Истории, оного Библиотекарь, Секретарь Конференции и Лейпцигских свободных наук общества Член».*

⁹⁹ *Г. Л. Кессельбрэннер. Хроника одной дипломатической карьеры (Дипломат-востоковед С. Л. Лашкарев и его время). М., 1987. С. 29–30. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить И. Л. Багратиони-Мухранскую и Е. В. Маевского, обративших мое внимание на этот фрагмент книги.*

¹⁰⁰ *И. Рейхель. Указ. соч. С. 9.*

¹⁰¹ *Kaempfer's Japan: Tokugawa Culture observed. By Engelbert Kaempfer / Ed., transl. and annot. by B. M. Bodart-Bailey. Honolulu: University of Hawai'i Press, 1999.*

¹⁰² Труд Энгельберта Кемфера (1651–1716), изданный голландски в 1712 г., был довольно рано переведен на английский: *The History of Japan. ... Together with a description of the Kingdom of Siam. Written in High-Dutch by E. K. ... and translated from his origi-*

nal manuscript... by J. G. Scheuchzer. ... With the life of the author, and an introduction. L.P. 2 vol. London, 1727. С английского перевода был сделан французский: Histoire naturelle, civile, et ecclésiastique de l'Empire du Japon, composée en Allemand par E. K. ...et traduite en François sur la version Angloise de J. G. Scheuchzer... [by J. Néaulme]. Ouvrage enrichi de... figures dessinées par l'auteur même. (Vie de l'auteur par le traducteur Anglois. Discours préliminaire du traducteur Anglois.). 2 tom. La Haye, 1729. fol. 3 tom. Amsterdam, 1732. 12o.

¹⁰³ И. Рейхель. Указ. соч. С. 66—67.

¹⁰⁴ Там же. С. 227.

¹⁰⁵ Там же. С. 118.

¹⁰⁶ Там же. С. 232—233.

¹⁰⁷ О состоянии Азии и новейших временах Китая, Японии, Персии и Мунгалии в последнее время. Из аббата Милота перевел с французского на российский язык Иван Иконников. СПб., 1784. С какого оригинала переводилась книга, установить не удалось. Возможно, это была публикация в журнале или альманахе.

¹⁰⁸ Там же. С. 34.

¹⁰⁹ Там же. С. 24.

¹¹⁰ Там же. С. 33. Под крестом, видимо, имеется в виду буддийская свастика. *Крыж* (крест — это еще один полонизм) св. *Андрея* — см. коммент. 60 к первой главе.

¹¹¹ Лекарство от скуки и забот. Еженедельное издание. Часть первая, от июля 1786 по январь 1787 г..

¹¹² Кратчайшее описание городам, доходам и протчему китайского государства, а при том и всем государствам, кои Китайцам сведомы. Выбранное из Китайской государственной географии, коя напечатана в Пекине на Китайском языке при нынешнем Хане Кян Луне секретарем Леонтием. В СПб., 1778 г. С. 306—307.

¹¹³ Белевы путешествия через Россию в разныя Азиатския земли, а именно: в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь / Перевел с французскаго Михайло Попов. СПб.: Академия наук, 1776. С. 53—54.

¹¹⁴ Журнал «Ежемесячные сочинения». Т. 10. М., 1759.

¹¹⁵ Автор книги — Г. Г. (Громов Г. Г.) В СПб., 1797.

¹¹⁶ Интересно, что следы этого верования, зафиксированного иностранными авторами, сохранились до сих пор: возможно, именно с ним связано изготовление в преф. Гифу и ее окрестностях специфической куклы, изображающей по преданию младенца обезьяны, — тело выполнено из красной ткани, одето в синий камзол

и штаны, голова имеет форму шара, черты лица отсутствуют. Считается, что такая кукла должна предохранить ребенка от заболевания ветрянкой, приняв болезнь на себя.

¹¹⁷ Заглавие книги Шелехова заслуживает того, чтобы быть приведенным полностью: Российского купца Григория Шелехова странствие в 1783 г. из Охотска по Восточному океану к американским берегам и возвращение его в Россию с обстоятельным уведомлением об открытии новообретенных им островов Кактака и Афагнака, до коих не достигал и славный англинский мореходец капитан Кук, и с приобщением описания образа жизни, нравов, обрядов, жилищ и одежд, обитающих там народов, покорившихся под Российскую державу; также климат, годовые перемены, звери, домашние животные, рыбы, птицы, земные произрастения и многие другие любопытные предметы, там находящиеся, что все верно и точно описано им самим. С чертежем и изображением самого мореходца и найденных им диких людей: В 2 ч. СПб., 1812.

¹¹⁸ См., например: О первом российском посольстве в Японию под начальством Лаксмана // Друг просвещения. 1804. Ч. 4. № 12. М., 1805.

Василий Головнин. Записки флота капитана Головнина оключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. С приобщением замечаний его о Японском Государстве и народе. СПб., 1816.

Петр Рикорд. Записки флота капитана Рикорда о плавании его к японским берегам в 1812 и 1813 годах, и о сношениях с японцами. СПб., 1816.

Ф. Шемелин. Журнал первого путешествия россиян вокруг земного шара, сочиненный под высочайшим его Императорского Величества покровительством Российско-Американской Компании главным концессионером, московским купцом Федором Шемелиным. Ч. 1–2. СПб., 1816–1818. Подробнее об этих и других контактах между русскими и японцами см., например: С. Знаменский. В поисках Японии: из истории русских географических открытий и мореходства в Тихом океане. Благовещенск, 1929; Э. Я. Файнберг. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960; Л. Н. Кутаков. Россия и Япония. М., 1988; К. Е. Черевко. Зарождение русско-японских отношений XVII–XIX в. М.: Наука, 1999.

¹¹⁹ *Накамура Ёсикадзу.* Незримые мосты через Японское море. История и литература в поле русско-японских взаимодействий. СПб.: Гиперион, 2003. С. 9–24.

¹²⁰ Василий Головнин. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. С приобщением замечаний его о Японском Государстве и народе. СПб., 1816. С. 25–26.

¹²¹ См.: И. П. Бондаренко. Русско-японские языковые взаимосвязи XVIII века: историко-лингвистическое исследование. Одесса: АстроПринт, 2000.

¹²² Остров Шамуршир. Курильской анекдот // Аглая, издаваемая кн. П. Шаликовым. М.: В Университетской типографии, 1810. Ч. 10. Кн. 3. Сентябрь. С. 3–25. Напомним, что слово «анекдот» в то время означало краткий рассказ о подлинных исторических событиях.

¹²³ В материалах для заметок к книге С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» Пушкин пишет о народах, населяющих эту зону:

- «1) Камчадалы.
- 2) Коряки.
- 3) Курилы.

Первые в южной Камчатке, от устья Уки до Курильской Лопатки, и на первом Курильском острове Шоумчи.

Коряки на севере.

Курилы на островах.

Коряки смешаны с чукчами, юкагирами, ламутками.

Коряки бывают оленные и сидячие».

¹²⁴ Описание земли Камчатки, сочиненное Степаном Крашенинниковым, Академии Наук Профессором. Интересно, что второе издание книги 1786 г., согласно данным работы Б. Л. Модзалевского (Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. СПб., 1910), имелось и у Пушкина — по-видимому, в связи с его предполагавшейся поездкой в Китай, в конце концов не состоявшейся.

¹²⁵ См.: Н. Д. Кочеткова. Литература русского сентиментализма. СПб., 1994. С. 47.

¹²⁶ Отношение к голландцам как к соперникам в области торговой деятельности на Дальнем Востоке, видимо, характерно для того времени. Приведем, например, в связи с этим цитату из журнала «Друг Просвещения» за 1804 г., где в статье «О первом российском посольстве в Японию под начальством Лаксмана» говорится: «Лаксман во время пребывания в Нимуровской гавани [имеется в виду порт Нэмуру] также выведал тайно у свиты Эддовских чиновников, что Японцы от Голландцев давно уже

имеют некоторое сведение о Российском народе; но что Голландцы им всегда описывали народ сей зверским и неприязненно со всеми попадающими ему поступающим...» (*Друг просвещения*. 1804. Ч. 4. № 12. М., 1805. С. 254.

¹²⁷ Ю. Жукова. Об инструменте для написания «Женской истории» // *Феминистская теория и практика: Восток-Запад. Мат-лы междунар. научно-практической конференции. ПЦГИ. СПб., 1996. С. 303.*

¹²⁸ И.Ф. Крузенштерн. Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах... на кораблях Надежде и Неве... СПб., 1810.

¹²⁹ О Японии и японской торговле, или Новейшее Историческо-Географическое описание Японских островов. Рассмотренное природным Японцем Титулярным советником Николаем Колотыгиным и изданное Иваном Миллером. СПб.: В типографии Н. Греча, 1817.

¹³⁰ Там же. С. 3.

¹³¹ Там же. С. 5.

¹³² Там же. С. 44–45.

¹³³ Там же. С. 50–51.

¹³⁴ Там же. С. 71.

¹³⁵ Орден слепых (в ряде российских изданий о Японии того времени он еще называется «орден слепых фекисов») — это феодальный цех в Японии периода Токугава, организующий слепых в профессиональные группы, занимающиеся или массажем, или распеванием эпических сказаний под аккомпанемент цитры бива.

¹³⁶ См. также: Э. Н. Матвеев, А. Д. Попов. Библиография Японии. Т. 1. Кн. 2 / Под ред. Е. Г. Спальвина. Владивосток, 1923.

¹³⁷ Выдержки из сочинений Зибольда и других западных авторов мы приводим в следующей главе книги; см. также: *Записки европейских путешественников // Книга японских обыкновений / Сост. А. Н. Мещеряков. М.: Наталис, 1999. (Восточные арабески). С. 319–348.*

¹³⁸ Н. Горлов. История Японии, или Япония в настоящем виде, в двух частях. М., 1835.

¹³⁹ Там же. С. VI–VII.

¹⁴⁰ *Cérémonies usitées au Japon pour les mariages et les funérailles, suivies de détails sur la poudre Dosia, de la préface d'un livre de Confoutzée sur la piété filiale; le tout traduit du japonais par feu M. Titsingh. Paris, 1819.*

Mémoires et anecdotes sur la Dynastie regnante des Djogouns,

Souverains du Japon, avec la description des fêtes et cérémonies observées aux différentes époques de l'année à la cour de ces princes, et un appendice contenant des détails sur la poésie des Japonais, leur manière de diviser l'année, etc: ouvrage orné de planches grave. Paris: Chez A. Neveu, 1820.

Последнее издание переведено с голландского, голландский же перевод, в свою очередь, был сделан с японского анонимного произведения «Сёгун рюдудэн». Перевел на французский Жан-Пьер Абель Ремюза.

Illustrations of Japan, consisting of private memoirs and anecdotes of the reigning Dynasty of the Djogouns, or Sovereigns of Japan: A description of the feasts and ceremonies observed throughout the year at their court, etc. Translated from the French by F. Shobel: with coloured plates, copied from Japanese designs. London: R. Ackermann, 1822.

Nipon O Dai Itsi Ran, ou, Annales des empereurs du Japon / Shunsai Hayashi; Tr. par Isaac Titsingh, Ouvrage revu, complété et corrigé sur l'original Japonais-Chinois, Accompagné de notes, et précédé d'un aperçu de l'histoire mythologique du Japon, par J. Klaproth. [S.n.], 1834.

¹⁴¹ Там же. С. 121.

¹⁴² San Kokf Tsou Ran To Sets, ou; Aperçu général des trois royaumes / Tr. de l'original japonais-chinois, par J. Klaproth. Paris: Murray, 1832.

¹⁴³ Науки и искусства. Япония // Библиотека для чтения. Март 1835. Т. 10; Отд. III. С. 11.

¹⁴⁴ Там же. С. 13.

¹⁴⁵ Эта глава работы в сокращении опубликована также в: Л. М. Ермакова. Образ Японии в России XVIII – начала XIX в. // Кобэ гайдай ронсо (Ученые записки Университета иностранных языков г. Кобе). 2004. Т. 54. № 7.

ЯПОНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В РОССИИ. ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ

1

Сейчас японская литература настолько популярна в России, что она, так или иначе, способна оказать влияние на многие литературные процессы и культурные события в стране. Почти у каждого российского читателя теперь есть свой любимый японский автор и свои воззрения на природу японской словесности и ее достоинства. О японской литературе пишут не только японоведы-филологи, но и литературоведы, критики, философы и эссеисты самых разных направлений. Попробуем разобраться в том, как это начиналось и изменялось, — от первого знакомства до первого высоко-профессионального взгляда на предмет.

Из приведенных здесь памятных мнений самое раннее и красноречивое мнение о японской словесности и ее письменности представляет, вероятно, цитата из «Космографии 1670»: «Азбука у них никакого нет. Токмо некие вымышленные точки пишут и тому научены».

Триста с лишним лет отделяют эту старинную цитату от современных исследований тех «вымышленных точек», из которых складываются многочисленные страницы японской литературы, и за это время отношение и оценка этой литературы в России претерпели серьезные изменения.

Впрочем, «современной» история исследований японской литературы стала довольно давно. Ее предыстория окончилась в 1920 г., когда в Петрограде был напечатан очерк С. Г. Елисеева «Японская литература»¹⁴⁶, похожий по форме и протяженности на краткую монографию. Сейчас, из XXI в., этот очерк можно оценить как новаторский труд, открываю-

щий новую эру не только в отечественном японоведении, но и вообще в «способе чтения» японской литературы в России. Одновременно эта работа некоторым образом подвела черту под предшествующим этапом знакомства российских читателей с японской словесностью, предлагая иные очертания мира японской литературы и другие способы его видения.

О том новом (и до сих пор не утратившем важность), что внес очерк С. Г. Елисеева в изучение японской литературы, мы собираемся сказать ниже, сначала же мы имеем в виду предложить читателю краткое описание предшествующего этапа, т. е. хотя бы назвать наиболее важные книги, обзоры и очерки, касающиеся японской литературы за последние двести с лишним лет российской истории — труд по освоению и изучению этого аспекта истории российского японоведения до XX в. еще практически не начат.

Об этом мало пишут историки отечественной науки, ставя только безжалостный диагноз всему, что публиковалось в России до 20-х гг. XX в. из области японской литературы, — «вторичное», «ошибочное», «вводящее в заблуждение». Но ведь и мы, современные японоведы, мягко говоря, не всегда оригинальны и непогрешимы, а то, что нам теперь кажется ошибочным, некогда составляло общепринятую истину и уже поэтому заслуживает внимания как факт истории отечественной культуры.

Оговоримся, что и здесь мы сможем затронуть лишь некоторые из «предъяпоноведческих» работ прошлого, а также лишь отдельные аспекты тех новых идей, культурологических и философских принципов, что были сформулированы в аналитическом очерке С. Елисеева.

Раньше мы уже рассказали в самых общих чертах, каково было состояние знаний и представлений о Японии в России начиная с XVII и до середины XIX в., какой виделась российскому читателю Япония до появления феномена профессионального востоковедения. Теперь, ограничив круг затрагиваемых предметов до собственно литературы, попробуем рассмотреть историю восприятия и оценки японской литературы в России.

Сведения о японской словесности как таковой и об основных ее памятниках тоже появились в русской культуре достаточно давно. Как всякая иная информация того времени о Японии, эти сведения на первых порах тоже опирались главным образом на переводы и ранние подборки из нескольких переводов, прошедшие концептуальную обработку переводчика, — о рукописных космографиях XVII в. и печатных изданиях, посвященных Японии, в немалом количестве появлявшихся в России XVIII в., мы говорили подробнее в других частях книги.

При этом сведения о японской литературе долгое время оставались второстепенными, помещаемыми где-нибудь в разделе этнографических примет, вроде формы прически или традиционной кухни. Попробуем проследить изменения в этой области начиная по возможности с наиболее ранних источников.

2

Итак, в самый ранний период знакомства Россия заимствовала свои знания и представления о японской культуре и литературе из-за границы. Коротко перечислим некоторые из уже упоминавшихся в предыдущих главах важнейших работ: старейшие европейские письменные памятники этого круга, — это, в частности, описание Марко Поло, впервые упомянувшего «народ Зи-пань-гри» («Зипангу», «Зипане-ли»), или письма и рассказы португальских и других миссионеров XVI—XVII вв., писавших из Японии или после возвращения на родину. Их послания вошли в иезуитские *Epistolae Japonicae* и были изданы в Европе.

Материалы того времени достаточно разнообразны, хотя нередко включают и мифические сведения и легенды (что вовсе не снижает ценности этих материалов в их культурологическом аспекте, поскольку всякая концепция, в том числе и фантастическая, правомерна и естественна в конкретном культурном контексте; повторю еще раз — мы тоже находимся во власти многих научных мифов о Японии, которые следующее поколение японоведов наверняка назовет заблуждениями).

И с самого начала публикаций, как мы видели в предыдущих главах, авторы непременно уделяли внимание языку, письменности, словесности, стихотворству у японцев.

Еще более подробные и достаточно достоверные свидетельства очевидцев о Японии стали появляться на Западе около середины XIX в. Во второй половине века, сразу после реформ Мэйдзи, западные и российские публикации множатся в геометрической прогрессии. Вскоре разного рода свидетельства о Японии и первые японологические труды на Западе уже составляют вполне солидный объем и по эрудиции и ответственности авторов приближаются к профессиональным исследованиям — появляется знаменитый энциклопедический труд Б. Чемберлена «The Things Japanese», аналитические записки дипломата Э. Сатоу, филологические и религиоведческие работы У. Дж. Астона и многое другое.

Опустим также ранние работы «синкретического жанра», назовем только некоторые западные исследования, специально посвященные японской литературе. Здесь прежде всего необходимо будет вспомнить обширную «Историю японской литературы» У. Дж. Астона (1899), его же перевод «Нихон сёки» (1896), фрагментарный французский перевод «Кодзики» Л. де Рони (1883) и полный чемберленовский — «Кодзики» (1882—1883), переводы классической японской поэзии того же Б. Чемберлена (1880), немецкую «Историю японской литературы» К. Флоренца (1905) и т. д. Популярны были и не столь научные издания — например, литературные переложения японских преданий Лафкадио Херна, Л. Митфорда и др. В области японской поэзии самыми ранними переводами на Западе, по-видимому, можно считать голландские переводы И. Титсинга, получившие европейскую известность через французские переводы Абея Ремюза (некоторые стихи Ремюза перевел на латинский), затем Ф. В. Дикинс в 1866 г. издал книжку своих избранных переводов из «Хякунин иссю», а Л. де Рони в 1871 г. собрал в антологию образцы японской поэзии разных веков начиная с «Манъёсю». Это, разумеется, не библиография

вопроса (она насчитывала бы сотни пунктов), а лишь отдельные, наиболее ранние и наиболее известные в России XIX в. публикации, специально посвященные японской литературе и культуре.

3

Само же российское японоведение, несмотря на достаточно давнюю историю русско-японских контактов¹⁴⁷, к началу XX в. было еще далеко не столь продвинуто.

В сущности, лишь в начале XIX в. начали выходить более или менее подробные публикации, написанные по непосредственным впечатлениям побывавших в Японии россиян и воспоминаниям очевидцев (наиболее известные из этих публикаций — записки капитана В. М. Головнина и А. Рикорда, дневники И. А. Гончарова, путешествовавшего на фрегате «Паллада», и т. п.; затем, во второй половине столетия, важными источниками стали свидетельства участников первых православных миссий, а также географов-путешественников по Азии и Дальнему Востоку и других, наиболее значительные среди них — работы М. И. Венюкова, Л. Мечникова, Д. И. Шрейдера¹⁴⁸ и др.).

Переводы же — например, образчики японской традиционной поэзии, приводимые в трудах общего характера, — и в конце XIX в. по-прежнему выполнялись вслепую и наощупь, через западные языки. Сами эти переводные труды, по нынешним понятиям, были вполне вольными переложениями, скорее похожими на очерки «по мотивам», в которых обычно бывало скомбинировано несколько книг по избранной тематике, с толкованиями и комментариями переводчика, вставленными в текст наравне с собственно переводами. В таких книгах (а этот примечательно свободный переводческий жанр в XVIII—XIX вв. был характерен и для Запада, и для России) текст от повествователя-переводчика полностью срастался с его же переводами-компиляциями. Это был особый, увлекательный, «доместцированный» жанр переводной литературы, чем-то напоминавший романы путешествий, снабженные обширными выписками из разных

авторов и цитатами из энциклопедий, — наподобие тех научных сведений, что прилежно вписывал в свои романы Жюль Верн.

Как мы говорили выше, первые профессиональные японисты начала XX в., начиная с С. Елисеева, невысоко ценили такого рода работы, равно как и не слишком серьезно относились к первым попыткам российских поэтов и филологов-европеистов судить о японской словесности по переводам с западных языков. Последующие поколения востоковедов переняли у своих учителей это отношение к ранним исследованиям о Японии, отвергая их как вторичные компиляции и свидетельства с чужих слов.

Однако же стоит принять во внимание — и об этом мы уже имели случай сказать выше, — что переводы как таковые во многих (если не во всех) случаях занимают в культуре место не менее значимое, чем оригинальные произведения, и что граница между оригиналом и переводом отнюдь не так очевидна, какой она предстает в некоторые, достаточно краткие эпохи литературной конкретности и стабильности.

Существует и еще одно, не столь общее соображение в защиту компиляций и переводов — стоит лишь осознать, что компилятивность, в сущности, есть фундаментальная и необходимая черта любого исследования, присущая также и работам любых профессионалов. (Как не упомянуть здесь знаменитую и до сих пор, кстати, никем не превзойденную работу-компиляцию «Хризантема и меч» Рут Бенедикт, которая не знала японского языка, не бывала в Японии и работала над своей книгой исключительно по переводам и пересказам из вторых и третьих рук.)

Иными словами, те специфические компиляции XVIII—XIX вв. долгое время были в России единственными и незаменимыми источниками для формирования представлений о Японии, так что, думается, к ним стоило бы отнестись с бóльшим вниманием и без обычной предвзятости — их более подробное изучение может пролить свет и на историю складывания образа Японии в российской культуре, и на происхождение некоторых стереотипов и легенд нынеш-

него времени, связанных с Японией. Разумеется, вопрос о переводах поэзии через языки-посредники надлежит, вероятно, рассматривать с иных позиций, но об этом мы собираемся говорить в другой главе книги.

Здесь же сначала рассмотрим вопрос об исследовательских трудах прошлого, которые появлялись со второй половины XIX в. и стали в России непосредственными предшественниками трудов С. Г. Елисеева и его современников, профессиональных японоведов.

Прежде всего назовем опять-таки перевод, в основу которого положен труд Ф. фон Зибольда (который, кстати говоря, стал первой публикацией о Японии в США в 1843 г.). С дополнениями и разного рода комментариями книга была переведена на русский и издана в трех фундаментальных томах в 1854 г., т. е. спустя всего 13 лет после американского издания (а первые краткие сведения о пребывании Зибольда в Японии были напечатаны в России еще раньше — в 1840 г.¹⁴⁹).

Полное издание, отпечатанное в Петербурге в 1854 г., — самое обширное и содержательное в раннем периоде российского знакомства с Японией и представляет собой трехтомник под названием «Путешествие по Японии», иное название этой книги — «Описание Японской Империи в физическом, географическом и историческом отношениях, Ф. Зибольда, дополненное сведениями и известиями из Кемпфера, Фишера, Дёфа, Шарльвуа, графа Гогендорпа, Крузенштерна, Тунберга, Титсинга, Варениуса и др.»¹⁵⁰.

Очевидно, что переводчик книги, В. М. Строев, не ограничился только переводами с разных языков, он выступил в книге еще и как составитель, редактор, комментатор; кроме того, он добавил к иностранным авторам еще и кое-кого из отечественных путешественников и т. п. Его личность постоянно присутствует на страницах книги — то мы читаем явный перевод записок Зибольда, и рассказ ведется от первого лица, т. е. от лица Зибольда, а то Зибольд вдруг начинает именоваться «он», а переводчик при этом оказывается в роли всеведущего Автора, — что, впрочем, никак не отражается

на общей связности изложения. Делу не мешает и то обстоятельство, что переводчик время от времени вставляет в текст фрагменты переводов из других иностранных авторов, в свою очередь тоже пересказывающих Зибольда или Кемпфера, и текст начинает пестрить оборотами вроде «покажем теперь, какое впечатление произвели на доктора Зибольда первые виденные им японцы» (т. 1, с. 127) или «как нас уверяет Кемпфер, а мы не имеем оснований не верить ему...» (т. 1, с. 230), — оборотами, которые уж совсем непонятно кому принадлежат. Читатель невольно вспоминает пушкинское «Альфонс садится на коня...» и не без удовольствия осознает, что, в сущности, держит в руках авантюрное повествование в духе «Рукописи, найденной в Сарагосе», притом и по объему последней не уступающее, — и окончательно запутывается, уже не пытаясь упомнить, от чьего имени ведется рассказ в данную минуту.

Строев цитирует также и других авторов, не вошедших в титульное перечисление, отстаивая, например, авторитетность и достоверность данных В. М. Головнина, чьи записки нередко подвергались сомнению в связи с вынужденной ограниченностью японских впечатлений капитана (по большей части находившегося в плену), и т. п., т. е. роль Строева в создании текста трехтомника оказывается гораздо шире скромных полномочий переводчика и еще более трудно вычлениваемой из общего повествования.

Во втором томе этих «Путешествий» содержится и специальный раздел под названием «Язык японский. — Азбука. — Литература и поэзия».

В сущности, многие приведенные там данные, о японском языке, например, верны и поныне, в том числе сведения о заимствовании китайской иероглифики, о категориях вежливости, о грамматических формантах (к данным о последних В. М. Строев для понятности присовокупляет русские аналогии), о благозвучии японского языка для западного уха и т. п.

Рассказывая о разновидностях японского письма, повествователь (как представляется, впервые в русской истории)

говорит о «Маньёсю» — в связи с рассказом о «старинной азбуке, которою написано собрание од, называемых десятью тысячами листьев, и которая поэтому называется маниогана»¹⁵¹. В этой главе рассказывается и о специфике употребления китайского и японского языков в японской книжной культуре, после чего следует что-то вроде литературного очерка.

«Японская литература, — говорится во втором томе “Путешествия по Японии”, — состоит из книг ученых, исторических, биографических, географических, путешествий, философических и из стихотворений, драматических произведений и энциклопедий. Голландские писатели расхваливают произведения японского гения в этих различных ветвях литературы, но как члены голландской фактории не получают особенного филологического образования и не бывают учеными, то надобно принимать суждение их в этом деле с крайней осторожностью. При том же мнение это подтверждается фактами»¹⁵².

Как говорится в книге в той же главе, «Клапрот¹⁵³ перевел курс географии, а Титсинг летописи даири и летописи сиогун-ов династии Гонгэн»¹⁵⁴ [под дайри имеется в виду японский император тэнно, а Гонгэн — династия Минамото, одержавшая победу над домом Тайра. — Л. Е.]. Для изложения японской истории обильно используются переводы из «Нихон сёки» — летописи VIII в., именуемой здесь «Ниппонки»¹⁵⁵, а также китайского труда «Шаньхайцзин» и древнекорейских летописей. Здесь представлены некоторые японские мифы и легенды, а также верования «учения Син-сиу» и обычаи его адептов, называемых «Синту» (вероятно, синто).

О японских летописях позднего Средневековья в книге говорится, что «трудно представить себе что-либо скучнее этого рассказа... все это написано так, что несколько не возбуждает участия в европейском читателе. Однакож эта книга — драгоценный источник для разысканий филологических и исторических, при сравнении разных цивилизаций...»¹⁵⁶ Здесь же приводятся образцы японской поэзии, почерпнутые, вероятно, у Мейлана, Титсинга и Зибольда.

Строев начинает с того, что приводит транскрипцию японских стихов (правда, местами ставшую малопонятной от многократных перекодировок с языка на язык), а затем дает свой перевод.

Эти образцы, по всей вероятности, *самые первые переводы японской поэзии* в истории русско-японских культурных связей. В книге приводятся три стихотворных текста в транскрипции и их переводы на русский. Идентифицировать нам удалось пока только один из трех приводимых текстов, он представляет собой перевод песни «Манъёсю» № 1446, взятый из Зибольда, «и он не без прелести», как говорит автор. Второй текст более всего похож на народную песню и записан на наречии, близком к диалекту Тохоку. К сожалению, эту песню, равно как и третье стихотворение — танка, нам пока идентифицировать не удалось.

Заключает же Строев свою главу о литературе словами: «...но довольно о японской поэзии. Она вся состоит из баллад, романсов и песен»¹⁵⁷. Последняя фраза есть и в англоязычной компиляции 1841 г., т. е., видимо, восходит к оригиналу, а вот выражение «но довольно» лежит, по всей вероятности, на совести В. М. Строева, которому японская поэзия в западных изложениях, как видно, не показалась чересчур значительной.

В позиции авторов и переводчика этого трехтомника наблюдается характерная для того времени смесь, с одной стороны, любознательности и стремления к «научной точности» в духе XIX в., а с другой — комплекса европейского превосходства. Комплекс этот — явление более чем сложное, и здесь говорить о нем не представляется возможным ввиду удаленности темы от предмета настоящей книги. Скажем только, что в нем достаточно отчетливо выражены христианский мессианиззм. Например, всего за 70 лет до выхода «Путешествия по Японии» в публикуемых в России историко-географических книгах и переводах, касающихся Азии, имелись главы под названием вроде «Преимущество нынешней Европы перед Азией», поскольку сам факт обращения к азиатскому материалу, вероятно, требовал оправ-

дания. Рассказы купцов и путешественников европейского Средневековья принесли ряд неожиданностей — например, оказалось, что религиозные обряды в разных частях света являют определенное типологическое сходство или что буддийская свастика напоминает «крест или крыж св. Андрея». Такая констатация «отменных сходств в обрядах и обычаях», быть может, требовала своего рода отмежевания, поскольку «где можно обрести, как не во христианской вере, высшее понятие о высшем существе?» Ведь «европейская [история. — Л. Е.], сколь пространная, столь и нужная, вмещает в себе все роды наставления, почему и можно не знать без сожаления того, что до нас не много касается»¹⁵⁸.

4

Если говорить о следующих по времени предшественниках елисеевского обзора японской литературы, то на очереди будет японский раздел «Истории всемирной литературы» 1877 г.¹⁵⁹ Здесь уже выражен иной философский взгляд на иностранные культуры и литературы. По мнению составителя, «наука и искусство могут быть более или менее общие у различных племен, так как научные истины и понятие о прекрасном составляют достояние всего человечества, в литературе же высказываются особенности каждой нации»¹⁶⁰.

Теоретической предпосылкой тома является существование такого явления, как «всемирная литература», принимаемое как аксиома. Во вступительной статье автор, вслед за Белинским, называет предметом истории всемирной литературы «развитие человечества в сфере искусства и литературы», где в единую линию, например, оказываются связаны индийский эпос, гомеровский эпос и романы Вальтера Скотта. Процесс литературного развития видится как единый и глобальный, поэтому все без исключения явления литературы оказываются важными для рассмотрения.

Составитель пишет, что такого рода литературоведческий труд с образцами произведений всех стран мира «будет первым опытом в этом роде, немного их и в европейской литературе».

В этом движении мирового литературного духа Япония мыслится как страна, вступившая в новую, блистательную эпоху, однако, как говорится в энциклопедии, современные (мэйдзийские) реформы «молодого микадо» еще не успели оказать влияния на литературу, поэтому в основном речь в очерке идет о японской средневековой литературе с опорой на сведения, почерпнутые из тех же авторитетов — т. е. Титсинга и Ремюза, и более новых — Дикинса, Рони, Клапрота, Фюре и др. Помимо «Манъёсю», «Хякунин иссю», подробной истории Оно-но Комати и японских исторических хроник позднего Средневековья здесь излагаются также японские легенды из нововышедших книг «Столица тайкуна» Ротерфорда Алькока и «Живописная Япония» Эме Гюмбера¹⁶¹. Кроме того, рассказывается о сравнительно новых японских книгах — романе Рютэй Танэфико, популярного писателя эпохи Эдо, «Шесть ширм в образах преходящего света» (вероятно, по переводу на немецкий 1847 г. венского синолога и японоведа Августа Пфицмайера)¹⁶², а также о новых переводах — фрагментов из «Гейкэ-моногатари» в исполнении Ф. Турретини, изданных в Женеве в сборнике «Атсумэ-Гуса». «Гейкэ-моногатари» излагается довольно подробно, так же как и содержание драмы «Сорок семь лонинов». (Имена и заглавия мы везде привели в орфографии оригинала, однако понятно, что по правилам ныне принятой транскрипции *Танэфико* надо читать как *Танэхико*, *Гейке* как *Хэйкэ*, а *лонин* как *ронин*.)

Эта «История всемирной литературы», как явствует из заявлений автора, ставила целью прежде всего полноту и представительность «памятников художественного творчества человеческого ума» в планетарном масштабе. Автор, по всей видимости, отвергал концепцию заведомого превосходства одних литератур и заведомой неполноценности других. Его позиция — глобально историческая, концептуальная, он обзревает литературную историю как единую территорию, охваченную единым процессом, имеющем целью «развитие»¹⁶³. Впрочем, и здесь впереди в этом процессе оказывается Европа. Критик же находится при этом

за вознесенном над всеми наблюдательном пункте, близком, как сказали бы теперь, к местонахождению «Абсолютного Эзначаемого».

Период с 80-х г. XIX в. до 20-х г. XX в. вообще, как это ни покажется странным нынешнему японоведу, буквально изобиловал публикациями разного рода, относящимися к японской литературе. Это время гораздо богаче, чем, например, 30-е годы XX в. или даже 50-е. Многочисленные публикации в различных журналах, но немало и книжных изданий, причем помимо работ, так сказать, общепопулярного характера велико было и число переводов — не только западных языков-посредников, но и непосредственно с японского. При этом через западные работы к концу XIX в. уже утвердилось представление о японцах как о народе со «страстной любовью к прекрасному»¹⁶⁴.

«Широкий» российский читатель к тому времени при желании способен был уже собрать немалую библиотеку на русском языке, касающуюся Японии и, в частности, японской литературы. Появилось немало русских и переводных книг, дающих «общекраеведческие» сведения о Японии или написанных как путевые заметки, куда по традиции включались и сведения о литературе, порой с пересказом отдельных сюжетов. Особую, по-своему примечательную часть этой книжной культуры составили книги, появившиеся в связи с Русско-японской войной и трактующие военные качества японцев как отдельную ипостась этого народа.

Издания рубежа веков по японской литературе можно насчитывать десятками и найти среди них много неожиданного — например, повесть «Принцесса Лучезарная» (т. е. «Такэтори-моногатари») в «Ниве» за 1899 г., № 16, легенда «Рыбак Урашима» (Урасима) (СПб., 1890), переводы «Кодзики» в очерке Г. Генкеля «Боги Японии» 1904 г. (с немецкого) или сатирический роман Вкути-ген-итиро (т. е. Фукути Гэнъитиро) «Обзор мира. Картинки из жизни Токио» (с японского), высмеивающий моду на все иностранное в послемэйдзийский период и действительно довольно смешной даже для современного российского читателя.

Особое внимание уделялось поэзии — как известно, «японизм» в России принял прежде всего поэтические формы, и чуть ли не каждый российский поэт первого двадцатилетия прошлого века так или иначе отдал дань японской поэзии, составив себе представление о ней именно по ранним литературным адаптациям и пробам стиховедческого осмысления. Здесь тоже можно назвать немало публикаций — например, «Маленькая антология. № 1. Китай и Япония в их поэзии, СПб., 1896», переводы Н. И. Познякова (1898) и его брошюра «Японская поэзия» (1905), переводы «Песен ста поэтов» в том же 1905 г., «Импрессионизм как господствующее направление японской поэзии» Ямагути Мойти (1913)¹⁶⁵, «Японская поэзия» Г. Рачинского (1908 и 1914)¹⁶⁶ и многое другое.

Желание ввести японскую литературу в круг российского чтения и вообще сделать ее частью культуры страны явствует не только из стремительного роста числа переводов того времени, но и из обилия очерков о японской литературе. Достаточно назвать, например, очерк «Народный эпос и лирика в Японии» (журнал «Изящная литература», 1885), краткую статью К. Петрова «Японская литература» («Вокруг света», 1886), очерк с тем же названием в журнале «Мир Божий» 1899, «Народная японская поэзия» («Новый журнал иностранной литературы», 1904) — изданий этого рода выходило тогда немало.

Самой академической работой в этот период было, надо думать, издание астоновской «Истории японской литературы», вышедшей в 1904 г. во Владивостоке в переводе В. Мендринна под редакцией Е. Спальвина (с предисловием переводчика и комментариями Е. Спальвина, вносящими отдельные уточнения и осовременивающими монографию У. Дж. Астона, — первая профессиональная работа в этой области).

Богатая и сложная книга Астона, вероятно, содержала много материала, не вполне удобопонятного «простому» любителю, зато понятные места из этого перевода астоновской книги, и прежде всего рассеянные там и сям личные оценки,

стали цитироваться в российских изданиях чаще других. Так, в работе Н. И. Познякава вслед за Астоном утверждается, что японская поэзия «богата скорее древностью, чем содержанием, образами и вообще внутренними достоинствами»¹⁶⁷.

Небольшая книга Н. И. Познякава вообще выдвигает немало фундаментальных положений. Во-первых, автор подводит черту под поверхностным японизмом конца XIX — начала XX в.: «Прежний ничтожный мелкий интерес к Японии или, вернее, только к некоторым ее производствам — лакированным шкатулкам, черепаховым портсигарам, разрисованным тростям и веерам — должен замениться, да и заменился, интересом более глубоким и живым — интересом к духовной жизни японцев. А так как литература того или иного народа есть несомненное и наиболее верное отражение духовной жизни его, то, само собой, должен пробудиться и возрастающий интерес к японской литературе вообще и к японской поэзии в частности».

Привычная для нас убежденность российского автора в приоритете литературы над всем остальным в духовной жизни народа, вероятно, вызвала бы немалые сомнения среди его японских современников, да и теперь японская культура не стала литературоцентристской, а поэзия не только не считается божественной, но, напротив, среди иных литературных жанров занимает далеко не самое высокое место.

Однако для западного и русского читателя логос превышает остальных типов нематериальной деятельности, и Позняков объявляет о пришествии нового явления: «Появилась — как из-под земли выросла — пред русским читателем и японская литература, о существовании которой едва ли кто-либо предполагал; но о несомненности ее свидетельствует историческое исследование».

Необходимость встроить японскую поэзию в литературные горизонты времени, естественно, встречает множество различных методологических трудностей, вовлекая автора в разные поэтологические ловушки.

Довольно подробно и схематически верно излагая самые общие этапы истории японской поэзии, Н. И. Позняков

примеряет японскую поэзию к русской, красоту ее поверяет звучанием русского стиха. Например, в книге Астона он нашел перевод драмы традиционного японского театра Но «Такасаго»: «Я намеревался воспользоваться переводом этого но и пересказать его в стихах; но мне это решительно не удалось... Откровенно сказать, мне было жаль изящного русского стиха, мелодичных русских размеров и звучных рифм — жаль было пригонять их насильственно к этой безжизненной, бездейственной, будто бы, драме, неуклюжей, бесформенной и полной удручающих прозаизмов»¹⁶⁸.

Примечательны и рассуждения автора о более позднем периоде японской поэзии: «...вряд ли можно утверждать, что до настоящего времени японская нация создала много поэтических произведений выдающихся достоинств. <...> Важное значение имеет толчок, данный японской литературе внесением в нее европейских идей, — внимание, обращенное в последнее время на европейскую и, в особенности, английскую поэзию»¹⁶⁹. Н. И. Позняков, внимательный читатель западных исследований и переводов, предрекает, что «японская поэзия, никогда не отличавшаяся глубиной идеи, не звучащая красивыми мелодиями благодаря своему силлабическому стиху и механической, искусственной версификации... возродится непременно, — и все же это будет тогда поэзия не японская, а только на японском языке поэзия передовых народов Европы и Америки». Вот классический пример, когда предсказание сбывается наоборот — если бы Позняков мог увидеть бесчисленные сайты с подражаниями японской поэзии хайку в нынешнем Интернете на всех языках «передовых народов Европы и Америки»...

В сущности, позняковские рассуждения представляются чрезвычайно интересными и ценными с точки зрения сравнительного стиховедения и проблем взаимных проекций разных поэтических систем. Здесь целый пучок фундаментальных вопросов, которые Н. И. Позняков толкует достаточно последовательно. В частности, наличие звуковой организации как важного фактора стиха индоевропейских поэтических систем он воспринимает как имманентный и универсальный

ризнак поэзии вообще, придерживается представления о том, что перевод «через третьи руки» и в самом деле может оказаться неточным в отдельных деталях, но никак не в бщей выразительности, поскольку структура поэтического образа также универсальна, и пр. Но все это, разумеется, составляет особый круг проблем за рамками нашей темы.

Кроме астоновской истории японской литературы в том же 1904 г. вышел пространный (по объему не уступающий лисеевскому) и подробный очерк Г. Востокова, посвященный японской литературе и театру и напечатанный в книге энциклопедического характера «Япония и ее обитатели»¹⁷⁰.

Литература в нем освещена в соответствии с принятыми и теперь рубриками — «Общий характер японской литературы», Японское стихосложение», «Древнейший период японской литературы (по VII стол. от Р. Х.)», затем следуют периоды Тара, Хэйан, «период упадка и темные века», период Эдо, современная литература и печать. Разумеется, эта схема воспроизводит строение работ У. Дж. Астона и К. Флоренца, на которые автор опирался более всего и которые в свою очередь исходят из японских историко-литературных трудов того времени. При этом Г. Востоков, как и В. Строев, также отнюдь не может быть назван «просто» переводчиком или механическим компилятором западных работ (если такие компиляторы вообще бывают) — он выражает собственные оценки и суждения, время от времени обрушиваясь на западных (переводимых им) авторов с резкой критикой. Он рассказывает о древности японской литературы, которая была развита уже тогда, «когда народы некоторых просвещеннейших ныне европейских стран были еще варварами», сообщает о японской литературе такие сведения и в таком ракурсе, против которого не стали бы возражать и нынешние востоковеды. Он пишет о том, что «каждый японский кули знает наизусть десятко-другой классических образчиков японской поэзии, любит их и глубоко их понимает».

Однако ему явно приходится отстаивать право японской литературы на свои особенности. Приводя слова Чемберлена «в японской литературе отсутствуют гений, идея, логика,

глубина, широта и разносторонность», Г. Востоков в то же время и защищает японскую словесность, цитирует и другие «голоса», «подтверждающие, что все эти странности, ребячество, чудачества и особенности японской поэзии начинают объясняться и получать своеобразную прелесть... когда изучают народ в связи с его литературой и природой страны»¹⁷¹, т. е., как бы сказали теперь, в контексте данной культуры.

Но все же и у Г. Востокова мы найдем немало оговорок вроде: «Мы не хотим этим сказать, что японскую литературу можно поставить рядом с литературой любого из европейских народов» (с. 266—267), или снисходительно поощрительных сентенций: «Крохотная безделушка, но прелестная» (с. 271, в связи с хайку XVIII в.). Г. Востоков определенно стремится утвердить право японской (и, видимо, любой другой «неевропейской») литературы на особую мерку, но, по всей видимости, далек от мысли уравнивать ее в достоинстве с западными.

Интересно, что тот же Востоков, поместив рядом с эссе о литературе Японии сведения о ее «религиозном быте» и отмечая «некоторые успехи» христианства в Японии, пишет, что «при ближайшем исследовании дела оказывается, что... мы имеем перед собою не серьезное обращение, а комедию, проделываемую японцами с полнейшей наивностью. Так же обстоит дело и в Корее и в Китае, но цели, толкающие японцев в объятия миссионеров, не те, что там. Китайцы ищут в миссионерах и находят в них защитников от притеснений мандаринов, японцы же, в большинстве случаев, ценят в них учителей иностранных языков... В общем же передовые японцы отказались от национальных верований как от ненужного хлама; для них единственной религиею является наука, единственным руководящим началом — разум» (с. 357) — вывод, достойный истинного сына второй половины XIX в.

Обширное и содержательное сочинение, похожее на краткую монографию, представляет собой очерк о японской литературе в 82-м томе «Энциклопедического словаря»

Брокгауза и Эфрона, вышедший в том же 1904 г. Автор его скрыт под псевдонимом В. Можно сделать несколько предположений относительно этого В. — известно, например, что около 100 литературных статей для словаря написал член редколлегии всего издания, редактор литературного раздела С. А. Венгеров, так что, может быть, он и есть автор очерка. Правда, когда Венгеров подписывался инициалами, он обычно писал С. В. или С. В-в. С другой стороны, возможно предположить, что статью написал тот же автор, что писал об истории Японии — В. Водовозов, однако и он сокращал свое имя иначе — как В. В-в. Может быть, автором была сестра С. А. Венгерова, переводчик, тоже участвовавшая в создании словаря, а скорее всего, еще кто-то, чье имя нам сейчас трудно восстановить.

Как бы там ни было, этот очерк, чрезвычайно глубокий и емкий, написан с весьма определенной точки зрения и содержит немалое число общих суждений и оценок. Сразу скажем, что приложенная к нему библиография насчитывает сотни две работ и на западных языках, и на русском, и это при том, что религия, язык, изобразительное искусство, музыка и история Японии составляют особые разделы и снабжены отдельными библиографиями. (Здесь есть, разумеется, отсылки на фундаментальные обзорные монографии У. Дж. Астона и К. Флоренца, но приводится также ряд специальных литературоведческих работ на русском языке, посвященных японской литературе, — это, например, В. Зотов, японский раздел в «Истории всемирной литературы» (1877 г.), «Народный эпос и лирика в Японии» (журнал «Изящная литература», 1885, № 8), и много других статей о японской литературе, опубликованных в 80—90 гг. XIX в. в «Правительственном вестнике», «Журнале журналов», «Курьере», «Русском богатстве» и т. д.; отдельный список составляют переводы на западные и русский языки, причем, как указывается, издания японских сказок и других книг для детского чтения в России представляли собой «имитации японских изданий».)

Очерк о японской литературе, написанный В., начинается с древнейших ее памятников и заканчивается современными

автору изданиями, вышедшими в 1903—1904 гг. Достоинства очерка неоспоримы, его и сейчас, вероятно, можно рекомендовать студентам как пособие по литературной истории Японии — исправив только диковинную транскрипцию японских имен и заглавий и обновив некоторые толкования мифов и легенд. По части древности и Средневековья здесь приводятся названия и кратко характеризуются даже произведения второго и третьего круга — например, специалисты, вероятно, оценят упоминание о «Такахаси удзибуми» — «фамильной хронике», написанной, как сказано в книге, в стиле сэммё, т. е. приказов древних императоров, и норито, молитвословий, обращенных к богам Неба-Земли, — последние тексты также описаны подробно и достаточно точно. Основные же памятники представлены еще более детально и ставятся не только в ряд предшествующих и последующих произведений японской литературы, но им все время подыскиваются параллели — автора явно интересуют типологические сходства. «Китайская литература была отчасти для японцев тем, чем для европейских литератур были греческие и латинские классики», «миф о боге Хая-Сусо-но-ву [Хая-Сусано-но микото. — Л. Е.], убивающем дракона, близкий к мифу о Персее и Андромеде» и т. п. Японская литература ставится в широкий культурный и литературный контекст: «Краткость формы стесняет свободу фантазии, но авторы танки [пястишия танка. — Л. Е.] доходят иногда до поразительного мастерства в искусстве сжато намечать тонкие настроения, воссоздавать образы природы и связанные с ними ощущения в 5, много 6 строках. Танка в этом отношении сродни эскизно-характерной японской живописи: то же искусство намеков, “art suggestif”, ставший принципом французской декадентской поэзии, отчасти под влиянием проникшей во Францию японской живописи. Танки — если бы они были известны поэтам-декадентам — могли бы оказать такое же влияние, как рисунки Хукасаи [в разделе о живописи этот же художник именуется Гокусаи, но речь в обоих случаях идет о художнике Кацусика Хокусай. — Л. Е.] и других японских мастеров». Нельзя не отметить, что высказанное

в этом абзаце соображение автора о возможности влияния японской поэзии на европейскую, в том числе русскую поэзию, безусловно, делает его провидцем.

О романе «Гэндзи-моногатари» автор пишет: «Удивительно, что такое сильное реалистическое произведение могло появиться в начале XI в. среди народа, склонного к сенсационным эффектам, к чудовищным или карикатурным образам, соблазняющим первобытную фантазию». Примечательно, что относительно этого произведения критик достаточно осторожен в своих типологических сближениях, — он, напротив, отвергает мнения современников, сравнивающих «Гэндзи» то с Филдингом, то с Дефо, то с Виктором Гюго.

В отличие от ранее описанных нами книг этот энциклопедический очерк не является библиографической редкостью, поэтому, вероятно, нет необходимости представлять его подробно. Прочитываем только его завершающую часть, содержащую, как это было принято у тогдашних критиков, общий вывод о самом современном состоянии словесности, а главное — прогноз на будущее. Автор пишет: «В общем, новейшая литература Японии не проявляет определенных, самобытных черт. Японцы усваивают себе образцы европейской литературы (преимущественно английской), но их заимствование — внешнее. Дух европейской литературы им чужд, как в древние времена даже более близкий им буддизм влиял лишь на обособленные явления в литературе; эпохи всестороннего расцвета японской литературы совпадали с китайским влиянием, с пропагандой конфуцианской этики, отвечающей природному рационализму и практическому смыслу японцев. Можно предположить, что и в дальнейшем развитии японская литература заимствует у Европы ее позитивную философию, оставаясь чуждой спиритуалистическим течениям европейской литературы».

С идеей чуждости, по-видимому, согласен и Н. П. Азбелев в своей книге «Душа Японии», где общий очерк литературной истории соседствует с литературными цитатами и фрагментами. С восхищением и уважением рассказывая о многих замечательных сторонах японской словесности, он,

по-видимому, считает обязательным привести то же уничижительное мнение Б. Чемберлена о японской литературе, как мнение авторитетного специалиста и знатока. Но при этом отношение к предмету самого Н. П. Азбелева, видимо, лучше выражает приводимая им в другом месте цитата из Астона, подчеркивающая скорее закрытость и непостижимость японской культуры: «В этом типе человечества много такого, что нам, европейцам, трудно понять и оценить... Даже Геродот и Платон, как ни далеки они от нас по своему мировоззрению, неизмеримо ближе стоят к нам по всем своим идеям, чувствам и моральным принципам, чем японцы 50 лет назад»¹⁷².

Азбелев, не меняя общей исходной посылки о чуждости японской словесности для европейца, меняет оценку, стараясь превратить изъян в достоинство: да, пишет он, японская литература — явление далекое и восхитительно непонятное, и сама ее непонятность и экзотичность является вызовом для пытливого европейского ума. Поэтому «для освещения» Н. П. Азбелев отбирает прежде всего те произведения, которые «успешно вводят читателя в духовный мир японца и, изображая картины государственного, общественного и семейного быта его, дают иллюстрации этических основ его жизни»¹⁷³. В данном случае литература рассматривается не как планетарное поступательное движение духа (см. упомянутую выше «Историю всемирной литературы»), а как некий оптический прибор, посредством которого можно увидеть этические принципы устройства чужого общества.

Автор следующего «Обзора истории современной японской литературы» (Хабаровск, 1909) Г. Ксимилов — молодой японовец, выпускник Восточного института, ученик Е. Спальвина. Его обзор — выпускная работа (кстати говоря, удостоенная золотой медали), представляющая собой что-то вроде реферативного перевода с японского истории японской литературы, написанной «кандидатом словесности японского университета Иваки»¹⁷⁴. Эта работа, посвященная краткому периоду японской литературной истории (1868—1906), может быть названа и содержательной, и высоко-

информативной, однако она, по-видимому, почти полностью представляет собой перевод-пересказ с японского; ее слабые стороны — ученический характер и связанное с этим отсутствие аналитической дистанции между автором и источником (в виде литературной истории Иваки).

Бегло скажем здесь и о переводах японской поэзии (более подробно об этом говорится в следующей главе). Первые двадцать лет XX в. — по-своему крайне интересный период бытования японской литературы в российской культуре и интересный прежде всего в области поэзии. Отчасти этот период напоминает нынешний — когда чуть ли не каждый третий пишущий стихи считает своим долгом написать что-нибудь «в японском духе», поскольку оказывается очарован и заинтригован японской поэзией в русских переводах.

10-е годы были интересны тем, что не только стихи «в японском духе», но даже литературоведческие эссе о японской поэзии и литературе тогда представляли собой по большей части плоды трудов авторов, далеких от востоковедения, чья теоретическая фантазия была разбужена вполне научными, академическими книгами Астона и Флоренца. Это свидетельствует о наступившей эпохе огромной притягательности японской литературы и прежде всего поэзии для российского читателя. Поэзия эта зачаровывала, но оставалась загадкой, к тому же во многих публикациях начала прошлого века подробно и красочно рассказывалось о трудности, да, собственно, практически полной невозможности понять японский язык. Поэтому многие поэтические натуры того времени, пытаясь постичь «золотой век сказочной Японии», «ее долгий весенний сон», строят свой собственный миф о японской поэзии (занятие универсальное и с той поры занявшее прочное место в истории русской поэтической традиции).

Эстетизм начала XX в., разумеется, дорожил этой метафизической данностью как недоступной и непостижимой поэтической зоной, в которой были свои экзотические правила и где российский литератор мог обрести своеобразную экстерриториальность поэтического мышления.

Например, Г. Рачинский в 1908 г. публикует в журнале «Северное сияние»¹⁷⁵ свой очерк, избрав для перевода и интерпретации из прочитанных им работ Флоренца, Ратгена и Гаузера¹⁷⁶ безусловные шедевры японской литературы, выбор которых одобрит любой современный японовед, и переводит их, надо сказать, тоже совсем неплохо. Это — предисловие Ки-но Цураюки к поэтической антологии X в. «Кокинсю», несколько сюжетов с песнями из мифологического свода VIII в. «Нихон сёки», танка из антологии «Манъёсю» проза-поэтической повести «Такэтори-моногатари» (в переводе В. Марковой — «Повесть о старике Такэтори») и др.

Интересно при этом, что прогноз будущего японской поэзии, сделанный Г. Рачинским, шел полностью вразрез с пророчеством Г. Востокова и скорее оказался близок к умозаключениям В. из брокгаузовского словаря, только сформулирован не так сухо. «Знакомая нам лирика танок убеждает нас, — писал Рачинский, — что какие бы всходы ни дал в будущей японской поэзии посев поэзии Гете, Шиллера, Байрона и Шелли — в этих всходах будет неизменно цвести и благоухать та душа японского народа, о которой один из его поэтов сказал: С чем бы сравнил я / Великий дух Ямато, / Родины нашей, / Как не с дыханьем цветов / Утром, при встрече зари»¹⁷⁷.

5

Итак, выше мы перечислили некоторые труды по японской литературе, предшествовавшие появлению обзорного елисеевского очерка.

Конец 10-х — начало 20-х гг. XX в. — интересный и во многом примечательный период для российского японоведения и востоковедения в целом. В России, как и в Западной Европе, развитию востоковедения как науки предшествовал период «практического» востоковедения, связанного с такими сферами деятельности, как внешняя политика, торговля, нужды управления восточными колониями, освоение новых территорий и сфер влияния, а также миссионерство и паломничество. Начало японоведению как науке было по-

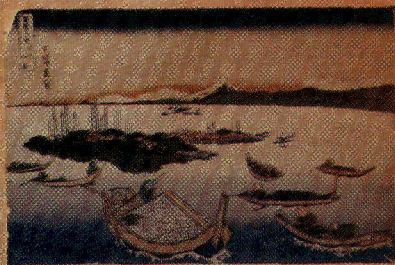
ложено при Петре, но развитие его началось именно в этот период начала XX в. (именуемый в Японии эпохой Тайсё). Еще с 70-х гг. XIX в. преподавание японского языка было возобновлено на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета, и в начале XX в. японоведение в России уже стало профессиональным, специализированным, притязающим на объективность своего знания и на непосредственное знакомство с фактами изучаемой культуры. Аналогичные процессы происходили тогда и в других областях российского востоковедения. И начало профессионального исследования японской литературы и учреждение новых мировоззренческих и теоретических основ для этого исследования, как мы предполагаем показать, связано прежде всего с именем С. Г. Елисеева и его статьёй, которую он написал во время своей работы в Санкт-Петербургском университете.

Однако нельзя не отметить тут же следующего обстоятельства: хотя эта аналитическая обзорная работа С. Г. Елисеева имела, по сути, определяющее значение для становления японской филологии в России, до последнего времени она была отечественным японоведам почти недоступна, а сам С. Г. Елисеев долгое время оставался малоизвестным у себя на родине по причинам, не имеющим непосредственного отношения к науке.

Скажем несколько слов о самом авторе работы¹⁷⁸.

И личность С. Г. Елисеева, и его работы на разных языках (около ста публикаций) представляют собой явление поистине значительное — например, Э. Рейшауэр, ученик С. Г. Елисеева, говоря о нем как об основателе западной японологии, называет его гениальным преподавателем, но прежде всего — исследователем-пионером, открывшим новые подходы в науке, а также первым профессиональным японоведом Запада¹⁷⁹.

«Сверхмощным японоведом» называет С. Г. Елисеева и его японский биограф и исследователь Курата Ясуо¹⁸⁰, лично встречавшийся с ним.

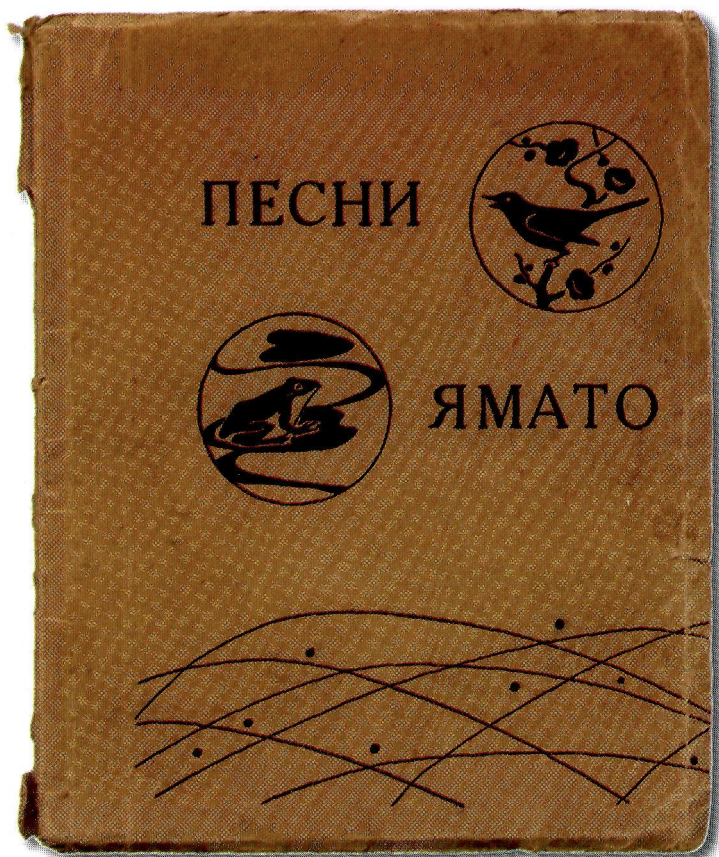

Г. А. РАЧИНСКИЙ.

ЯПОНСКАЯ ПОЭЗИЯ.

Обложка книги Г. А. Рачинского «Японская поэзия».
Изд. «Мусагет», 1914.

Обложка книги «Песни Ямато», содержащей подборку переводов А. Е. Гускиной из средневековой антологии «Кокин вакасю» («Собрание старых и новых песен»).

Издана в Ленинграде в 1926 г., издание ВОКС.

На обложке изображены соловей и лягушка — видимо, как иллюстрация к знаменитому Предисловию Ки-но Цураюки, где говорится, что каждое из этих созданий поет свою песню (само предисловие в книге не приводится).

Три открытки Танидзакэ Дзюнъитиро, посланные О. В. Плетнеру в октябре 1927 г.

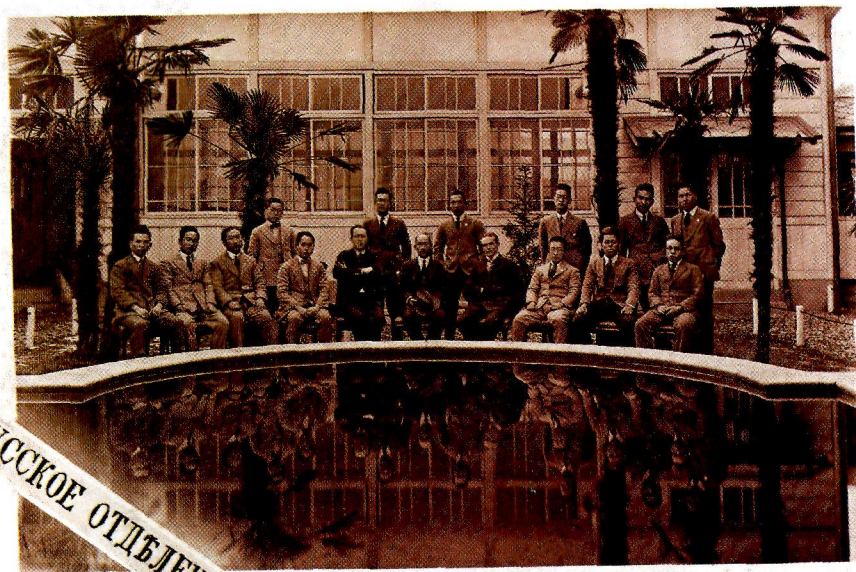

Лист с каллиграфией XVI в. в серебряной рамке с вензелем епископа
Бернарда Мацевского.

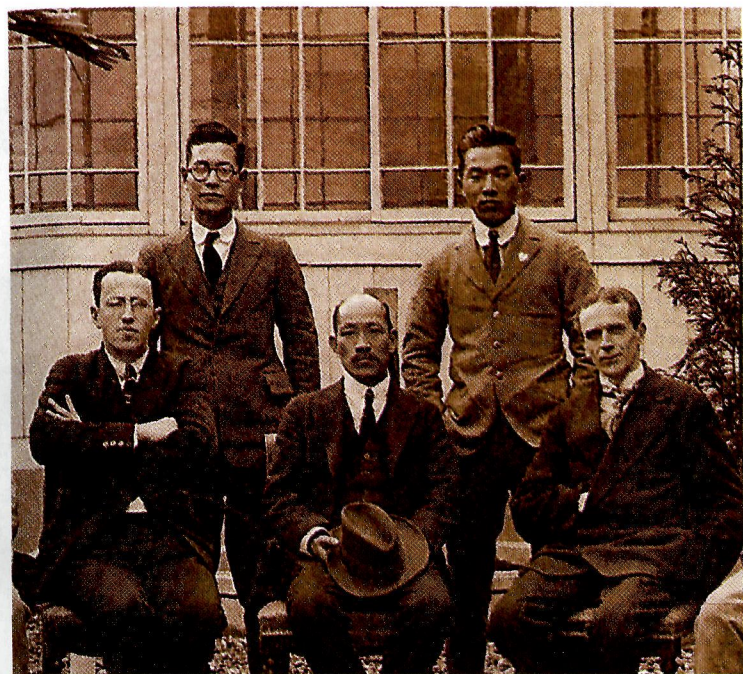
Оборотная сторона серебряной рамки с выгравированной латинской
надписью, рассказывающей о происхождении листа.

РУССКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Преподаватели и слушатели русского отделения Осакского Высшего Училища иностранных языков (ныне Осацкий Государственный Университет иностранных языков). Начало 30-х гг.

Фрагмент предыдущей фотографии. В центре, со шляпой в руках, — профессор Тотоки Корэтика, на фотографии слева от него, скрестив руки, сидит Орест Викторович Плетнер, справа — Николай Александрович Невский.

Светлана Орестовна Плетнер-Хаяси на кладбище иностранцев в Кобе
у могилы родителей.

Творческая личность С. Г. Елисеева в самом деле уникальна — в ней органично соединились разные типы образования и эрудиции и научная судьба его складывалась в самых разных литературно-философских и художественных мирах.

Родился он 1/13 января 1889 г., отец его, сын крестьянина, стал знаменитым предпринимателем, основателем и владельцем Елисеевских магазинов в Москве и Петербурге.

Как отмечают биографы С. Г. Елисеева, он с детства знал основные европейские языки, в гимназии изучал греческий и латынь, затем, в университетах Берлина и Токио, он овладел японским и в значительной мере китайским. Таким образом, нет никаких сомнений, что он был знаком со всеми основными трудами по Японии, опубликованными к тому времени на разных языках Востока и Запада.

С гордостью именовавший себя учеником Нацумэ Соэки, он в Японии изучал театр Кабуки не только по спектаклям и книгам, но и проводя часы в гриме и живописных одеяниях *оннагата* — актера, исполняющего женскую роль; живя в Токио, он писал для газеты «Асахи» о современной русской литературе, в Париже — о новой японской живописи и археологических раскопках в Китае, по его учебникам японского языка занималось несколько поколений американских студентов. Он воспитал многих выдающихся современных японоведов Запада, а до этого и сам учился у известных ученых того времени — читая «Кодзики» под руководством известнейшего японского филолога Уэда Маннэн и изучая классическую японскую литературу у авторитетного профессора Хага Яити.

Интересно, что первая публикация С. Елисеева в Японии была посвящена современной русской поэзии (журнал «Тэй-коку бунгаку» за 1909 г.). В студенческие годы он изучал и айнский язык, и каллиграфию, и *камбун*, т. е. китайские классические тексты, которыми начал заниматься еще в Берлине, толкуя Мэн-цзы с помощью известных специалистов, профессоров Вильгельма Грубе и Отто Франке.

Будучи весьма начитан в классической литературе Китая и Японии, С. Елисеев еще интересовался и изобразительным

искусством. Живопись была увлечением его юности, и потому, в период его краткого приват-доцентства в Петрограде, работая над диссертацией по Мацую Басё, он одновременно читал курс по истории искусства Китая и Японии. В его научном наследии нет монументальных монографических работ, но несомненны широта и разнообразие его дарований. Литература, классическая и современная, японская и китайская, театр, живопись и скульптура разных ареалов Дальнего Востока, японская мифология, этнография и социология японского общества — прежде и в Новое время, японская храмовая архитектура, японский язык для начинающих, продолжающих и продвинутых и т. п. — вот примерный круг затронутых им тем.

О России и русской культуре, кроме публикаций на японском языке периода его студенчества в Токийском Императорском университете, он больше практически не писал. Исключением стала его любопытная работа 1956 г. «Православная церковь и российское купечество. По личным воспоминаниям»¹⁸¹, написанная по-английски.

Вообще многие его работы написаны по-английски, но кроме английского он писал также по-французски, по-японски и по-немецки. На русском же языке, судя по списку публикаций, собранных на 1957 г.¹⁸², только и существует та его работа, о которой мы собираемся говорить, — т. е. его обзорно-аналитическая статья о японской литературе. Однако идеи и обобщения, представленные в этом давнишнем его труде, проникли в самый фундамент российского и западного японоведения, во многом став чем-то естественным и самоочевидным, словно заложенным в природе вещей. Так что, пожалуй, только теперь, по прошествии почти 80 лет, мы имеем возможность, во-первых, отдать себе отчет в том, что нашими собственными представлениями о японской литературе мы в большой мере обязаны прежде всего С. Г. Елисееву. А во-вторых, осознать елисеевский подход к японской литературе не как аксиому, а как авторскую концепцию, т. е. как материал, подлежащий историческому и методологическому осмыслению. Значимость и новизна елисеевской

концепции японской литературы могут быть увидены более отчетливо на фоне того, что именно говорилось о предмете до С. Г. Елисеева и какова была философия исследований зарубежной литературы в русских работах по японской литературе конца XIX — начала XX в.

Как видно из нашего краткого описания «доелисеевского периода» русского осмысления японской словесности, работа Елисеева, появившись в России в 1920 г., оказалась отнюдь не в информационной пустоте, и более того — ряд представлений и установок уже стали достаточно стойкими, переходящими из книги в книгу, стали восприниматься как неоспоримая истина. Сам С. Г. Елисеев писал об этом так: «Соседи с ней [Японией], мы не знали ее до войны, нам был неизвестен ее национальный лик, мы проходили мимо ее духовных богатств. Но можем ли мы сказать, что мы ее знаем теперь, после жестокого урока 1905 года? Мы по-прежнему остаемся в неведении и довольствуемся немногими компиляциями, составленными по европейским книгам и всегда полными ошибок»¹⁸³.

Этими резкими и решительными словами С. Г. Елисеев открыл новую эру в истории российского востоковедения — отрицая и отменяя предшественников, он провозглашал новый путь изучения японской культуры, по которому впереди всех должны были пойти профессиональные исследователи. Его статья, можно сказать, и стала первым опытом такого исследования в отечественной японской филологии.

В сущности, в некотором смысле нам и теперь нечего поставить рядом с этим сочинением: краткая история японской литературы С. Г. Елисеева с тех пор так и осталась единственной работой монографического жанра, описывающей японскую литературу со времени ее возникновения вплоть до начала XX в. До Елисеева, как мы видели, такие попытки делались — взять хотя бы японский раздел из «Истории всемирной литературы», работу Г. Востокова или исторический очерк В. Однако со времен Елисеева никто в России не брался за обзорный труд по всей японской литературной истории. В научном наследии акад. Н. И. Конрада, на-

пример, немало фундаментальных работ в этой области, но каждая из них посвящена определенному литературному произведению, течению или периоду; последующие же общие истории японской литературы (надо сказать, весьма немногочисленные) писались или в соавторстве, или вообще большим коллективом.

Елисеевская модель единого сквозного повествования о японской литературе как о едином объекте осталась пока уникальной в нашем японоведении. Первое после Елисеева предприятие этого рода — составленная Н. И. Конрадом в 1927 г. «Японская литература в образцах и очерках» — имеет дробное строение хрестоматии с обширными комментариями. Предисловие Конрада к этой его книге прямо и начинается словами: «В русской литературе по японоведению существует очерк С. Г. Елисеева “Японская литература”». Елисеевский очерк охарактеризован там как «превосходный» и «суммарный». Конрад упоминает и «Историю японской литературы» К. Флоренца, но последняя оценивается Н. И. Конрадом всего лишь как «сводный обзор всего материала».

То есть Н. И. Конрад, по-видимому, исходил из того, что концептуальная история японской литературы в самом общем виде уже написана С. Елисеевым, чей очерк по сравнению с западными исследованиями Н. И. Конрад считал именно аналитическим по преимуществу, задающим долговременные теоретические основания для исследований. Задачу же собственной хрестоматии Н. И. Конрад видел уже в конкретной проработке этих теоретических оснований и в освещении отдельных наиболее важных литературных периодов, как он сам об этом пишет, — в «детализированной работе над отдельными памятниками». При этом свою хрестоматию он мыслил «как первое звено в длинной цепи работ», которые «когда-нибудь в будущем» могут привести к созданию «по-новому значительной» японской литературной истории.

Не вызывает сомнения тот факт, что Н. И. Конрад на тот период времени полностью принял основные теоретические предпосылки С. Г. Елисеева. Впоследствии же в силу обстоя-

ятельств именно конрадовская книга стала основным, если не единственным литературным учебником для нескольких поколений японоведов, воспроизводя тем самым и дух елисеевской трактовки предмета.

Посмотрим, что же было самым существенным для С. Г. Елисеева, исследовавшего японскую литературу как целостный объект, взявшего на себя задачу написания первой профессиональной работы в этой области российской науки и наверняка осознававшего ответственность первоходца.

Очевидно, что история литературы как жанр письменной культуры — это не просто набор литературных фактов с перечислением их в хронологическом порядке — она, как вид гуманитарного знания, в разные периоды времени понималась по-разному. Например, как один из разделов истории цивилизации, или как одно из выражений социально-классовой динамики, или как метаморфозы так называемого «национального духа», или просто как развертывание «литературных форм» и словесных техник при сохранении неких постоянных архетипов повествования, возводимых то к мифам, то к феноменам психики и т. д.

Как представляется, из области общих, можно сказать философских, предпосылок наиболее явственно Елисеевым были обозначены следующие главные пункты:

— понятие «всемирный» не тождественно понятию «западноевропейский»;

— существует и всегда существовала некоторая «основа» японской души, которая «претворяет все чужеземное» и делает его своим;

— основное начало японской словесности — лирика;

— характерной чертой японской художественной эстетики является особое отношение художника к природе;

— для понимания японской литературы требуется определенная подготовка, а также отказ от «привычных нам трафаретов».

Долгое время, практически на протяжении всего XX в., эти принципы представлялись всем самоочевидными. Од-

нако, как мы пытались показать выше, они далеко не всегда были сами собою разумеющимися. Именно в данной работе С. Г. Елисеева они были собраны вместе и впервые отчетливо сформулированы и провозглашены. По поводу этих пунктов как системы и каждого из них в отдельности можно было бы рассуждать и теоретизировать подробно — они и теперь относятся к числу фундаментальных, а некоторые из них в последнее время переосмысляются заново и оказались в самом центре научных дискуссий. Но мы затронем только часть из этих положений ученого.

Горячая филиппика С. Елисеева против европоцентризма, с которой начинается очерк, отличает его работу от предшествующих российских публикаций по Японии, подчеркивавших прежде всего если не слабость и незначительность, то необычность, экзотичность, «странность» японской словесности. В этом пункте очерк, пожалуй, отличается и от работ западных предшественников, большинство которых (даже У. Дж. Астон), несмотря на явную любовь к избранному предмету, все же порой (быть может, вполне неумышленно) переходили на снисходительно-оценочный тон. С. Г. Елисеев же прежде всего утверждает принципиальное равноправие культур в мировой истории, а также — что чрезвычайно важно — провозглашает необходимость сознательного культурного релятивизма в гуманитарных исследованиях.

Этот основной принцип, впоследствии ставший чем-то вроде правила хорошего тона в науке XX в., впервые в отечественном японоведении был сформулирован именно С. Г. Елисеевым. Одного этого было бы достаточно для того, чтобы имя его осталось в нашей памяти. Но это — всего лишь один из штрихов в картине.

С. Г. Елисееву принадлежит и осмысление связи между разными японскими религиозно-философскими воззрениями и особенностями японского поэтического языка. Он первый объяснил причину отсутствия олицетворения природы в японской поэзии, он первый открыл отечественному читателю японское ощущение себя как части космоса — мысль, которую потом так полюбили российские интеллигенты

60—70-х гг. Он же первый показал очарование парадоксов японского ума, приведя японское изречение: «Написать стихотворение, которое нравилось бы всем, — нетрудно, а написать такое, которое нравилось бы одному, — трудно». Поэтическое и интеллектуальное обаяние постулатов такого рода в глазах человека Запада тоже стало очевидным позднее и скорее через труды других авторов. Но, думается, не будет преувеличением сказать, что в основе востоковедного образования у этих других авторов тоже был именно очерк С. Г. Елисеева или скрытые цитаты из его очерка.

С. Г. Елисеев определил и новый подход и требования к переводам японской литературы, заявив об особом, отнюдь не подчиненном или второстепенном значении «распространительного перевода, комментариев, примечаний», которые должны помочь читателю «войти в круг идей дальневосточного творчества», поскольку переводчик «транспонирует» произведение на свой язык и должен сохранить «не только содержание, но всю фактуру, все особенности стиля, выраженного в известной форме и в известных ритмах».

«Японец иначе смотрит на окружающий мир», — пишет С. Г. Елисеев, и в этом пункте, в сущности, совпадает со своими предшественниками XIX в. и XX в., цитированными выше. Однако продолжение фразы у С. Г. Елисеева иное: «...глаза его [японца] видят многое такое, мимо чего мы проходим, не обращая внимания; краски им воспринимаются в других соотношениях... Другие образы, иные сравнения, которые нам или мало говорят, или поражают свой необычностью, тогда как дальневосточному читателю они иногда могут показаться почти банальными»¹⁸⁴. Эти слова выражают принципиально иной подход к чужой литературе, другое видение чужой культурной ситуации, выбор новой позиции наблюдателя. И именно такой тип филологического дискурса распространился затем в отечественной японистике и главенствовал в ней практически на протяжении всего XX в.

Разумеется, С. Г. Елисеев не был изобретателем этой позиции, и многие его современники придерживались ее же, но он стал первым и блестящим ее выразителем в японоведении.

И заключительные слова его очерка могли бы послужить своего рода эпиграфом ко всем последующим отечественным исследованиям японской литературы. Слова эти таковы: «Знакомство с богатой и прекрасной по форме литературой Японии должно бережной рукою приподнять угол завесы над чужою душой; должно открыть нам ее красоту в иных отражениях человеческой мысли и помочь нам лучше понять Дальний Восток и тем увеличить многогранность нашей души...»¹⁸⁵

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁴⁶ С. Е. Елисеев. Японская литература // Литература Востока: Сб. ст. Вып. 2. Всемирная литература. Пг., 1920.

¹⁴⁷ В 70-е г. XIX в. это уже становится предметом гордости: «Из всех европейских стран Россия, если не раньше, то ближе других познакомилась с Японией. Об ней, на русском языке, издано много сочинений» (История всемирной литературы в общих очерках, биографиях, характеристиках и образцах... М.; СПб., 1877. Б. с.).

¹⁴⁸ Обзорение Японского архипелага в современном его состоянии / Соч. М. Венюкова. Берлин; СПб., 1971.

Л. Мечников. Эра просвещения в Японии. Мей-Дзи // Дело. 1876. № 10; 1877. № 2, а также Казань, 1905.

О Л. Мечникове см. также: М. Ватанабэ. Метиникофу-но нихон сайко (Новый взгляд на Японию Л. Мечникова). Токио, 1987.

Д. И. Шрейдер. Япония и японцы. Путевые очерки современной Японии. СПб., 1895.

¹⁴⁹ См., например: Ф. Зибольд. Путевые записки, описание обрядов и церемоний, установленных для голландского посольства, отправляющегося из Нагасаки в Иеддо // Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений. 1840. Т. 25. № 97. С. 13–73.

¹⁵⁰ Путешествие по Японии, или Описание Японской Империи в физическом, географическом и историческом отношениях, Ф. Зибольда, дополненное сведениями и известиями из Кемпфера, Фишера, Дёфа, Шарльвуа, графа Гогендорпа, Крузенштерна, Тунберга, Титсинга, Варениуса и др. / Перевод В. М. Строева; Изд. А. А. Плюшара. Т. 1–3. СПб., 1854.

¹⁵¹ Там же. С. 92.

¹⁵² Там же. С. 93.

¹⁵³ Генрих Юлий Клапрот (1783–1835), родился в Берлине, известный путешественник и ориенталист, в течение нескольких лет был приглашенным адъюнктом азиатских языков Петербургской Академии наук.

¹⁵⁴ Исходным текстом для западных и российских обработчиков материалов о Японии послужил труд И. Титсинга, возглавлявшего голландскую торговлю в Японии в 1780–1784 гг. Он перевел японскую хрестоматию-энциклопедию в семи свитках, рассказывавшую о поколениях японских императоров «от начала времен»

до 1611 г. под названием: Ниппон о:дай итиран (Очерк поколений властителей Японии), составленную в 1664 г. В переводе Строева, возможно, цитируются отрывки из второго издания этого перевода: *Nippon o daï itsi Ran; ou, Annales des empereurs du Japon, traduites par I. Titsingh, avec l'aide de plusieurs interpretès attachés au comptoir Hollandais de Nangasaki; ouvrage revu, complété et corrigé sur l'original Japonais-Chinois, accompagné de notes, et précédé d'un aperçu de l'histoire mythologique du Japon, par J. Klaproth. Paris, 1834.*

Вторым источником легенд, мифов и исторических данных о Японии был перевод японской энциклопедии «Санкоку цу:ран дзусэцу» (Общий очерк трех государств с картами). Это историко-географическое описание трех корейских королевств, островов Рюкю и Хоккайдо (именовавшегося тогда Эдзо), составленное Хаяси Сихэй в 1785–1786 гг. «Очерк» был переведен Клапротом как «*San Kokf Tsou Ran To Sets, ou Aperçu général des trois royaumes (Korea, the Lewchew Islands and Yezo)*». Traduit de l'original japonais-chinois par Mr. J. Klaproth. Ouvrage accompagné de cinq cartes. Paris, 1832.

¹⁵⁵ Таким образом, у современных переводчиков «Нихон сёки» (Анналы Японии / Пер. Л. М. Ермаковой и А. Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1995) на русский язык были давние предшественники в России XIX в. — или даже ранее, поскольку многие сюжеты из исторических нарративов трехтомника представлены в русской и переводной научной прозе XVIII в. Об этом, к сожалению, ничего не сказано в пояснениях к переводу, так что этой сноской я пытаюсь запоздало исправить свое упущение.

Правда, по-видимому, «Нихон сёки» все-таки переводилось в то время в западных трудах не с оригинала, а по японским историческим хрестоматиям вроде названной в сноске 149.

¹⁵⁶ Там же. С. 94.

¹⁵⁷ Там же. С. 98.

¹⁵⁸ О состоянии Азии и новейших временах Китая, Японии, Персии и Мунгалии в последние времена / Из аббата Милота перевел с французского на российский язык Иван Иконников. СПб., 1784. С. 35.

Общепринятая позиция в отношении чужого была заведомо высокомерной — вспомним заглавие уже цитированной книги: *Г. И. Громов. Позорище странных и смешных обрядов при бракосочетании разных туземных и в России обитающих народов, и при том нечто для холостых и женатых. СПб., 1797.* Впечатление от этого заглавия не смягчается даже тем обстоятельством, что

слово «позорище» в те времена означало всего только «зрелище», «вид», «картина».

¹⁵⁹ История всемирной литературы в общих очерках, биографиях, характеристиках и образцах (по Миллеру, Бергку, Ульрици, Момзену... и др.) / Составил Владимир Зотов. Т. 1. (Литература Восточных народов и Греции), с 40 литографированными портретами. М.; СПб., 1877.

¹⁶⁰ История всемирной литературы... Б. с.

¹⁶¹ В библиографиях встречается также написание имени Олкока как: *Алькок Рутерфорт*. Заметки об японцах (Из соч. «Столица тайкуна») // Северная пчела. 1864. № 6.

Книга Эме Гюмбера «Живописное путешествие в Японию» печаталась в журнале «Всемирный путешественник» в 1863—1864 гг., затем в отдельных номерах в 1868—1870 гг., а также отдельным изданием.

¹⁶² Японское название произведения — «Укиёгата року сэмбё», в 1869 г. этот роман был издан в Токио и в переводе на английский.

¹⁶³ В статье 1922 г. «О природе слова» О. Мандельштам писал о такой концепции с явным ужасом: «Для литературы эволюционная теория особенно опасна, а теория прогресса прямо-таки губительна. Если послушать историков литературы, стоящих на точке зрения эволюционизма, то получается, что писатели только и думают, как бы расчистить дорогу идущим впереди себя... или же что все они участвуют в конкурсе изобретений на улучшение какой-то литературной машины, причем неизвестно, где скрывается жюри и для какой цели эта машина служит» (О. Мандельштам. Слово и культура. М., 1987. С. 56—57). Таким образом, к 20-м гг., т. е. к времени написания елисеевской статьи, культурный телеологизм оказывается дискредитированным, во всяком случае категорически вышедшим из философской моды.

¹⁶⁴ Библиотека народного блага. № 2: Япония. Историко-этнографический очерк. Бесплатное приложение к журналу «Народно-благо». М., 1901. С. 47.

¹⁶⁵ О сборнике Ямагути Мойти впервые написано Е. М. Дьяконовой в работе: К. М. Азадовский, Е. М. Дьяконова. Бальмонт и Япония. М., 1991. (См. также: Л. М. Ермакова. Японская лирика как разновидность русского литературного мифа.: Культурологический аспект перевода // Japanese Slavic and East European Studies. 1997. № 18. P. 83—87.)

¹⁶⁶ О «японизме» в творчестве ряда русских поэтов этого времени см.: К. М. Азадовский, Е. М. Дьяконова. Бальмонт и Япо

ния. М., 1991. В разделе книги, написанном Е. М. Дьяконовой, впервые дается также история и анализ ряда российских работ по японской поэзии и поэтике начала XX в. Ту же тему применительно к Брюсову разрабатывает японская исследовательница Цутида К. Эту же тему поднимает В. Э. Молодяков в более широком культурном контексте: *Образ Японии в Европе и России второй половины XIX – начала XX века*. М.: Ин-т востоковедения РАН, 1996; см. также другие работы того же автора.

Некоторые из ранних российских работ по классической японской литературе упоминаются также в: В. Н. Горегляд. *Россия и Япония. От знакомства к изучению* // Г. Д. Иванова. *Русские в Японии XIX – начала XX в.* М., 1993; *Тamura Мицумаса. Восприятие традиционной японской поэзии в России* // *Межлитературные контакты Востока и Запада: Литературы Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии и духовная жизнь России*. СПб., 1997. С. 159; *Тamura Мицумаса. Россия-но нихон бунгаку. Котэнхэн (Японская литература в России. Классический раздел)* // *Росиаго росиабунгаку кэнкю*. 1993. № 25.

¹⁶⁷ Н. И. Позняков. Японская поэзия. М., 1905. С. 12.

¹⁶⁸ Там же. С. 42, 44.

¹⁶⁹ Там же. С. 51–52.

¹⁷⁰ Япония и ее обитатели. С картой Японии, Маньчжурии и Кореи, картой осадков Японии и 46 рис. в тексте и на отдельных таблицах. 6-ое бесплатное приложение к журналу «Вестник и Библиотека самообразования» на 1904 г. СПб., 1904.

В книгу были включены разные разделы: в частности, очерк о природе Японии, написанный крупным российским (затем советским) ученым П. Ю. Шмидтом, ихтиологом и океанографом; почти стостраничное исследование по истории и государственному устройству Японии, принадлежащее перу историка В. Л. Ранцова, известного также своими работами по древней истории средиземноморского культурного круга. В сборник вошли и очерки по экономике, финансам, вооруженным силам Японии, а также разделы, посвященные народному образованию, здравоохранению, искусству, музыке и «общественному, домашнему и религиозному быту» японцев.

Чтобы полностью описать структуру книги, добавим, что последняя ее глава носит название «Заключение. Психология японцев и желтая опасность». Здесь стоит упомянуть, что разрешение цензуры на публикацию книги было дано 1 июня 1904 г. Состояние войны между Россией и Японией продолжалось к тому

времени уже несколько месяцев. Тем более примечательны в этой заключительной главе слова о «необыкновенной умственной подвижности», «ценных нравственных качествах» японцев, а также о высокой культуре, имевшейся в Японии еще до встречи с европейцами. «Они, — пишет безымянный автор главы о желтой опасности, — в тридцать лет совершили в своей стране переворот, по сравнению с которым наши шумные европейские революции представляются топтанием на одном месте» (Там же. С. 360). Нельзя не сказать, что авторы этой книги, выходящей в разгар военных действий, проявляют поразительную широту и непредвзятость.

¹⁷¹ Там же. С. 268.

¹⁷² Душа Японии: Японские романы, повести, рассказы, баллады и танки / Под ред. и с предисл. Н. П. Азбелева. СПб., 1905. С. LXXVIII.

¹⁷³ Там же. С. XII.

¹⁷⁴ Идентифицировать японского автора и его работу не удалось.

¹⁷⁵ Очерк вышел потом отдельным изданием: Г. А. Рачинский. Японская поэзия. М.: Мусагет, 1914.

¹⁷⁶ Geschichte der japanischen Litteratur / Von Karl Florenz. Leipzig: C. F. Amelangs, 1903—1904.

Die Japanische Dichtung / Otto Hauser. Berlin: Brandussche Verlagsbuchhandlung, [1904?]. 68 S.

¹⁷⁷ Г. Рачинский. Указ. соч. С. 24. Примечательно, что этот ритм и метр перевода (с соблюдением силлабического распределения 5—7—5—7—7), довольно близкий к нынешней манере ряда переводчиков с японского, мыслится Г. Рачинским как двустишие — «дактилический дистих, соединение гекзаметра и пентаметром».

¹⁷⁸ В последней главе книги приводятся также письма этого ученого к коллеге и старинному другу О. В. Плетнеру.

¹⁷⁹ E. O. Reischauer. Serge Elisséeff // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 20. June, 1957, № 1 and 2. Studies, presented to Serge Elisséeff. Harvard-Yenching Institute, 1957. Part 1. P. 1—35. Кста говоря, именно благодаря С. Елисееву в 1936 г. было начато издание этого столь известного и авторитетного в востоковедных кругах журнала.

¹⁸⁰ Курата Ясуо. Эрисээфу-но сёгай. Нихонгаку-но сис (Жизнь Елисеева. Патриарх-основатель японоведения). Токио Тюко синсё, 1977.

¹⁸¹ The Orthodox Church and the Russian merchant class. Some personal recollections // The Harvard Theological Review. Vol. 49. № 4. October 1956. P. 185–205.

¹⁸² Ibid. P. 29–35.

¹⁸³ С. Г. Елисеев. Японская литература. С. 45.

¹⁸⁴ Там же. С. 44.

¹⁸⁵ Там же. С. 89.

НЕКОТОРЫЕ ДИЛЕММЫ И СТРАТЕГИИ ПОЭТИЧЕСКИХ ПЕРЕВОДОВ С ЯПОНСКОГО В XX В.

В поэзии всегда война... Корни слов
воюют в темноте, отымая друг у друга
пищу и земные соки.

О. Мандельштам. Заметки о поэзии

1

В первых главах книги мы описывали круг письменных памятников и источников, из которых читатель, живущий в России, мог получить сведения о Японии и составить себе представление о ней. Вначале эти источники были численно довольно скудны, однако начиная с 60-х гг. XIX в. начался их бурный рост. Обозреть и оценить их все было бы для нас задачей, близкой к невыполнимой, кроме того, по мере численного роста, а также специализации знаний о Японии и наш интерес сдвигается к сфере, наиболее нам близкой, т. е. к литературе Японии и к ее поэзии в России, прочитанной филологами и критиками, а такие читатели японской литературы, как было показано в предыдущей главе, появились в России еще во второй половине XIX в.

Кроме них в начале XX в. в России возник и еще один тип специфического читателя японской литературы — переводчика, поскольку возникла еще одна сфера проблем и догадок — область художественного перевода непосредственно с японского, а с ней и целый ряд новых для российской словесности задач и трудностей.

Надо думать, что теоретические проблемы перевода возникли, по всей вероятности, одновременно с практическими: еще Цицерон наставлял, что слова при переводе следует не «подсчитывать», а «взвешивать». Другими словами, с самого начала ощущалось то, что представляется теперь фундаментальной альтернативой переводческого труда, — наличие неопределенной протяженности пространства между «точным» и «вольным переводом», где, собственно, и совершают пара

ми свои бесконечные миграции оригинальные и переводные тексты, приближаясь то к одному, то к другому, в свою очередь постоянно дрейфующему, полюсу.

Почти все мыслимые ныне на Западе принципы перевода, сменявшие друг друга в Новое время, вероятно, были сформулированы уже достаточно давно. Приведем классификацию, данную в одной из работ конца 50-х гг. XX в. и представляющую противоречащие друг другу установки и теоретические позиции:

- «1. Перевод должен передать слова оригинала.
2. Перевод должен передать идеи оригинала.
3. Перевод должен читаться как оригинальное произведение.
4. Перевод должен читаться как перевод.
5. Перевод должен отражать стиль оригинала.
6. Перевод должен выражать стиль переводчика.
7. Перевод должен читаться как современный оригиналу.
8. Перевод должен читаться как современный переводчику.
9. Перевод вправе прибавить нечто к оригиналу или убавить от него.
10. Перевод не вправе ничего ни прибавить, ни убавить.
11. Стихи следует переводить прозой.
12. Стихи следует переводить стихами»¹⁸⁶.

К этому противоречивому списку основных добродетелей перевода хочется добавить еще один пункт, характерный для переводов произведений, литературно и культурно далеких. Это будет примерно что-то вроде:

13. Перевод должен быть самодостаточен и понятен без комментария.
14. Комментарий — необходимое и неотъемлемое условие перевода.

На первый взгляд может показаться, что все эти пункты носят в большой мере технический характер, отражая разные периоды и направления поиска так называемого адекватного перевода. Нет, однако, сомнений в том, что за этим стоит нечто более фундаментальное, что мы условно назовем поиском и сменой культурных парадигм, отражающих состояние собственной культуры, ее позицию по отношению к внешнему миру, уровень представлений и оценок культуры текста-оригинала и т. п.

Говоря о стратегиях литературного перевода классической японской поэзии, мы намерены прибегнуть к понятию «рамки текста» (теперь уже, пожалуй, старомодному), которое, как представляется, будет удобным для описания изменений, которые претерпела в XX в. эта сфера литературной деятельности в России. Изменения эти, по нашему убеждению, касались прежде всего самих понятий «оригинал-перевод» и их драматических отношений, во всяком случае, под этим углом зрения динамика событий прослеживается особенно отчетливо.

В связи с этим представляются особенно интересными теоретические попытки по определению значения переводных текстов в литературном потоке и проведению границы между оригинальной и переводной литературами в рамках одной культурной традиции.

Относительно этой проблемы также существует по крайней мере два подхода к проблеме. Первый, традиционный, заключается в мысли, что перевод есть воспроизведение, а не оригинальное творчество, т. е. категория вторичная. Переводчик сравнивается при этом с актером, декламатором, музыкантом, т. е. с представителем исполнительского искусства. При этом, однако, обычно провозглашается, что готовый перевод тоже становится явлением литературы и начинает выполнять те же функции, что и оригинальное произведение. Причем некоторые авторы сближают функцию переводного текста в литературе с жанром «романов путешествий» или же с историческими романами, поскольку, утверждают они, перевод несет еще и специфическую по-

знавательную ценность, информируя читателя об оригинале и вообще об иноземной культуре¹⁸⁷.

На самом же деле граница между переводной и оригинальной литературой, вероятно, гораздо более условна и эфемерна, чем это видится многим теоретикам перевода. Очевидно, что ряд европейских литератур развивался на основе латинских переводов, японская или корейская литературы непосредственно вытекают из китайской традиции и т. п. В любой письменной культуре можно обнаружить две любопытные до сенсационности противоположные тенденции — выдавать переводное произведение за оригинал и наоборот — имитировать признаки переводного текста в оригинальном сочинении.

То есть если смотреть на вещи с этой точки зрения, то существование переводного текста оказывается гораздо более достоверным, чем существование текста оригинального, который всегда может быть заподозрен во вторичности. Мысль эта, в сущности, чрезвычайно органична для постмодернистской поэтики и литературной теории: если рассуждать в духе деконструктивистов, утверждающих, что «не существует индивидуального произведения» (М. Бютор, например), то, разумеется, противопоставление оригинала и перевода также окажется лишенным смысла. И многие западные авторы, рассуждая о соотношении «подлинник — перевод», попросту отрицают существование разницы и границы между ними как таковой. В рамках, например, теории Ж. Женетта¹⁸⁸ перевод — это одна из разновидностей восприятия текста и может быть рассмотрен как своего рода палимпсест или же интертекст, который по отношению к оригиналу может оказаться «архитекстуален», «метатекстуален», «гипертекстуален» и т. п. Функционально перевод при этом оказывается «одной из конкретных форм литературной интертекстуальности» и ставится в один ряд с такими явлениями, как заимствование тем и сюжетов, явная и скрытая цитация, плагиат, подражание, пародия, экранизация, инсценировка, использование эпиграфов и т. д.

Не имея в виду абсолютизировать «интертекстуальность как способ существования мира», отметим все же, что похожее ощущение, например ощущение отсутствия границ между подлинником и переводом, высказывалось и много раньше, в том числе и в русской литературе. Так, В. А. Жуковский в письме к Гоголю 1850 г. говорил о себе как поэте и как переводчике: «...у меня почти все чужое или по поводу чужого, — и все, однако, мое». Интересно, что другому своему корреспонденту, Фогелю, который не знал русского языка и сетовал, что нет хороших переводов поэзии Жуковского на немецкий язык, Жуковский советовал прочесть в оригинале те стихи, которые Жуковский перевел на русский, — стихи Шиллера, Гете, Гебеля, Рюккерта и Ламот-Фуке: «Читая все эти стихотворения, верьте или старайтесь уверить себя, что все они переведены с русского, с Жуковского, или *vice versa*; ...тогда будете иметь полное, верное понятие о поэтическом моем даровании...»¹⁸⁹

Разумеется, в этом высказывании Жуковского отразилась романтическая эстетика в духе Гегеля и Новалиса, предполагающая принципиальную возможность «абсолютного перевода» в случае гениального сочетания поэтического духа с философским во всей их полноте. И пусть даже одновременно с этим в письме Жуковского Фогелю наличествует и романтическая ирония, и некоторая доля шутливости — нет, однако, сомнений и в том, что здесь выражены убеждения или, вернее, ощущения Жуковского: оригинал и перевод для него сливаются воедино, вполне в духе деконструктивистов, или же предстают как два разных проявления или истолкования некоего, одного и того же трансцендентного «прототекста» (интертекста).

Весьма любопытным и с точки зрения литературной теории, и с общекультурологической точки зрения выглядит то явление, о котором говорилось выше и которое можно наблюдать практически во всех литературах мира (включая, разумеется, японскую и русскую), — это время от времени возникающая тенденция выдавать оригинальный текст за переводной, а переводной за оригинальный. Примеров обо-

его рода может быть приведено немало — например, в прозе писателя 20-х г. Александра Грина не только место действия, имена героев и географические названия отнесены к условно «западной» стране, — как показали любопытные исследования Е. Толстой, Грин еще подражает стилистике переводов с западных языков, воспроизводя грамматическую структуру, имитируя кальки и т. п. Похожую работу с языком, по-видимому, можно наблюдать в ранней прозе Оэ Кэндзабуро, хотя, быть может, в более ослабленном виде.

Возьмем еще один, на этот раз современный пример травмированных отношений между оригинальной японской и переводной русской литературой. В последние годы вдруг проявилась странная и несколько скандальная тенденция к созданию литературных мистификаций по части японской поэзии. Сначала в Москве в 1991 г. был издан стихотворный сборник «Эротические танки» [читай *танка*. — Л. Е.] — сборник переводов *вака* несуществующего японского поэта X в. Рубоко Шо¹⁹⁰. Эти «переводы» на самом деле не имеют непосредственного отношения к эротике, скорее это нечто среднее между подражанием и пародией; притом эта литературная игра, безусловно, имеет объектом расхожие российские представления о японской поэзии «вообще», так сказать, российский «миф японской поэзии», созданный трудами переводчиков XX в. Автор (или авторы) этой мистификации явно не специалист по классической японской литературе и не переводчик ее, т. е. как раз, по-видимому, и является характерным носителем этого мифа. Мифа, который в 70-е гг. вызывал особый трепет, а в постперестроечном постмодернистском пространстве вдруг потребовал снижения и переосмысления. Такие мистификации уже начинают превращаться в тенденцию — в одной из московских газет в октябре 1992 г. была помещена аннотация, где говорилось о готовящейся к выходу некой книги переводов 101 танка Йокко Иринати «Алой тушью по черному шелку»¹⁹¹.

Говоря об этих подражаниях-мистификациях, нельзя не упомянуть о значительно опередившей их по времени талант

ливой пародии писательницы Татьяны Толстой, напечатанной в журнале «Вопросы литературы» в середине 1980-х гг. В этой пародии, имеющей объектом переводы произведений японского жанра моногатари, прежде всего «Исэ-моногатари» и «Ямато-моногатари» (пародия Т. Толстой называлась «Моё-то моногатари»), была использована даже традиция западных и российских японоведов давать слева от перевода транскрипцию японского стиха, записанную кириллицей. В пародии Т. Толстой этот напечатанный слева «оригинал» представлял собой комический, приземленный по содержанию русский текст, имитирующий японские слова, организованные в пяти и семисложные строки (например, «я хожу-хожу / ноги не казённые»), справа же размещался соответствующий этому «оригиналу» поэтический перевод вроде «Серая цапля запуталась в камышах, / О, как печальна осень!» Интересно, что в этой пародии смысловый и стилистический зазор между таким «частушечно-озорным» псевдооригиналом и бессвязно-поэтическим псевдопереводом в шутливой форме воспроизводил еще одну характерную особенность переводов японской поэзии — в комментариях обычно описывался еще один, скрытый смысл стихотворения, не явствующий из текста перевода, но складывающийся из непонятных русскому читателю и зачаровывавших его традиционных приемов стиха — *какэ-котоба*, *ёдзё*, *хонкадори* и пр.¹⁹²

Появление такого рода пародий и иронических подражаний-мистификаций свидетельствует, собственно, о глубине укорененности японской поэзии в русской литературе через переводы. Ведь пародированию как таковому литературное явление поддается только в случае, если оно некогда было новым и новаторским, прошло период известности, было признаком высокой литературной моды и престижности, оказало изрядное влияние и породило множество подражаний. И тогда пародия оказывается не просто пересмеиванием оригинала, но и разновидностью литературно-критического анализа — специфическими средствами, разумеется.

Иными словами, хорошая пародия возможна при условии, если литературные очертания пародируемого явления

вполне определены и четко ощущаются литературным сознанием и, кроме того, пародируемое литературное явление долгое время трактовалось серьезно, можно сказать даже с некоторым трепетом.

Действительно, русский миф о японской поэзии, на наш взгляд, прежде всего отличало убеждение в непереводеваемости, недоступности, непознаваемости этой поэзии. Это обстоятельство еще ждет своего исследователя, потому что оно и в самом деле уникально. Трудно объяснить, почему переводы любой другой поэзии культурно далеких народов, например классической арабской, персидской, санскритской, древнеегипетской, китайской и др., не сопровождались в России 60–70-х гг. прошлого века этим стойким убеждением в непостижимости и ощущением недостижимости.

Отчасти это ощущение, уже переживаемое с определенной самоиронической дистанцией, сохраняется и до нынешних дней. В рассказе «Отшельник и Шестипалый», написанном Виктором Пелевиным (у которого вообще чрезвычайно много остроумных японских аллюзий), одно классическое японское пятистишие приводится как образец поэзии некоего вымышленного мира. Герой рассказа, Отшельник (нельзя не упомянуть, что речь в рассказе идет о девиантных бройлерных цыплятах), наделенный оригинальным умом философа-анахорета, читает некое философское стихотворение, — явно представляющее пятистишие из «Исэ-моногатари» в переводе Н. И. Конрада, но искусно отредактированное Пелевиным¹⁹³. Интересный образец сращения оригинального текста с переводным или же превращения одного в другой дан в раннем романе Саши Соколова «Школа для дураков» (разговор двух работников жилищно-эксплуатационной конторы незаметно для читателя вдруг преображается в нечто, по стилю напоминающее отрывок из перевода японского романа в духе Кавабата Ясунари, соответственно изменяются и имена разговаривающих: Муромцев превращается в Муромацу и т. п.). Постепенное изменение характера текста становится приемом и в поэме Л. Рубинштейна «Появление героя», где бытовой

по тону и содержанию фрагмент поэмы о советском школьнике внезапно оказывается диалогом Ученика с Учителем (вроде Лао-цзы). Читатель, только что слушавший историю о том, как один мальчик ел торт, покупал тетрадки и увиливал от школы, вдруг оказывается вовлеченным в обсуждение дилеммы — «раствориться в бытии или раствориться в небытии». Текст внезапно теряет всякую связь с советским бытом и насыщается формулами, принятыми в переводах текстов по классической китайской философии или японских средневековых притч о выдающихся буддийских монахах и послушниках. Переход в иллюзорный мир совершился почти незаметно, на уровне лексики, словосочетаний, стилевых регистров¹⁹⁴.

В последних примерах функция этих квазипереводных текстов достаточно сложна. Прежде всего затруднен сам исследовательский диагноз — неясно, считать ли эти стилизованные цитаты переводами или оригинальными текстами поименованных авторов (или, следуя духу времени, полагать попытки такого диагноза бессмысленными). Очевидно только, что у этих трех весьма заметных российских литераторов процессы литературных превращений русского текста в переводной с японского выводят читателя в мир некоей литературной трансценденции, иного состояния сознания, почти в литературное инобытие. Х. Л. Борхес (одно время чрезвычайно модный в России писатель), строя в своих рассказах чужой литературный космос, всегда при этом создавал преобразенный, мистический и магический мир, и по большей части это был мир арабо-мусульманской, или китайской, или одной из древнесредиземноморских культур. Япония, по-видимому, не была для него столь эффективным каналом связи с литературными мирами пятого измерения.

Для России же этим каналом стала именно японская литература. Что, надо думать, отчасти парадоксально — ведь в запредельную зону русской литературной метафизики тем самым была помещена самая, может быть, земная, принципиально посясторонняя разновидность мировой лирики. Вероятно, правильнее будет считать, что явление это не только

чисто литературное, но является частью более общего мифа или комплекса представлений о Японии, существующего в сознании современной российской культуры. Современной в самом узком смысле — японский миф, о котором идет речь, в его наиболее явном виде сформировался в русской литературе, вероятно, не ранее конца 50-х — начала 60-х гг. Хотя основание этому мифу было, надо думать, заложено в начале века, в 10–20-е гг., в эпоху «молодости учителей» (Б. Пастернак). Однако в начале прошлого века японская поэзия в России была преимущественно эстетическим потрясением, принципиально новой формой художественного сознания *par excellence*. Начиная же с 50-х гг. наряду с литературной стала расти ее мировоззренческая, экзистенциальная, философская ценность, понятая, разумеется, с поправкой на собственные потребности и менталитет российского читателя, к тому времени уже оказавшегося по отношению к японской литературе в зоне не только физической недостижимости, но и намеренно постулируемой метафизической.

Соответственно сдвигалось и, так сказать, фантомное понятие жанра переводных текстов: от пресловутого «романа путешествий» — к тексту, несущему в культуре повышенную значимость, связанную с мировоззренческой, космологической, почти сакральной функцией. Помимо переводческой техники претерпело изменение само место японских переводных текстов в российской культуре.

Вероятно, вышеприведенные рассуждения и иллюстрации к ним затемняют те немногие положения, которые еще оставались ясными и однозначными в области перевода, где и без того достаточно трудных вопросов и амбивалентных ответов. Однако именно эта, не имеющая явных очертаний условная зона между подлинником и переводом и есть поле взаимодействия двух культур, та сфера, где культура-источник проецируется на культуру-цель. И по-видимому, всякий раз при переводе облик и краски такой проекции в конечном счете определяются состоянием культуры-цели.

В XX в. литературоведение претерпевало различные методологические превращения, сближаясь то с лингвистикой

и математикой, то с социологией и психологией, то с мифологией и религиоведением, то, наконец, с философией (хотя с точки зрения классической философии ее современное состояние, по-видимому, надо считать посмертным). Здесь я хочу сделать попытку рассмотрения некоторых фактов из истории перевода японской поэзии на русский язык с позиций того литературоведения, которое ближе всего к комплексному рассмотрению проблем культуры.

2

Итак, история перевода японской лирики в России начинается в XX в., по-видимому, на волне общего интереса к Японии, подстегнутого отчасти и Русско-японской войной (которая была варварской, но первой разновидностью контакта между этими двумя культурами в Новое время). Речь идет именно о так называемом художественном переводе, потому что, в принципе, японские поэтические тексты передавались на русский язык и раньше — в ознакомительных, так сказать, целях, кроме того, в основном — через западные языки.

В. Маркова, выдающийся переводчик японской поэзии на русский язык, определивший тональность и строй японской поэзии в мире русской поэтической речи, спустя 60 лет после этого писала: «Географическая отдаленность и разрыв культурно-исторических связей делали Японию почти столь же непонятной для Европы, как если бы она была древней, исчезнувшей цивилизацией»¹⁹⁵.

Первые переложения японской поэзии делались с западных языков — в предыдущей главе мы приводили более подробные сведения об этом. По западным переводам и исследованиям первые российские толкователи японской поэзии судили о ее складе, ритме, звучании. Все они, с точки зрения В. Н. Марковой, заблуждались чуть ли не по всем существенным и второстепенным пунктам, и переводы их представляли собой «или весьма слабые русские вирши, или никак не организованные и невнятные словеса». Однако они, говорит далее В. Маркова, привлекли внимание русских литераторов к японской поэзии.

В своем обзоре ранней стадии истории японских переводов В. Маркова пишет: «Японской лирикой заинтересовались такие мастера поэзии, как Брюсов и Бальмонт. Они сделали изящные переводы, но выстрелы оказались холостыми. Не хватило понимания японской поэзии... В 20-х годах дело изучения и перевода японской поэзии прочно перешло в руки японоведов-специалистов»¹⁹⁶.

Очевидно, что, с точки зрения В. Марковой, только с этого момента — момента перехода японской поэзии в руки специалистов — и начинается ее подлинная история в России, во всяком случае та ее часть, которая заслуживает серьезного внимания. Привычная точка отсчета истории поэтических переводов с японского в России — работы Н. И. Конрада «Исэ-моногатари» (1923) и составленная им хрестоматия «Японская литература в образцах и очерках» (1927). О том же говорится и в уведомлении к затеянной М. Горьким «Всемирной литературе» (1919) в связи с изданием «Исэ-моногатари»: «Делается впервые попытка при помощи русских востоковедов приобщить в сознании русского читателя памятники Востока к мировой литературе»¹⁹⁷.

Таким образом, первые переложения, сделанные русскими поэтами в начале XX в., по мнению ряда авторов, не являются частью истории перевода, поскольку они сделаны людьми, не понимающими языка оригинала.

Чтобы не входить в дискуссию по этому поводу, отнесем эти забракованные потомками переложения, часто похожие на так называемую «национальную адаптацию», к предыстории или мифлогической истории перевода.

Помимо поэтических творений Брюсова и Бальмонта в японском духе и до них существовало большое число других переводов этого периода, выполненных через языки-посредники. В конце XIX в. и в 10-е гг. XX в. переводов, «поэтических» по самой установке, появляется так много, что их трудно не только охарактеризовать, но и просто перечислить. Бегло отметим некоторые, показавшиеся чем-то любопытными.

Например, «Маленькая антология. № 1. Китай и Япония в их поэзии» (СПб., 1896). В книге переведена и ле-

генда о рыбаке Урасима, и пятистишия Ки-но Цураюки из «Кокинсю», разумеется через язык-посредник, из истории японской литературы того же Флоренца. Некоторые переводы имеют вид странноватых псевдогекзаметров: «Но кого же винить — угуйзу? ведь она же цветы оборвала, / прыгая с ветки на ветку и крыльями их ударяя» [*угуйсу* по-японски «соловей». — Л. Е.]. Или балладный стиль: «Жил да был в деревне Суминое / человек; Урасимой он звался».

Работа с ритмом и стилем явно свидетельствует о том, что переводчик старался вдмуться в поэтическую индивидуальность каждого текста. Однако, разумеется, непонимание и недоразумения были неизбежны — из последних, пожалуй, можно считать примечание о божестве Сусаноо. Там справедливо говорится, что Сусаноо, в соответствии со средневековой филологической традицией, считается основоположником поэзии танка, только в этой антологии он почему-то лишается своего мифологического статуса бога воды и ветра, а именуется «японским ученым», причем время его жизни датируется уже не «Эпохой Богов», а тоже вполне конкретно — VII в. до н.э.

Любопытна и книга, продолжающая эту серию, — «Маленькая антология» № 2¹⁹⁸, содержащая «Хякунин иссю». Это — знаменитейшая средневековая антология, и поныне известная каждому японцу, где собрано по одному пятистишию-шедевр от ста великих поэтов и которая стала объектом популярной и сейчас ритуальной новогодней игры-состязания. В этом первом в истории русской литературы переводе великой «Антологии» тексты переведены с немецкого, но учтены их японские оригиналы, а также содержащаяся в них игра слов и специфически японские поэтические приемы. Здесь же приводятся жизнеописания и краткие истории, связанные со ста авторами антологии. Надо сказать, что примерно так же организовал композицию книги известный японовед В. С. Савнович, когда 80 лет спустя взялся за свой поэтический труд по переводу этого знаменитого памятника японской культуры.

В связи с этими двумя «Маленькими антологиями» отметим, что интерес к японской словесности был настолько

высок, что достаточно сухое академическое исследование К. Флоренца стало для российских поэтов-переводчиков чем-то вроде условного японского оригинала: сначала из дословных переводов и японской транскрипции в сознании переводчика реконструировался некий смутный образ стихотворения в оригинале, затем с помощью ученых пояснений К. Флоренца строились догадки о его «устройстве», и, наконец, происходило превращение этого оригинала-призрака в русский текст — таким образом, чтобы он мог быть воспринятым и каким-то образом вписанным в русскую словесность.

В несколько более позднем сборнике «Японская лирика» в переводах А. Брандта (и с эпиграфом из Мотоори Норинага!)¹⁹⁹ лаконично описывается история традиционных поэтических форм в Японии, затем переводчик пишет: «Стихотворения, помещенные в настоящей книжке, переведены с немецкого и французского языков и взяты преимущественно из сборника Бетге и из истории японской литературы Флоренца. Не стремясь сохранить форму стихотворений, переводчик старался сохранить их дух и их примитивность».

Надо сказать, что под примитивностью переводчик, вероятно, имел в виду не неумелость и неуклюжесть, а скорее безыскусность, — заведомо предполагалась, по-видимому, некоторая наивность и простота народов, не искушенных в европейских искусствах и логике. То есть все, что отличало поэзию восточных народов по стилю, манере выражения и цели поэтического высказывания, легко проходило по графе «примитивности», т. е. безыскусной экзотики. Сами переводы Брандта, при всем их несовершенстве, примитивными не назовешь, и в них несомненно чувствуется и дарование, и попытка проникнуть в неведомый японский оригинал.

Примечательно, что в отличие от поэтов-современников Брандт переводит ритмической прозой. Многие из его переводов при этом, как нам представляется, достаточно легко атрибутировать: например, стихотворение «неизвестного автора древняго времени» явно представляет собой песню, которую богиня Сусэри-бимэ-но микото в летописи «Запи-

си старых деяний», «Кодзики», поет божеству Ятихоко-но ками. Перевод Брандта гласит: «Дай только солнцу за гору зайти! К тебе я выйду скоро! Темной ночью ты подойдешь ко мне, подобный утренней заре, с улыбкой на сияющем лице, и руки белые, как белые канаты из коры Таку, положишь ты на грудь мою. <...> Не говори мне о тоске любовной, бог великий восьми тысяч копий!» (с. 11).

Или, например, стихотворение № 87 из «Манъёсю», антологии VIII в.: «Пока не ляжет белый снег на смоль блестящую моих волос, — в течение всей моей долгой жизни я ничего не буду делать — только ждать! Да, ждать тебя!» Для сравнения приведу новый перевод А. Е. Глускиной с приблизительной рифмой, имеющий форму разбитого на пять строк четверостишия: «Пока живу, я буду ждать, любимый, / Я буду ждать, пока ты не придешь, / О, долго ждать! / Пока не ляжет иней / На пряди черные распущенных волос...»

Хотелось бы упомянуть еще об одной книге, занимающей промежуточное положение между переводами с западных переводов, выполненными культуртрегерами начала XX в., не знающими японского языка и культуры, и переводами японоведов-специалистов 20-х гг.

Речь идет о небольшой книге 1913 г. «Импрессионизм как господствующее направление японской поэзии»²⁰⁰. Автор книги — Ямагути Моити (1982—1920) — был полуяпонец-полурусский, студент Санкт-Петербургского университета, учившийся примерно в одно время с Конрадом, но на другом факультете. (О нем известно немного, и сведения о нем не очень достоверны — по всей видимости, из-за открывшегося туберкулеза он вскоре уехал в Японию, работал там преподавателем, умер довольно молодым.) В основу книги, как говорит сам Ямагути в предисловии, положен реферат, прочитанный автором на первом заседании Русско-Японского общества в Санкт-Петербурге в ноябре 1911 г., в работе над текстом ему помогали некоторые русские, а также японские коллеги — преподаватели того же университета.

Работа Ямагути тоже (и за 15 лет до книги Н. И. Конрада) представляет собой нечто вроде истории японской лите-

ратуры в образцах и очерках, с довольно распространенным предисловием. И, как представляется, в этом предисловии впервые на русском языке были отчетливо сформулированы основные положения лирического образа японца и набросаны общие очертания классической японской поэзии, которые с тех пор, разумеется, подвергались развитию, переинтерпретациям и значительным уточнениям, однако фундаментального их пересмотра, как представляется, не произошло.

В самом деле, в эссе Ямагути приводится и краткая периодизация японской поэзии, и чисто стиховедческое описание строения пятистиший и трехстиший²⁰¹, сказано об интересе японской эстетики к деталям, мышлении конкретно-чувственными образами, и, вероятно, впервые в России в книге Ямагути прозвучали тезисы об особой утонченности и чуткости к красоте, особом отношении к природе, повышенной роли женщин в поэтическом творчестве и даже о непостижимости японской поэзии для европейского читателя, если он «недостаточно восприимчив к тонким и разнообразным проявлениям эстетической сущности человека»²⁰² (при этом и «богато одаренному чуткостью» читателю перевод может сделать японскую лирику доступной только в «некоторой степени»²⁰³).

О книге этой долгое время не было известно новым советским поколениям востоковедов, надо думать по нескольким причинам: во-первых, она вышла незначительным тиражом и скоро стала библиографической редкостью, во-вторых, ни в одной из последующих работ профессиональных востоковедов, в частности в хрестоматии Н. И. Конрада 20-х гг. и далее, она не упоминается.

Последнее обстоятельство, вероятно, имеет несколько причин. Хотя Конрад, думается, наверняка был знаком с этой работой, ссыла на нее противоречила бы тогдашним устремлениям ученого и эпохи. Во-первых, книга эта была дореволюционной, и даже более того, довоенной, отражавшей совершенно иной строй идей, иное состояние и самой литературы, и науки о ней. Ямагути Моити, высказавший ряд важных соображений о характере японской литературы,

да и японского мировосприятия в целом, нашел японской поэзии место в мировой истории, определив ее как изначально «самобытный импрессионизм» (еще он называет японский вид импрессионизма «рефлексивно-лирическим»), до которого в Европе, писал он, дошли совсем недавно и «через ряд сложных градаций»²⁰⁴.

Н. И. Конрад, десять лет спустя сформулировавший задачи нового поколения японоведов, к которому он принадлежал, уже предстает человеком совсем другой эпохи и направления мыслей; он, видимо, уже ощущал себя не эссеистом, не эстетом с эрудицией рафинированного европейца, а представителем нового литературоведения как одной из позитивистских наук: «Японская литература ждет подхода к себе с точки зрения четко социологической; и она в то же время... ждет анализа, построенного на началах строго формальных». По исследовательской манере и методике Конрад оказывается близок одновременно и к социологическому методу в литературоведении, и к ОПОЯЗу; по общему строю мыслей он идет в русле космически-масштабного ощущения эпохи, когда каждое конкретное человеческое действие трактовалось в рамках универсалистских мотиваций и планов с большой буквы. По Конраду, работа его и его коллег по изучению произведений японской литературы должна состоять из трех частей: «перевод, как выполнение стилистической задачи», «историко-культурный очерк, как выполнение социологического задания» и «комментаторский очерк, как выполнение задачи уже чисто литературоведческой». А в пределе этот План имел целью «построение японской поэтики, теории японского словесного искусства» и «новое конструирование общей истории японской литературы»²⁰⁵ (отметим слово «конструирование» как характерный признак мышления эпохи). Все творилось заново в те времена, поэтому, используя достижения немногих признаваемых им предшественников (упоминаемый Конрадом очерк С. Г. Елисеева о японской литературе, историко-литературный труд немецкого исследователя К. Флоренца, а также филологические разыскания японских ученых), надо

было, по мысли Н. И. Конрада, глубоко и полно исследовать отдельные произведения, а потом коллективно («круг работников ширится и их целеустремленность укрепляется») строить новую теорию и историю японской литературы²⁰⁶.

Разумеется, в этом мире не было места отсылкам к старым переводам, танка Бальмонта или изящной, но камерной, и уже идеологически «устаревшей» книжке Ямагути, который к тому же не был дипломированным филологом. По-видимому, и сразу после выхода брошюра Ямагути была популярна по преимуществу не столько в академических кругах, сколько в литературных салонах, среди любителей литературной экзотики, среди поэтов, включая, быть может, тех же Бальмонта и Брюсова, стремившихся сделать свои переводы как можно более близкими «неумопостигаемому» оригиналу.

Приведем пример одной из миниатюр — фрагментов японской классики, составляющих книгу Ямагути:

«Мубатама-но
Вага куро-ками я
Каваруран
Кагами но кагэ ни
Фурэру сира-кумо

(*Ки-но-Цураюки*, 883—946).

В зеркальной тени набегают белые облака... Неужели это мои черные волосы седеют?!...»²⁰⁷

Сам он при этом свое переводческое кредо формулировал следующим образом: от его перевода нельзя ждать «абсолютной» точности передачи грамматических форм, установленных европейскими учеными», поскольку он имел в виду «только одно: дать русскому читателю то впечатление [курсив автора. — Л. Е.], которое получает при чтении этих стихотворений японец, в то же время давая по возможности дословный перевод» [на этот раз курсив наш. — Л. Е.]. «За правильность перевода, — пишет далее Ямагути, — в вышесказанном смысле, я могу более или менее поручиться,

так как он проверен не только одним, но многими моими товарищами — соотечественниками, специалистами по литературе»²⁰⁸.

С точки зрения современной сетки понятий и терминов манифест Ямагути противоречив (нынешний переводчик выбирает или впечатление, или дословность), однако в целом Ямагути, вероятно, хочет сказать, что он старался держаться как можно ближе к оригиналу и по общему впечатлению от текста, и по составляющей текст лексике, делая исключение только для грамматических форм (похоже, эта оговорка относительно грамматики для Ямагути — ответ неким конкретным оппонентам, настаивавшим на передаче и этого аспекта).

В комментариях и предисловии Н. И. Конрада к «Исэ-моногатари» объект исследования тоже предстает сложным, однако, разумеется, вполне постигаемым — для того ведь и существует наука — литературоведение, поэтика, стиховедение и т. д. Однако попробуем сравнить переводческое кредо новатора-позитивиста Конрада и импрессиониста-эссеиста Ямагути. Н. И. Конрад пишет: «Принципов, положенных в основу перевода, очень немного, и они очень несложны: верность подлиннику в образах его, в последовательности этих образов и в эмоциональном их содержании [везде курсив автора. — Л. Е.]. Поэтому я сознательно жертвую иногда правильным ходом русской фразы для создания того специфического эмоционального контура, который, как мне казалось, существует в японском тексте»²⁰⁹.

«Образы» и «эмоциональное содержание» — понятия, ныне кажущиеся столь неопределенно-расплывчатыми, в 20-е гг., надо думать, имели не менее конкретное очертание, чем условное понятие «структуры» в работах литературоведов 60-х. Тем не менее очевидно их соответствие понятию «впечатления» у Ямагути. Далее же пути двух переводчиков расходятся: Н. И. Конрад выдвигает понятие «последовательности» образов, ради строгого воспроизведения которой в переводе, по его мнению, стоит пожертвовать естественностью русского грамматического строя. То есть в некотором

смысле в споре Ямагути с его неизвестным конкретным оппонентом по поводу меры грамматической естественности Конрад принимает сторону оппонента. И это при том, что Ямагути переводил стихи прозой (весьма, надо сказать, поэтической), а Конрад в «Исэ-моноготари» — воспроизводя деление на пять строк.

И в самом деле, некоторые из переводов Н. И. Конрада в «Исэ-моноготари» отличает удивительное синтаксическое строение. Оно более или менее воспроизводит членение японской песни на пять частей, последовательность этих частей и составляющих их элементов, но порой это соблюдение японской последовательности частей делает текст более чем странным и непонятным по смыслу. Такой перевод несколько не притворяется натуральной русской поэзией, напротив — каждым своим элементом он напоминает о непостижимости для читателя языка и культуры оригинала. Например: «Если он спросит: / доколе / вы проводили меня, — / до “реки” неустанных в разлуке / “слез” — вы ответьте ему!»²¹⁰ Рассматривая этот перевод с интересующей нас точки зрения, следует, вероятно, отметить следующее. Конрад здесь уже отказывается от транскрипции японского текста, но его собственный перевод решен как некоторое «лингвоподражание» оригиналу, как попытка создать по-русски модель именно оригинала на японском языке, а не литературный перевод (мы оставляем сейчас в стороне несомненную литературную одаренность Н. И. Конрада и возникающие сами по себе поэтические эффекты его переводов).

Интересно, что уже через несколько лет это почти построчное воспроизведение «образного хода японского стихотворения» (выражение Н. И. Конрада) начинает, видимо, казаться ему неадекватным, и его хрестоматия «Японская литература в образцах и очерках», вышедшая в 1927 г., основана на других принципах перевода. В переводах теперь начинают присутствовать традиционные признаки русской лирической поэзии — ритм и рифма. Сам Н. И. Конрад не применяет рифмы, но вводит жесткий ритм, прибегая к точному воспроизведению схемы 5–7–5–7–7, в пере-

водах же его ученицы, тоже замечательного востоковеда А. Е. Глускиной, воцаряется рифма и размеры, привычные для русской поэзии. Деление на пять строк в переводах А. Е. Глускиной тоже присутствует, но там оно присутствует лишь графически, на слух же третья и четвертая строчка кажутся одной строкой с отчетливой цезурой, пятистрочие перестает существовать.

Для этой хрестоматии Конрад перерабатывает свои переводы из «Исэ-моногатари», и, например, вышеприведенное синтаксически странное и не вполне внятное по смыслу стихотворение уже звучит так: «Если спросит он: / “До каких же мест ее / Проводили вы?” / — До — в разлуке льющихся / “Слез реки”... ответьте вы!»²¹¹

Итак, что, собственно, означают эти перемены в интересующем нас аспекте? По-видимому, прежде всего произошел сдвиг в понимании текста как такового. В эссе Ямагути сначала приводится текст оригинала в транскрипции, а уж затем — перевод, далее же следуют авторские лирические пояснения смысла стиха. Читателю, таким образом, дается возможность представить себе звуковой и ритмический рисунок стиха через транскрипцию, затем приблизительно понять его смысл через перевод, после чего уточнить и прояснить смысл и скрытые уровни стиха посредством комментариев. Оригинал, таким образом, пусть и непонятный читателю, присутствует как таковой в виде знака — кириллической транскрипции японского текста; все же остальное, взятое вместе, — перевод, комментарии, глоссарий и т. п. — оказывается разновидностью текстов подсобных, второстепенных, сопутствующих имеющемуся тут же оригиналу. То есть очевидно, что этот данный в транскрипции оригинал и есть текст с большой буквы, в ореоле недоступного читателю смысла: у Ямагути Моити именно транскрипция оригинала помещается прежде всего — не как часть подсобного аппарата, а как «стихотворение как оно есть». Весьма примечательно и то обстоятельство, что подпись автора следует сразу за японской транскрипцией. А то, что помещено ниже, — перевод на русский, пояснения и прочее — и набрано все иным

шрифтом, и уже, получается, к стихотворению и автору непосредственного отношения не имеет, скорее это нечто вроде инструмента исследователя, отбрасывающего на истину, по выражению В. Набокова, свою неизбежную тень²¹².

На этапе ранних работ Конрада, как представляется, понятие текста японского пятистишия уже начало сдвигаться от транскрипции японских слов в сторону русской поэтической речи, но этот шаг был чем-то сродни созданию искусственного «русско-японского» поэтического языка, с грамматическим строем, который, в сущности, не присущ ни японской, ни русской грамматике, но выступал у Конрада условным знаком японской.

Однако со временем текст перевода как таковой, по-видимому, все чаще начинает претендовать на более высокий и сильный статус в культуре, сравнимый со стихотворными переводами поэтов-неспециалистов. Перевод все больше хочет стать самостоятельным литературным текстом. В случае перевода, выполненного известным поэтом (даже не знающим японского языка, как, например, Бальмонт), именно текст перевода будет считаться литературным произведением по определению, текстом *per se*, и иметь двойную ценность — и как пример иностранной поэзии, и как образец творчества данного поэта. Если же за дело берется специалист-востоковед, обладающий литературным дарованием, текст перевода может быть или родом исследования, или же — по усмотрению автора-переводчика — тоже иметь функцию художественного произведения по преимуществу. В любом случае такой перевод воспринимается читателем как наиболее аутентичный, поскольку специалист-востоковед рассматривается как своеобразный носитель языка и культуры. А стало быть, и статус произведенного им текста воспринимается как максимально близкий оригиналу, особенно в случае, если специалисты по данному языку и литературе достаточно редки и варианты разных переводов одного и того же текста маловероятны, — тем самым обеспечивается единственность текста в культуре, возможность его цитирования и отсылок к нему — словом, во многом он начинает уподобляться ори-

гиналу. Такой тип функционирования переводного текста в культуре в конечном счете тоже оказывается временным, однако пока он принят, поиски так называемой адекватности перевода принимают самые разные, иногда крайние формы.

Так, порою перевод, претендующий на роль подлинного и самодостаточного текста, начинает просто рядиться под произведение местной культуры, на новом этапе совершая регрессивный ход к стилистике национальной адаптации. Таков, в частности, перевод А. А. Холодовича «Дед Такэтори»²¹³, опубликованный в 1935 г., выполненный, по формулировке самого переводчика, «стилизованно-сказочным языком». В самом деле, если бы не чужеземные имена, можно было бы подумать, что перед нами, скажем, один из сказов П. Бажова с элементами лермонтовской «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».

Приведем пример: «У царевича ум за разум зашел, душа в пятки ушла... Говорил Такэтори с царевичем речи красные...» В том же стиле сделаны и переводы вака: «Позабылося / Горе черное, / Как наплакался, / Как лились ручьем / Слезы горькие / На шелков рукав». Здесь дело не только в том, что количество строк изменилось с 5 на 6, — четность строк и весь ритмический лад перевода с инверсиями определений и архаическими ударениями воспроизводит условно-фольклорный стиль. Этот опыт А. А. Холодовича (не нашедший последователей в японоведении) примечателен именно своей радикальной переводческой идеологией — сознательным намерением создать не столько перевод, сколько, если можно так выразиться, второй подлинник, причем максимально органичный для русской литературы. Недаром Холодовичу не понадобилось делать ни единой сноски или комментария (несмотря на то, что произведение это относится к началу Х в. со всеми вытекающими отсюда последствиями).

Однако этот «подлинник» не был признан таковым, и «Такэтори-моногатари» стало первым произведением японской литературы на русской почве, четверть века спустя переведенным еще раз и по-другому — на этот раз В. Н. Марковой.

3

Вероятно, большинство российских читателей согласится с тем, что именно В. Марковой во многом удалось найти ту меру сочетания двух поэтических культур, русской и японской, которая оказалась созвучна культурным и литературным потребностям русской читающей публики, выработать основной словарь и ритмический рисунок переводов, вызывающих у читателя одновременно и чувство аутентичности перевода, и это трудно поддающееся определению ощущение «второго подлинника». И до нынешних дней неоспоримо влияние ее трудов на молодых востоковедов и российских читателей, так же как и влияние и заслуги переводчицы «Манъёсю», А. Е. Глускиной.

Начиная с конца 50-х гг. XX в. В. Маркова и А. Е. Глускина были, каждая на свой лад, творцами особой области в русской литературе, которая оказалась в то время областью повышенной значимости и важности, зоной нового поэтического языка и его грамматики, миром, где царили иные вещи и отношение к ним было иным. (Вероятно, в чем-то сходную роль сыграла японская поэзия и в Европе, и в Америке, только несколько раньше. Эта огромная тема — функционирование *вака* в российской и западных культурах — требует отдельного рассмотрения, нам же осталось досказать историю изменений, которые претерпевало понятие «перевода» и «текста перевода» с японского в русской культуре XX в. — разумеется, в нашей волюнтаристской интерпретации.)

Конец 60-х — 70-е годы XX в. для российской филологии были, разумеется, отмечены прежде всего становлением семиотической школы, насыщением науки о литературе лингвистическими и почти математическими методами. После «хрущевской оттепели» стали вновь доступны труды русских «формалистов» 20-х гг. В ту пору особой значимости филологической науки многие стали относиться к гладким поэтическим переводам как к неадекватным и претенциозным, стало ощущаться, что их переводчики готовы слишком многое принести в жертву благозвучию и вообще

русской поэтической традиции, что мешает воспроизвести специфику оригинала (которая вновь возвысилась в своем значении)²¹⁴. В то же время переводы более буквальные вновь показались исполненными некоей поэтической правды и уж во всяком случае обаяния. Автор настоящей книги в те годы тоже отдала дань этому течению в своем переводе «Ямато-моногатари» (издан в 1982 г., однако сам перевод делался в начале 70-х гг.), где *вака* приводились сначала в японской транскрипции, потом давался их подстрочный перевод, довольно невнятный, и во многих случаях эта невнятность была сознательной — принятой как знак чужой поэтики, а «поэтические трюки» (выражение Н. И. Конрада) разъяснялись в затекстовом комментарии.

То есть понятие текста опять качнулось в сторону оригинала, возможность адекватного поэтического перевода вновь была осознана как утопия, и текст перевода опять стал не столько текстом и даже не проекцией иноязычного текста, сколько мерцающим знаком этой проекции или же самим инструментом-проектором.

Разумеется, тогда же продолжали выходить и традиционно лирические переводческие труды, в которых производился поиск «культурной равнодействующей», предполагающий активное использование средств русской поэтической традиции. Эта линия — перевод инокультурной поэзии с помощью инструментария поэзии российской, в частности рифмы, — время от времени вновь всплывала в литературном сознании, поскольку задача сделать перевод поэтическим все равно всегда осознавалась как желанная и благая.

Эта цель была четко сформулирована еще в трудах выдающегося китаиста В. М. Алексеева, писавшего в 1923 г.: «Вряд ли кто станет отрицать, что в стихе образ, по крайней мере, слит с формой в одно, если попросту от нее не зависит бесповоротно. Т. о., переводя стих не стихом, мы разрушаем, а не переводим его, и перевод стиха прозообразным способом есть перевод мыслей, а не образов». Если слова В. М. Алексеева можно считать относящимися прежде всего к китайской литературе (хотя, похоже, он мыслил гораздо

шире), то, например, Н. С. Гумилев в те же времена явно рассуждал вообще и не принимал во внимание никаких поэтических специфик: «В выборе числа строк и строф переводчик обязан слепо следовать за автором»²¹⁵.

Из опытов последнего времени, которые, как представляется, также могут быть истолкованы с интересующей нас точки зрения, назовем опубликованный в начале 90-х гг. прошлого века перевод «Хякунин иссю», выполненный В. С. Сановичем²¹⁶. В структуре этой работы есть отличие от всех предыдущих изданий поэтических переводов с японского. Обычно комментарии к *вака* расположены в конце книги, а если используются сноски, то они помещаются внизу страницы. Переводчик организовал книгу так, что на каждом развороте слева оказывается перевод одного стихотворения, а справа — комментарий к нему, объединенный со сносками и включающий все виды примечаний. Нам неизвестно в точности, как понимает сам переводчик цель такой композиции книги. Но в свете намеченного нами подхода представляется, что это строение книги означает реализацию идеи, высказанной еще в начале 70-х гг. XX в. германистом и поэтом В. Микушевичем, предлагавшим для переводов японской, китайской и т. п. разновидностей поэзии, непонятной без разъяснений, расширить понятие текста и рассматривать как единицу текста перевод стихотворения вместе с комментарием к нему (для классической китайской поэзии такой труд был осуществлен И. С. Смирновым).

Интересно, что в конечном счете (за исключением транскрипции японского оригинала) такая организация текста ближе всего оказывается к книге Ямагути Моити, наделившего более или менее единым статусом как свои переводы, так и разъяснения поэтической сути оригинала. По структуре же переводческая работа В. Сановича кажется ближе всего к законам жанра *ута-моногатари*, целью которого, как известно, является рассказ о том, кто, когда, с какой целью, при каких обстоятельствах сложил песню *вака* (т. е. пятистишие танка) и какую именно. Каждое стихотворение вместе с пояснениями к нему становится чем-то наподобие

целостного фрагмента произведения вроде «Исэ-моногатари», составляя неразрывное целое стихотворной и прозаической частей.

Одна из последних работ в области перевода классической поэзии, которую интересно рассмотреть под предложенным углом зрения, — перевод антологии «Кокин вакасю», выполненный А. А. Долиным²¹⁷. Этот примечательный труд, вероятно, можно считать знаменем конца XX в. и его постмодернистской эстетики — здесь представлены все виды понятий текстов, основных и вспомогательных, почти равноправным образом. Структура каждого свитка (тома) в переводе вполне традиционна, это книга поэтических переводов и ее композиция ничем не отличается от «Кокинсю» в любом японском издании. Однако каждый свиток затем дублируется — после поэтического перевода свитка дается обширный раздел, в котором приводится прежде всего русская транслитерация японского текста *вака*, а потом даются параллельные подстрочные переводы, затем комментарии, разъяснения отдельных слов, исторические сведения и т. п.

Читатель, взявшийся за эту книгу, сам может выбирать, что ему считать текстом по преимуществу, и читать или все вместе, или, если он не верит в поэтические переводы, — только подстрочники, или, если он знает японский язык, — только транскрипции оригиналов с комментариями, или, если он не заинтересован в японологической стороне вопроса, — только поэтические переводы и т. п. Полушутя этот изобретенный А. Долиным метод вполне может быть назван «деконструкцией перевода», хотя, думается, сам автор непосредственного отношения к этой литературоведческой школе не имеет, и общий постмодернистский колорит времени отразился в его работе сам по себе. В некотором смысле все приводимые А. Долиным виды текстов (литературный перевод стихотворения, его транскрипция, комментарий, дословный перевод, аппарат сносок) не есть текст перевода как таковой, и в то же время каждый из видов может считаться переводом — сам по себе или в сочетании с любыми другими, подключая к понятию текста еще и инициативу и выбор читателя, который

сам при этом начинает выступать не то как сопереводчик, не то как соавтор, не то как еще один автор.

Как мы видим, понятия текста оригинала и текста перевода к концу века окончательно сомкнулись и при этом как никогда расширили свои границы. Трудно судить, в какой этап теперь вступает поэтика перевода с японского: уготован ли ей новый коллапс и сужение до самодостаточного русского текста, или мы увидим некие еще более новые формы, — дрейф продолжается²¹⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹⁸⁶ *Th. Savory. The Art of Translation. London, 1957. P. 49.*

¹⁸⁷ Вероятно, если принять эту точку зрения, то интересно было бы посмотреть, какие метаморфозы происходят при этом с жанровой природой различных произведений, которые в культуре языка перевода вдруг все оказываются «романами о путешествиях».

¹⁸⁸ См., например: *G. Genette. Palimpsestes: La littérature au second degré. Paris, 1982.*

¹⁸⁹ Цит. по: *Е. Эткин. Русские поэты-переводчики — от Тредиаковского до Пушкина. Л., 1973. С. 55.*

¹⁹⁰ *Рубоко Шо. Эротические танки / Пер. со старояп. Питера Энгра; Предисл. и коммент. Виктории Борз. М.: Панорама, 1991.* Как говорится в предисловии, стихи этого поэта были случайно найдены на книжном развале в Киото мультимиллионером и библиофилом Ки-но Кавабаки в виде «свитка пергамента» (пергамент в Японии — само по себе непредставимо, а тут еще и пергамент, свернутый в свиток!). Опуская все анекдотические подробности биографии Рубоко, вымышленные авторами мистификации, приведем одно из 99 его стихотворений, где раковины хамагури тракуются как некая сельскохозяйственная культура, — явная примета пародии: «Хотелось бы / Поле засеять хамагури / Книгу отбросив / Коснулся нефритовых губ / Осень настала». С точки зрения воображаемого «усредненного» русского читателя, это, вероятно, «очень похоже» и довольно смешно.

¹⁹¹ «Комсомольская правда», 7 октября 1992 г. В аннотации приводятся два примера перевода, вот один из них: «Изумрудная жаба / — твой драгоценный подарок / спит у меня на груди / между маленьких двух Фудзиям». Пожалуй, такое пятистишие невозможно в японской поэзии, даже в самом ее авангардном варианте, но в рамки упомянутых мифических представлений о японской поэзии оно, видимо, вполне укладывается. По всем приметам, тенденция пародийного использования японской поэзии все больше набирает силу, задействуя принципиально новые для японской лирики социальные группы; см., например, журнал «Пушкин», 1997, № 1 (*М. Косолапов, Галина Глазко. Лирика власти*). Там приводится «трехстишие генерала А. Лебеда времен событий в Приднестровье»: «Мне о многом напомнил / Этот камень / застрявший в подошве...» и др. Скоро, вероятно, можно будет уже говорить об особом «японском коде» — и в русской литературе высоких и низких жанров, и в обыденном «обычном» общении.

¹⁹² См.: Исэ-моногатари / Пер. Н. И. Конрада. М.: Наука, 1979. (Лит. памятники); Ямато-моногатари / Пер. Л. М. Ермаковой. М., 1982. (Памятники письменности Востока).

¹⁹³ В «Исэ-моногатари» в переводе Н. И. Конрада говорится: «В давние времена кавалер, страдая и в сердце своем полагая, что смерть ему приходит, —

“Издавна слышал
я о дороге, которой
мы напоследок пойдем...
Но что это будет
вчера иль сегодня, — не думал...”»

У В. Пелевина:

«Знал я всегда,
Что покину
Этот безжалостный мир...
Но что так это будет, не думал...»

¹⁹⁴ В поэме Л. Рубинштейна такой омонимической метафорой, на которую, как на прием какэ-котаба в поэзии пятистиший, крепятся оба значения, стало выражение «Учитель сказал», соединившее сферу обыденной русской речи и область переводов древнекитайских философских текстов.

¹⁹⁵ В. Маркова. О переводе японской лирики. История и проблематика // Мастерство перевода. М., 1968. С. 268.

¹⁹⁶ Там же. С. 280–281. Японское влияние в творчестве Бальмонта, Брюсова и т. д. не входит в задачу настоящего исследования, об этом см. работы Е. Дьяконовой и К. Азадовского, В. Молодякова, А. Долина.

¹⁹⁷ Цит. по: Исэ-моногатари. М., 1979. С. 5.

¹⁹⁸ СПб., 1905.

¹⁹⁹ СПб, 1912. С. 5.

²⁰⁰ Импрессионизм как господствующее направление Японской поэзии / Составил Мойчи Ямагучи. СПб.: Типо-Литография «Братья Ревины», 1913.

²⁰¹ Не от книги ли Ямагути пошла традиция, прочно укоренившаяся в русской литературе и удивляющая японских филологов, — называть трехстишия не хайку, а хокку?

²⁰² Там же. С. 5. Судя по заключению книги, Ямагути полагал, что тезис о повышенной эстетической чувствительности японцев

провозглашался тогда чуть ли не впервые. В своем реферате он говорит: «Вы все, здесь присутствующие, предполагали, может быть, или допускали до известной степени, что японцы — практики, приверженцы практической стороны европейской культуры, но все ли вы знали, что в них также сильны и неистребимы чувства поэзии и красоты, также сильна и неистребима потребность чисто эстетических эмоций?» Однако этот мотив звучит и в более ранних российских трактатах о Японии.

²⁰³ Там же. С. 11.

²⁰⁴ Там же. С. 7.

²⁰⁵ Н. И. Конрад. Японская литература в образцах и очерках / ЦИК СССР; Изд. ин-та живых восточных языков им. А. С. Енукидзе. Л., 1927. С. V—VII.

²⁰⁶ Там же. С. VII.

²⁰⁷ Ямагути Моити. Указ. соч. С. 33.

²⁰⁸ Ямагути Моити. Указ. соч. С. 21.

²⁰⁹ Исэ-моногатари / Пер., ст. и прим. Н. И. Конрада. М., 1979.

²¹⁰ Там же. С. 71.

²¹¹ Н. И. Конрад. Указ. соч. С. 160.

²¹² Обыкновение ряда исследователей и переводчиков-японоведов приводить в транскрипции японский оригинал — единственное в своем роде, оно не наблюдается, например, в сфере синологии, арабистики, вьетнамистики и пр.

²¹³ Дед Такэтори / Пер. А. А. Холодовича // Восток. Сб. 1. Литература Китая и Японии. М.; Л. Academia, 1935. С. 57—83.

²¹⁴ Может быть, именно мифу о непередаваемости обязана японская поэзия тем обстоятельством, что в этот период она осталась все же в руках японоведов, в то время как многие другие восточные литературы, в том числе корейская и китайская, во второй половине XX в. попали в сферу переводов «с подстрочника» и переводились людьми, не имеющими отношения к востоковедению и, стало быть, незаметным для себя образом «европеизировавшими» свой объект. Идея о принципиальной возможности таких переводов и культурологический аспект этой проблемы остаются за рамками наших рассуждений, поскольку японской лирики это не коснулось (если не считать Брюсова, Бальмонта и т. п.). Упомянем также, что среди переводчиков с корейского и китайского по подстрочникам можно найти имена выдающихся российских поэтов и литераторов XX в.

²¹⁵ В. М. Алексеев. Труды по китайской литературе. Т. 2. М.: Восточная литература. РАН, 2003. С. 150, 159.

²¹⁶ Сто стихотворений ста поэтов. Старинный сборник японской поэзии VII–XIII вв. 2-е изд. / Пер. В. Сановича; Под ред. Веры Марковой. СПб., 1994.

²¹⁷ Кокин вакасю: Собрание старых и новых песен Японии / Пер. А. Долина. М., 1995.

²¹⁸ Один из вариантов этой статьи опубликован в: Л. М. Ермакова. Японская поэзия в русских переводах: динамика текстовых границ как симптоматика культуры // Вестник РГГУ. 4. Кн. 2. М., 2000.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
НАЙДЕНО В ЯПОНИИ

СОКРЫТЫЕ СЮЖЕТЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ

(Кюсю, Ватикан, Речь Посполитая)

1. Остров Амакуса

Начало этой истории положил нечаянный случай — обнаружение автором небольшой полоски бумаги с неровными краями в одном маленьком музее на островке Амакуса недалеко от Кюсю. Однако находка эта довольно скоро привела автора на уровень чуть ли не макроисторический, при этом потребовав обзора обширного географического пространства, и даже позволила обнаружить ценный предмет искусства, более четырех веков пролежавший в полном забвении.

Однако стоит, вероятно, отказаться от профессионального филологического соблазна — лавирования «между фабулой и сюжетом». Ради связности рассказа попытаемся, хотя бы в самом начале нашего повествования, изложить события в той последовательности, в которой они разворачивались «на самом деле».

Итак, кратко об обстоятельствах находки. В феврале 2000 г. автор данной книги (во избежание синтаксических осложнений именуемый в дальнейшем «я»), побывал в путешествии на островах Амакуса — это цепь мелких островов, тянувшихся вдоль западного побережья Кюсю. Острова эти с XVI в. известны тем, что здесь были особенно сильны позиции христианских миссионеров, немало потрудившихся во имя распространения в Японии христианства, удержавшегося на островах несколько десятков лет с середины XVI до начала XVII в. и драматически прерванного гонениями и казнями (новое пришествие христианства в Японию оказалось возможным лишь после наступления так называемой реставрации Мэйдзи в конце XIX в.).

Моя поездка по островам Амакуса предполагала, в частности, посещение музея, организованного лет 12 назад, под названием «Амакуса Колледжио-кан», поскольку на островах Амакуса в XVI в. находилось учебное заведение — одна из трех устроенных иезуитами коллегий, где японцам преподавали Священное Писание и латынь и где был устроен печатный двор. (С точностью до метра местонахождение этой коллегии неизвестно, но музей, ей посвященный, возводили на основе исторических свидетельств, т. е., во всяком случае, где-то неподалеку от настоящего места.)

И вот среди экспонатов музея я увидела под стеклом раскрытую старинную книгу — это было сочинение итальянца Гвидо Гвалтьери издания 1586 г. «Реляции о прибытии японских послов в Рим вплоть до их отплытия из Лиссабона»²¹⁹. Книга была посвящена большому событию, прогремевшему в 1585 г. по всей Западной Европе, — торжественному прибытию в Ватикан, к папе Григорию XIII японских посланцев — первой в истории японской миссии в Европу.

Рядом с книгой Гвалтьери лежала узкая полоска бумаги с текстом, через стекло плохо различимым, написанным от руки и почему-то на польском языке. Удивившись, я спросила у экскурсовода, откуда взялась эта записка и каково ее назначение — ведь встретить в японской провинции текст, написанный от руки по-польски — само по себе диковинно. Выяснилось, что при основании музея его организаторы увидели книгу Гвалтьери в каталоге одного букинистического магазина в Токио и решили приобрести ее для музея. Когда же эта редкая и драгоценная книга прибыла в музей, то между ее пергаментной обложкой и фронтисписом была обнаружена эта самая бумажка. На каком языке она написана, никто в музее особенно не разобрался, но и выбросить ее тоже как-то не решились, подумав, что записка, быть может, имеет какое-то отношение к самой книге Гвалтьери. В общем, ее положили рядом с книгой, время от времени убирали в шкаф, потом снова выкладывали.

Я взялась прочитать и перевести для музея этот польский текст и получила его в руки. Как оказалось, записка гласила:

«Японский перевод двух цитат из Священного Писания, написанный по просьбе Бернарда Мацеевского, королевского посланника при апостолической столице, японскими послами к папе Григорию XIII, в Риме 1585 г.; подарил его “Краковской Академии в знак великой своей милости” тот же Бернард Мацеевский, епископ Луцкий в 1599 г.».

Сначала эта записка не вызвала у меня особого удивления. По ее стилю можно было предположить, что она представляет собой что-то вроде каталожной карточки или подписи к музейному экспонату. Из текста следовало, что высокопоставленные японские послы и польский представитель Бернард Мацеевский в 1585 г. оказались в Риме одновременно, и вот польский епископ, как можно догадаться из текста, попросил японцев перевести на их экзотический язык два места из Библии. Понятно почему — и сами по себе японцы, внезапно и впервые появившиеся в Европе, и их язык вызывали тогда всеобщий горячий интерес. И, соответственно, записка эта — пояснение к какой-то вещи (большой рукописи? листу бумаги?), представляющей собой или содержащей этот самый перевод наряду с другими текстами.

История японского христианства была мне как японоведа известна, но лишь в самых общих чертах. Сначала я предположила, что имею дело с вполне известным в истории Японии эпизодом. Все же, внезапно почувствовав что-то вроде *го-эн*, — выражаясь по-японски, собственной «кармической связи» с ситуацией, а проще говоря, поддавшись академическому любопытству, я решила посмотреть исторические исследования и узнать, что написано об этом первом официальном выходе японцев в европейский мир и об их встрече с посланником польского короля.

Довольно скоро я поняла, что, несмотря на огромный объем публикаций на эту тему в Японии, количество исторических фактов, известных специалистам, достаточно ограничено. Более того, вскоре выяснилось, что о встрече японцев с поляком — очевидно, первом в истории контакте представителей этих двух культур — никому не известно; никто из историков не слышал также и о существовании переводов из Библии на

японский язык, сделанных по просьбе польского епископа непосредственно в Ватикане членами японской миссии.

Я осознала, что найденная записка-памятка — немало-важный документ, сообщающий о неизвестном доселе факте. Однако сама по себе эта полоска бумаги неизвестного происхождения не могла, разумеется, служить достоверным свидетельством факта и этой встречи, и существования японского перевода двух мест из Священного Писания. Вот если бы каким-то образом где-нибудь отыскался тот самый перевод XVI в. ... У меня было чувство, что мне в руки попал обрывок карты острова с крестиком и надписью «копай здесь», только было не очень понятно, в каких морях искать этот остров сокровищ. Неизвестно было также, сохранился ли сам клад — ведь с момента той гипотетической японско-польской встречи прошло более четырехсот лет.

Забегая вперед, скажу, что, как это ни удивительно, поиски документа всего через полтора года после обнаружения польской записки в японском музее завершились его обретением — в серебряной застекленной рамке с вензелями и выгравированной на обороте пояснительной надписью. О почти детективной истории его поисков я собираюсь рассказать ниже. Но прежде я хотела бы обратиться к историческим обстоятельствам появления столь любопытного документа и к персонажам, причастным к его созданию и представляющим такие разные культурные зоны, как Япония, Ватикан и Речь Посполитая.

2. Япония XVI в. Христианская драма

В 1549 г., как гласит история, в Японию прибыл первый миссионер-иезуит Франциск Ксаверий²²⁰ (Ксавериус, Ксавьер, Ксавье, 1506—1552), и развернутая им деятельность довольно быстро увенчалась значительными успехами. Успехи эти можно объяснять разными факторами — и религиозного, и политического, и экономического характера.

Ксаверий родился в Наварре, в краю басков, и происходил из аристократического рода. Он учился в Парижском

университете, где встретился с Игнатием Лойолой, основателем Ордена иезуитов, и стал одним из его последователей. В 1541 г. он был послан в Индию, а в 1547 г. в Малакке встретил японца по имени Ядзиро и крестил его. Еще до этого он слышал, что в стране под названием Япония много смысленных людей, и решил, что стать первым японским миссионером — его предназначение. В 1549 г. он вместе с Ядзиро прибыл в Японию, в Кагосиму, на юг Кюсю и развернул там миссионерскую деятельность. Умер Ксаверий в Китае, его тело затем было привезено в Индию, в Гоа²²¹, помещено в одну из католических церквей, где находится и до сих пор. Он был канонизирован в 1622 г., одновременно с Игнатием Лойолой. Немалую роль в успешном и очень быстром распространении христианства в Японии, видимо, сыграли сама личность Ксаверия и ревностное служение его спутников. Ксаверий пробыл в Японии всего два с небольшим года, но за это время встречался и со знатными людьми, и с буддийскими священнослужителями, обращал простых японцев, с помощью одного из новообращенных создал небольшой катехизис на японском языке. Когда он покидал Японию (с намерением вскоре вернуться, чему однако не суждено было сбыться), там насчитывалось уже примерно две тысячи обращенных — видимо, скорее благодаря силе и обаянию личности Ксаверия, нежели благодаря его красноречию, — японским языком он овладел в очень небольшой степени. Его последователи-миссионеры освоили по его настоянию японский язык, организовали учебные заведения и печатни, внесли в японскую культуру множество новаций и вне религиозной сферы.

Среди наиболее известных имен миссионеров того времени назовем, например, португальца Луиса Фройса (1532—1597), прибывшего в Японию в 1563 г., неоднократно встречавшегося с тогдашним сёгуном Ода Нобунага, которому португалец пришелся по душе. Фройс прожил в Японии 35 лет, здесь и окончил свой путь в одном монастыре в Нагасаки. Сохранились его труды, посвященные истории Японии, ее обычаям и нравам, свидетельствующие в том

числе и о многих его заслугах и о его участии в социально-политической и культурной жизни Японии тех лет²²².

В высшей степени любопытной представляется одна из ранних книг Фройса, написанная в 1585 г., — рукопись ее на португальском языке²²³, выполненная на узорчатой японской бумаге и уже изрядно изъеденная насекомыми, была обнаружена в Мадридской Biblioteca de la Historia священником Йозефом-Францем фон Шютте в 1946 г. и впервые издана в Токио в 1955 г. Структура книги, можно сказать, предвосхищает культурологическую стратегию западного японоведения XX в., предложенную впервые Рут Бенедикт в ее книге «Хризантема и меч», — вся она состоит из пар противопоставлений, например: «У нас обычно сверху надевают что получше, а уже под низ — что похуже. Японские же сеньоры — что получше, надевают вниз, а сверху — что похуже». «Мы изо всех сил стараемся выровнять древесину для построек, японцы же нарочно привешивают к ветви камень, чтобы придать ей кривизну». «У нас приглашенный благодарит пригласившего, у японцев же пригласивший — приглашенного» — и так все четырнадцать глав без каких бы то ни было отвлечений на другие синтаксические типы предложений или стили высказывания²²⁴.

Помимо Фройса, осталось в истории также имя Луиса де Армейда (1525–1583), уроженца Лиссабона, выходца из семьи евреев-купцов, в молодости изучавшего медицину. В Орден иезуитов он вступил в Индии и в Японию приехал в 1552 г. Затем были Франсиско Кабраль (1533–1609), португалец, вступивший в Орден в Гоа и добравшийся до Японии в 1570 г., итальянец Органтино (1533–1609), также прибывший в Японию в 1570 г. (он стал впоследствии главным героем рассказа Акутагава Рюноскэ «Усмешка богов»²²⁵), Космо де Торес, Хуан Фернандес и другие.

Представлю, наконец, еще одну значительную фигуру в истории и одного из непосредственных персонажей нынешнего нашего рассказа — Алессандро Валиньяно²²⁶ (1539–1605), неаполитанца, окончившего Падуанский университет. Он приезжал в Японию неоднократно: именно он

привез в Японию первый печатный станок и обучил японцев обращению с ним, именно он стоял и у истоков первой миссии японских христиан в Европу.

Слухи об успехе деятельности христианских миссионеров в Японии быстро распространились по всей Европе, а впоследствии через западные источники дошли и до России: так, напомним приводимые в первой части русские рукописные космографии первой половины XVII в. Там, в частности, говорится: «Горожане или жильцы острова, Япан нареченного, суть любовники истинного, или правды, и искатели премудрости, и к наукам охотники. <...> Детей крестят. Ради покаяния постами свое тело иссушают. Так же, как и мы, крестятся [т. е. осеняют себя крестным знаменем. — Л. Е.] против соблазнов диавольских и, видно, впредь будут следовать нравам и вере христианской»²²⁷. В другой космографии, также приведенной в первой части, сказано: «А есть у них [у японцев. — Л. Е.] многие такие места, как у нас академии, то есть книжные училища. В городе Баном есть училище, в том училище разные учения, среди иных учений есть по их языку семинариум езуитское, Бунгинское, там японцы учатся португальскому языку, а португальцы японскому языку; а также латинскому языку, так и португальскому — великие труды и тщание»²²⁸.

С новой религией японцы связывали не только надежды на торговлю с Европой и не только новые способы личного спасения. Новая религия была в те времена еще и в большой моде — иезуиты привезли с собой ряд европейских диковин, научных изобретений, книг, множество обиходных вещей, до тех пор неизвестных японцам, включая, например, одежду европейского покроя, а также табак²²⁹.

Тогдашний реальный властитель Японии Ода Нобунага²³⁰ был горячим покровителем миссионеров-христиан, он даже устраивал в Киото нечто вроде богословских диспутов, привлекая к ним христианских миссионеров и буддийских священнослужителей. Есть не вполне достоверные сведения, что и сам он принял крещение и был наречен Эммануилом. Считается, что к 1580 г. в стране насчитывалось сотни две

католических церквей и более двухсот тысяч японцев, крещенных в католичество.

3. Иезуит Алессандро Валиньяно и организация миссии

Итак, в XVI в. Япония оказалась в русле основных тенденций мировой культуры и политики, поскольку в это время и Европа, и многие страны Востока стали, можно сказать, частью глобального проекта иезуитов по распространению христианства в его католическом изводе.

Орден иезуитов, основанный Игнатием Лойолой незадолго до описываемых событий, очень скоро приобрел большое влияние в Европе и стал опорой движения Контрреформации. Его деятели стремились участвовать в разных сферах светской жизни, в том числе в большой мере в управлении государством; при этом одним из главных направлений их трудов стали прозелитизм, воспитание и образование молодежи, тесно связанные с проповедью и исповедью на национальных языках.

Орден быстро превратился в большую обучающую организацию. В сущности, именно иезуитам мы обязаны многими чертами господствующей ныне методики образования в широком смысле слова: это они ввели использование педагогических принципов, которые применяются и поныне (например, проставление оценок); они внедряли обучение на национальных языках, чем обогащали лексику и понятийный аппарат последних, они вводили бесплатное народное образование.

Другим направлением их педагогической деятельности было воспитание детей господствующего класса — осуществлялось своего рода выращивание элиты. Все эти принципы воплощались в жизнь одновременно и повсюду, где разворачивалась деятельность иезуитов. В том же XVI в., когда одна иезуитская миссия устраивала семинарии и коллегии на Кюсю и западе Хонсю, другая параллельно с первой распространяла свое влияние в немецких и польско-литовских землях.

В Японии, как уже было сказано, иезуитами было организовано несколько семинарий и коллегий. Примерно то же са-

мое происходило и в других странах, и не только на Востоке, — например, в Западной России по распоряжению Ватикана для обучения в учрежденной в 1577 г. в Греции Афанасьевской коллегии были отобраны несколько мальчиков, «рожденных в законном браке, воспитанных в греческом [православном] обряде, в возрасте от 12 до 18 лет, хороших наклонностей, понятливых и способных к изучению наук и усвоению знаний, при этом таких, у которых были родные, вследствие чего они охотно бы возвратились в родные места»²³¹.

В странах Европы иезуитам надо было преодолевать влияние Реформации или православия. Точно так же и в Японии они стремились вытеснить прочие религиозные объединения, монополизировав христианское образование населения и вообще всю сферу миссионерской деятельности. История деятельности иезуитских миссий в Японии XVI в. чрезвычайно интересна, в отечественном же японоведении она отражена лишь в самых общих чертах, однако, к сожалению, здесь нет возможности говорить о ней более подробно. Вернемся к тем фактам, которые имеют непосредственное отношение к находке.

Итак, японское посольство в Ватикан (в Японии этот исторический эпизод именуется «Миссия юношей в Европу эры Тэнсё», где эра Тэнсё — это период правления императора Го-Ёдзэй, с 1573 по 1592 г.) стало одним из ярких свидетельств торжества деятельности христианских миссионеров на японской земле. Посольство должно было предстать перед Филиппом II Испанским и перед папой Григорием XIII. Алессандро Валиньяно, по чьей инициативе было затеяно это грандиозное мероприятие, преследовал двойную цель — предьявить Ватикану зримые свидетельства успеха миссии в Японии, дать возможность европейцам повстречаться с японцами, а вместе с тем продемонстрировать японцам величие и мощь христианства в Европе²³². Разумеется, с обеих сторон в расчет входили и политические, и экономические соображения.

Алессандро Валиньяно был направлен в Японию генералом Ордена иезуитов в 1571 г. для проведения ревизии. Его

деятельность была обширна и продуктивна: он урегулировал ряд финансовых проблем, укрепил торговлю с Макао, разделил японский диоцез на три. Он способствовал изучению миссионерами японского языка, обычаев и культуры, начал строительство нескольких учебных заведений разных уровней.

Организуя миссию в Европу, Валиньяно заручился содействием трех обращенных в христианство владельцев на Кюсю, где влияние иезуитов было особенно сильным. Эти трое были Оотомо Сорин (в крещении Франциско), Арима Харунобу (Протазио) и Оокура Сумитада (Бартоломео). Были отобраны хорошо подготовленные подростки в возрасте 12–13 лет из числа учеников семинарии в Арима, которых звали Ито Манцио, Тидзива Мигель, и, в качестве их помощников, Накура Джулиан и Хара Мартиньо. Первый из названных, Ито Манцио, был внуком владельца Хюга, Ито Ёсискэ, впоследствии, после возвращения из Европы, он прошел курс теологии в Макао, в 1608 г. стал священником, умер в 1612 г. в Нагасаки. Второй, Тидзива Мигель, тоже был из знатной семьи, он приходился внуком одному из представителей рода Арима и состоял в родстве с родом Оокура. По историческим данным, он в конце жизни оставил христианство. Про третьего, Хара Мартиньо, известно, что он стал христианином под влиянием обращенного владельца Оокура, учился в коллегии в Нагасаки, а в 1608 г. стал священником. В 1614 г., став жертвой гонений на христиан, он был выслан в Макао и умер в 1629 г. Четвертый, Накура Джулиан, тоже был последователем Оокура и стал священником одновременно с Хара. В 1633 г. он принял мученическую смерть в Нагасаки.

Когда Алессандро Валиньяно начал готовить эту долгую и опасную экспедицию, все четверо были еще очень молоды, по современным понятиям — почти дети (помимо иного, чем теперь, отношения к возрасту, вероятно, приходилось брать в расчет неопределенно долгое время плавания по Мировому океану — как в будущих дальних космических перелетах). Одного из них ни за что не хотела отпускать мать — одинокая вдова, у которой он к тому же был единственным сыном,

однако Валиньяно уверил ее, что задуманная экспедиция будет под божественным покровительством и защитой, а потому с посланцами ничего дурного случиться не может, — и оказался прав.

Четверо юных японских послов добирались до Италии три года. Их корабль вышел из Нагасаки 20 февраля 1582 г., они побывали в Тихом, Индийском и Атлантическом океанах (Суэцкого канала, разумеется, еще не существовало), заходили по пути в Макао, Гоа, Мозамбик, обогнули всю Африку, миновав Мыс Доброй Надежды, побывали на острове Св. Елены, в Гваделупе, в Мадриде, пересекли по суше Португалию и Испанию. Отплыв затем от Аликанте, 1 марта 1585 г. (по новому, григорианскому календарю) они вошли в итальянский порт Ливорно, после чего, проследовав через Майорку, Ливорно, Пизу, Тоскану, Флоренцию и Сиену²³³, прибыли в Рим с великой пышностью и торжественностью.

4. Рим, Ватикан

Японские посланцы добрались до Рима 22 марта 1585 г. и остановились в одном из помещений, принадлежащих Ордену иезуитов. На следующий же день они были приняты Григорием XIII. 3 апреля они еще раз нанесли визит папе и поднесли ему великолепную расписную ширму — подарок от самого Ода Нобунага, полководца и объединителя Японии, сочувствовавшего христианству. Папа в ответ также осыпал их подарками и издал буллу, в которой объявлялось, что Япония будет впредь находиться в исключительном ведении Общества Иисусова.

А буквально через неделю — 10 апреля — Григорий XIII скончался. 25 апреля его преемником был избран папа Сикст V, который на следующий же день, 26 апреля дал аудиенцию японцам — что также свидетельствует об огромном значении, которое придавалось японским посланцам в глазах Европы. Главные вехи их пребывания в Риме: 5 мая они присутствовали на торжественной церемонии восхождения нового папы на Апостольский трон. 11 мая на Римском форуме

японцы получили право называться почетными гражданами Рима и были приглашены принять участие в заседании городского совета 29 мая. Разумеется, они побывали еще во многих достопамятных местах, совершали паломничества к различным христианским святыням в Риме. Однако в целом их пребывание в городе было не столь уж долгим. 26 мая Сикст V написал ответные письма к владельцам Оотомо, Арима и Оокура и вручил их посланцам, 2 июня они нанесли папе прощальный визит и 3 июня 1585 г. уже покинули Рим²³⁴. Перед отплытием на родину из Лиссабона они также побывали во многих городах Италии и Испании, среди которых назовем Перуджу, Лорето, Венецию, Милан, Геную, Барселону.

Известно, что прибытие японских послов стало настоящей сенсацией не только в Ватикане, и не в одном лишь Риме. Венецианский дож при их прибытии в город даже заказал их портреты самому Тинторетто (к сожалению, обнаружить их пока не удалось)²³⁵. По всей Европе разошлась весть об этой миссии, немедленно начали издаваться книги о пребывании японцев в Ватикане, гравироваться их портреты. Историю их визита включали впоследствии во многие описания Японии, вышедшие в Европе в XVI—XVIII вв.

В самой Италии вести о прибытии японских послов сначала рапространялись в кратких брошюрах-выпусках, характерных для XVI в. и по оперативности напоминающих нынешние газеты.

Итальянская исследовательница А. Боскаро, специально занимавшаяся изучением европейских изданий XVI в. о первых японских посланцах, пишет о 78 таких выпусках, причем, как она указывает, 49 из них вышли в свет незамедлительно в том же самом 1585 г.

Первым был, по-видимому, выпуск под названием «Lettere annale Portata di Novo dal Giappone Da i Signori Ambasciatori Delle cose ivi successe l'anno MDXLXXXII, In Venetia: Appresso I Gioliti. 1585», сообщающий о скором прибытии японских послов²³⁶. Вслед за ним во множестве последовали и другие. Многие из них были перепечатками

одного из первых изданий, сообщающего о торжественном въезде японцев в Рим 23 марта 1585 г. и вышедшего под названием: «Acta Consistorii Pvblice Exhibite A.S.D.N. Gregorio Papa XIII. Regvm Iaponiorvm Legatis Romae, Die XXIII. Martii. M.D. LXXXV. Ex Avtoritate Superiorvm. Romae: Apud Franciscum Zanettum, 1585».

Последующие выпуски добавляли к этому рассказу различные подробности. Например, уже после смерти папы Григория и встречи японцев с его преемником, Сикстом V, в том же 1585 г. вышло издание жанра «Краткая реляция»²³⁷, повествующее не только об обстоятельствах прибытия или аудиенции у Григория XIII, но и о пребывании японцев в Пизе после отъезда из Рима.

Реляции о японском посольстве публиковались в те годы в десятках городов разных европейских стран. Не замедлили появиться и издания на других языках — переводы итальянских выпусков «cinquesentine», посвященных японской миссии, с итальянского или с латыни²³⁸.

Из множества их особо отметим один: «Iaponiorvm Regvm Legatio, Romae coram summo Pontifice, Gregorio XIII. 23. Martij, habita: anno 1585. Addita etiam est breuis in calce descripto Insulae Iaponicae». Он воспроизводит текст «Acta Consistorii», к которому добавлены кое-какие сведения о Японии (менее одной страницы текста), заимствованные из «Краткого описания Японских островов» А. Ортелиуса («Brevis Descriptio Insulae Iaponicae»²³⁹). Этот выпуск нам особенно интересен местом публикации: одновременно с Римом его напечатали еще в Бононии (т. е. Болонье) и — что примечательно — вне Италии, в Кракове, тогдашней столице Королевства Польского. Выходные данные выпуска гласят: Romae, apud Franciscum Zanettum, Et Bononiae, apud Alexandrum Benatium, Et Cracoviae, in Officina Lazari, Anno Domini, 1585. «Officina Lazari» — одно из старейших польских издательств, располагавшееся в Кракове. Еще одно издание на территории Речи Посполитой вышло в Вильне, где часть, касающаяся японцев, также представляет собой воспроизведение «Acta Consistorii»²⁴⁰.

Можно считать, таким образом, что в Польше о приезде послов из неведомой Японии узнали практически одновременно со всей Европой.

Сверхактивная деятельность по изданию оперативных информационных выпусков, украшенных гравюрами и имевших, как мы видели, широкое хождение по Европе, продолжалась вплоть до выхода в 1586 г. обширной книги Гвидо Гвалтьери «Реляции о прибытии японских послов в Рим вплоть до их отплытия из Лиссабона»²⁴¹. Сочинение Гвалтьери вобрало в себя всю массу сведений о путешествии и пребывании японцев в Европе — вплоть до их отплытия назад в апреле 1586 г. Последующие европейские издания на эту тему в большинстве своем представляли собой переводы «Реляции» или как-то соотносились с ней.

Напомню, что именно в экземпляр книги Гвалтьери и была вложена бумажка с записью по-польски, давшая начало моим поискам.

Российские читатели о японском посольстве в Рим узнали в XVIII в. также через переводы. Вот, например, фрагмент одного из них, рассказывающий об отношении папы к явившимся посланцам: «Сей двор употребил все свое великолепие для приятия их. Никогда входящий торжественник в Капитолию не являлся с толиким великолепием, с каковым явились Японские послы. Папа, обнимая их, плакал от нежности сердца»²⁴².

Григорий XIII, надо думать, и в самом деле чувствовал себя вознагражденным за многолетние усилия. Период его пребывания на Святом престоле последовал вскоре после Тридентского собора (1545—1563), на котором католические догмы получили свое нынешнее выражение. Взойдя на папский престол в 1572 г., одной из главных своих задач Григорий XIII считал прозелитизм и строительство иезуитских коллегий и семинарий. Благодаря его поддержке были основаны или же продолжали функционировать следующие иезуитские учебные заведения (не считая тех, что находились в Риме): Английская коллегия в Донаи, Шотландская в Пон-а-Муссон, семинарии в Граце, Вене, Ольмюце, Праге,

Колошваре, Аугсбурге, Милане и еще в пяти городах Европы, а также три иезуитские школы в Японии.

Всего Григорий XIII за время своего понтификата (1572—1585) учредил в Европе 23 григорианские семинарии, прикрепленные к коллегиям; последние же, в свою очередь, содержались на средства папы. Миссионерство и прозелитизм при Григории XIII достигли значительного размаха: он, в частности, пытался склонить к католицизму и русского царя Ивана IV Грозного²⁴³.

Японские посланцы прибыли ко двору Григория в последние дни его жизни. Их приезд стал важной вехой, можно сказать, венцом его деятельности — недаром даже новейшая электронная «The Catholic Encyclopedia» утверждает, что «самым счастливым событием за время пребывания папы Григория на Святом престоле был приезд четверых японских послов, прибывших в Рим 22 марта 1585 г. и... явившихся, чтобы выразить благодарность папе за отеческую заботу, поскольку это он направил в Японию миссионеров-иезуитов, открывших японцам учение Христа».

Упомяну еще одно важное обстоятельство: среди святых мест, которые японские посланцы осматривали в Риме, было одно, произведшее на них сильнейшее впечатление и связанное с Польшей. Это была маленькая церковь Сант-Андреа аль Квиринале, шедевр выдающегося архитектора и скульптора Лоренцо Бернини, где в мраморной гробнице хранился прах Станислава Костки, польского дворянина, который сначала учился в Вене, потом, почувствовав духовное призвание, по собственному решению оставил Венский университет, перешел Альпы и Аппенины, добрался до Рима и стал одним из первых послушников иезуитского ордена. Через 10 месяцев после этого он скончался в возрасте 17 лет и 8 месяцев и был довольно скоро причислен к лику святых за его духовные подвиги, визионерство и пророческий дар.

Как рассказывает об этом Юки Рёго²⁴⁴, молодые японские паломники увидели в примере Станислава Костки собственное предназначение. Вечером того же дня все четверо попросили об аудиенции у Клаудио Аквавивы, тогдашнего

Генерала Ордена иезуитов, и объявили о своем желании остаться в Риме и принять послушничество. Похвалив их за это решение, Аквавива все же напомнил им, что их миссия еще не окончена, по завершении ее они должны вернуться в Японию, и если и тогда их решение не изменится, то им надлежит посоветоваться о дальнейших шагах со своим духовным отцом падре Валиньяно.

По крайней мере для одного из четверых, Накаура Джулиана, день посещения гробницы Станислава Костки, как видно, определил всю его дальнейшую жизнь подвижника, завершившуюся гибелью за веру. Но и для всех остальных, единодушно пожелавших в тот день принять постриг по примеру Станислава Костки, образ их польского ровесника явно оказался особенно значимым. Кто знает, может быть, это посещение гробницы предшествовало встрече с Мацевским (или даже каким-нибудь образом было связано с нею?), может быть, именно под влиянием этого события они немедленно взялись за исполнение просьбы польского епископа?

Все путешествие до Европы и обратно заняло у японских посланцев восемь с половиной лет. Тем временем преемник Григория XIII папа Сикст V стал проводить решительные реформы, Рим украсился новой архитектурой, становясь все более барочной столицей, сила и авторитет папства росли с каждым днем. В Японии же происходили перемены в противоположном направлении — покровительствовавший миссионерам Ода Нобунага был осажден в своем доме войсками противников его режима и погиб всего через четыре месяца после отплытия японских юношей из Нагасаки, а ставший во главе Японии Тоётоми Хидэёси, напротив, открыл эру гонения на христиан. В 1587 г. он издал эдикт об изгнании всех христиан с территории страны, правда, сначала никто этому не внял. В 1596 г. по его приказу был конфискован испанский галеон «Сан Фелипе», а на следующий год 26 человек — японских христиан и иностранцев — подверглись по приказу Хидэёси мученической смерти — все они были распяты.

Как весьма лаконично сообщает некий «аббат Милот», чье сочинение было переведено и опубликовано в России в конце XVIII в., «в 1585 г. ...Римская церковь и Езуиты торжествовали. Между тем император Японской, около сего времени, беспокоясь о приращениях христианския веры и боясь, чтобы христиане не причинили им возмущения в государстве или некоторого нападения от чужестранцов, запретил под смертной казнию отправление веры сея»²⁴⁵. Собственно говоря, в России об ужасах гонений на христиан в Японии впервые узнали еще раньше, в 1734 г., когда в Петербурге был сделан перевод-компиляция «Описание о Японе»²⁴⁶, содержащий рассказ о Японии и ее нравах и обычаях, а также повествующий о трагической участи японских христиан и их пастырей-европейцев.

Судьбы молодых японских посланцев, благополучно добравшихся домой, но по прошествии некоторого времени, подобно Урасима Таро (японский Рип ван Вилкль), обнаруживших, что попали словно в другую страну, известны не очень подробно. Один из них, ставший священником, принял мученическую смерть за приверженность христианской вере — это был тот самый Накаура Джулиан, который, согласно хроникам, по дороге в Рим заболел, и когда он, мучимый лихорадкой и жаром, предстал перед папой Григорием XIII, папа обнял его и проявил такую отеческую заботу и тревогу о здоровье юноши, что тот был потрясен до слез. Известно, что через несколько дней, всего за несколько часов до смерти папа справлялся о его здоровье.

5. Епископ Бернард Мацеевский в Ватикане и в Речи Посполитой

Итак, в какой-то из дней весны-лета 1585 г., когда четверо японских юношей в сопровождении Валиньяно и взрослых спутников-японцев находились в Риме, с ними встретился живший в то время в Риме посланник польского короля Бернард Мацеевский. И не только встретился, но и попросил их написать для него по-японски образцы переводов из Библии.

Кто же такой был Бернард Мацевевский?

Скажем сразу, что человек он был незаурядный, он оставил по себе память в самых разных областях культуры Европы, не говоря уже о Польше как таковой.

Бернард Мацевевский²⁴⁷ родился в 1548 г. в восточной части Польши, в городе Люблине, имеющем давнюю историю: здесь находилась одна из древнейших в тех краях католических церквей, относящаяся еще к 986 г., королевский же замок в Люблине датируется 1115 г. В 1241 г. город был разрушен монголами.

Род Мацевевских был и знатным, и богатым, из него вышло несколько ярких людей, сыгравших видную роль в истории Польши. Отец Бернарда Мацевевского, к концу жизни бывший кастеляном Люблинского замка, тоже Бернард, умер в 1551 г., и герой моего повествования воспитывался в доме дяди — Станислава Мацевевского. Еще один его дядя — Самуэль — был известным церковным деятелем, епископом Краковским. Бернард Мацевевский получил незаурядное домашнее образование — одним из его наставников был Бенедикт Хербест (1531—1593, в русских, украинских и белорусских исторических исследованиях его фамилия пишется как Гербест²⁴⁸), иезуит, филолог, известный педагог, реформировавший систему среднего образования в стране, впоследствии ректор Ярославской иезуитской коллегии в Галиции и теоретик объединения греческой и католической церквей.

Однако дядя Станислав тоже умер в 1551 г., и тогда мать Бернарда (вероятно, это была Эльжбета из рода Каменецких), одно время служившая при дворе Анны Ягеллонской, отправила его в Вену, где он обучался в иезуитской семинарии, а также был принят при дворе Фердинанда III и Максимилиана. Видимо, около 1566 г. он вернулся в Польшу. В годы правления короля Сигизмунда-Августа (1548—1572) начал военную карьеру в ранге придворного хорунжего (1570). После смерти бездетного Сигизмунда монархия в Польше становится выборной, однако избранный сеймом король Генрих Валуа-Ангулемский, брат

французского короля Карла XI, через год покинул Польшу, и на престол был избран венгерский военачальник Стефан Баторий. Мацеевский сблизился с молодым королем, принял участие в ряде кампаний Ливонской войны и даже выставил за свой счет вооруженный полк. Он участвовал в военных действиях с 1579 по 1581 г.

В этот период Мацеевский сблизился со знаменитыми католическими деятелями Петром Скаргой и Станиславом Хозием²⁴⁹, под влиянием их проповедей оставил военное дело и свою должность бориславского старосты, которая ему была жалована за заслуги в 1579 г. Свои владения он передал в дар иезуитской коллегии в Люблине²⁵⁰ и перешел в духовенство, что вовсе не означало отстранения от политической жизни, скорее наоборот — давало возможность занять видное место в политических событиях эпохи.

В 1582 г. он по совету Антонио Поссевино²⁵¹ — кстати говоря, папского легата в Московии — отправился в Италию, изучал там теологию, жил в Милане, потом в Падуе, в 1583 г. переехал в Перуджу, затем, с февраля 1584 г., занимался теологическими разысканиями в Collegium Romanum в Риме, где и был посвящен в духовный сан в 1585 г. Он вернулся в Польшу весной 1586 г., т. е. на следующий год после посещения Ватикана японскими послами.

После смерти Стефана Батория началась кампания по выборам нового польского короля. Мацеевский оказал поддержку Сигизмунду III Вазе, который, получив престол, весьма поспособствовал получению Мацеевским в 1588 г. сана епископа Луцкого и Брестского (выбор епархии был неслучаен: по некоторым данным, именно Мацеевский был инициатором создания миссии иезуитов в Луцке). На своем новом посту Мацеевский проявил себя не только приверженцем иезуитов, но и страстным реформатором: ради улучшения церковных дел он часто навещал подведомственные ему приходы и созывал епархиальные советы.

В 1591 г., оценив его заслуги, король пожелал поставить его епископом в Вильне, однако Мацеевский был тогда отвергнут местным капитулом, литовскими магнатами

и дворянством, желавшим епископа-литовца, что было во все не удивительно в обстоятельствах религиозной борьбы и этнокультурных движений, которые разворачивались на литовских землях в конце XVI — начале XVII в.²⁵²

23 мая 1600 г. Мацевский, выдвинутый папой, стал епископом Краковским. Тогда же он написал свое знаменитое «Послание пастыря» «List pasterski», ставшее первым пособием для польских католических священников. Вообще он автор многих богословских трудов²⁵³; примечательно также, что именно ему предлагалось выступить от имени католической церкви на диспуте с константинопольским патриархом Иеремией в 1588 г., когда патриарх посещал некоторые земли в пределах Польско-Литовского государства. Расчет при этом был такой: «Если патриарх будет побежден на диспуте, то это даст основание православным, сочувствующим делу унии, отделиться от восточной церкви, если же он уклонится от диспута, то это подорвет его авторитет в глазах православных и облегчит, разумеется, их переход в унию»²⁵⁴. Диспут не состоялся, но выбор Мацевского в качестве главного диспутанта говорит сам за себя.

Как и большинство епископов того времени, Бернард Мацевский сочетал пастырские и политические функции, в частности, представлял польский престол в Риме, участвовал в сейме, посредничал в разных сложных политических ситуациях, закладывал семинарии и часовни и т. п. В 1603 г. он издал первый в Польше (ставший образцом для последующих эпох) «Index librorum prohibitorum», куда кроме книг, рекомендованных к запрещению Римом, включил еще и «Index auctorum et librorum prohibitorum in Polonia editorum». За заслуги в поддержании духа Тридентского собора в том же 1603 г. папа Климент VIII (1592—1605) назначил Мацевского кардиналом с титулом Sancti Ioannis ante Portam Latinam. Вскоре Мацевский занял место чуть ли не высшего сановника в государстве. Во многом он соглашался с планами и политикой короля, однако время от времени выражал и свое несогласие, что, по-видимому, все чаще вызывало августейшее раздражение.

31 июля 1606 г. Мацевевский стал архиепископом Гнезненским (примасом польской церкви), заняв высшее положение в церковной иерархии страны. Правда, при этом он хотел сохранить за собой и краковское епископство, но это ему не удалось, и епископство пришлось передать, получив от преемника значительные отступные.

При нем в Кракове был построен собор Св. Иоанна Крестителя и Св. Иоанна Евангелиста, начато строительство первого в Польше монастыря Ордена камальдолийцев. В 1602 г. он основал в Кракове (на Вавеле) духовную семинарию. С его именем связаны и легенды о чудесах — так, он немало содействовал культу св. Кунигунды (Кинги); как сообщают источники, в 1603 г. он совершил паломничество к ее мощам, вследствие чего излечился от тяжелой болезни²⁵⁵. Российскому читателю, вероятно, интересна была бы такая деталь его биографии: это именно он совершал обряд обручения Лжедмитрия (рег просига — в лице его представителя Власьева) с Мариной Мнишек²⁵⁶, тем более что Ежи (Юрий) Мнишек приходился ему близким родственником, а стало быть, и с его дочерью Мариной он был в родстве. В то время папа Павел V писал королю Сигизмунду III, что он убежден в том, что Димитрий, принявший католическую веру еще до своего успеха, останется ей верным и со временем распространит ее на Руси. Кардиналу Мацевевскому папа предписывал уговорить воеводу Мнишека всемерно укреплять в Самозванце приверженность католичеству²⁵⁷.

Мацевевский умер 19 января 1608 г., будучи и папским нунцием, и легатом в Речи Посполитой, и кардиналом-пресвитером, не говоря уже о других его регалиях. Он похоронен в Кракове в костеле на Вавеле рядом со знаменитым епископом Ежи (Юрием) Радзивиллом, Петром Скаргой и Станиславом Хозием. Пожалуй, его можно назвать одним из выдающимся польских церковных деятелей того времени — недаром и нынешний папа Иоанн Павел II во время своей поездки по Польше в 1999 г. упомянул его в своей проповеди²⁵⁸ в числе священнослужителей, которые останутся не только в истории церкви, но и в польской истории, и в истории ее культуры.

Современные биографы Мацевевского пишут: «Он оставил память по себе прежде всего как деятель церкви, реформатор Костела Польского в духе постановлений Тридентского собора, поборник Контрреформации. Он не сыграл особо значительной роли в политике. Недоброжелатели упрекали его — возможно, не без оснований — в амбициозности и корыстолюбии. В отличие от прочих влиятельных епископов первого десятилетия XVII в. он не принадлежал к числу приверженцев абсолютизма и пытался лавировать между королем, по отношению к которому соблюдал лояльность, и шляхтой»²⁵⁹.

Надо сказать, что Мацевевский остался в памяти не только польской культуры — его имя с весьма неоднозначными оценками можно встретить и в российских, и в белорусских, и в украинских, и в литовских исследованиях²⁶⁰. Причина — в главном деле его жизни, в организации так называемой Брестской унии. Как писал папа Климент VIII в своей булле от 23 декабря 1595 г., Мацевевскому принадлежит одна из главных заслуг в успехе этого предприятия. Мацевевский и в самом деле сделал чрезвычайно много для образования греко-католической, или так называемой униатской церкви. Он стоял у самых истоков этого предприятия — так, еще в 1588 г. согласно указаниям папы всего лишь несколько избранных им лиц начинают подготовку унии, и эти лица — «луцкий католический епископ Бернард Мацевевский, иезуит Скарга, папский нунций Аннибал, с православной стороны — Потей, потом Терлецкий и другие»²⁶¹.

Активная роль Мацевевского в подготовке унии отмечается во многих работах, и не только католические или светские, но даже и некоторые православные авторы отмечают, что он, как правило, придерживался в области политики умеренных взглядов и «всегда стремился достичь компромисса»²⁶².

Таким, говоря вкратце, был человек, которому пришлось в голову обратиться к одному из японских послов с просьбой написать для него перевод на японский язык нескольких стихов из Библии.

Получив выполненный перевод, Мацеевский, примерно через год или около того уезжая в Польшу, увез с собой этот документ, надо думать, вместе со многими другими вещами, книгами и рукописями, собранными им за годы жизни в Италии.

6. Находка документа

Рассказ о том, как, собственно, был обнаружен этот перевод, написанный скорописными иероглифами и латынью тушью на красной бумаге (со временем выцветшей до желто-розового цвета), сам по себе тоже по-своему любопытен — как цепь редких совпадений и счастливых случайностей.

Итальянские источники, а также японские и польские материалы позволили собрать сведения об основных персонажах нашей истории (часть этих материалов приведена выше), но ничего не прибавили к поискам утраченного документа.

Не больше пользы поначалу было и от Интернета. Впрочем, в какой-то момент, разглядывая в электронном каталоге библиотеки Ягеллонского университета в Кракове сканированные воспроизведения старых рукописных карточек с названиями книг Бернарда Мацеевского, я увидела там одну карточку, написанную почерком, как мне показалось, похожим по стилю на почерк записки, обнаруженной мной в японском музее. А вдруг ту записку о японском переводе и эти карточки писал один и тот же библиограф этого университета, лет, например, 100 назад?

Эта надежда побудила меня отправить запрос в дирекцию библиотеки Ягеллонского университета. Так началась моя переписка с отделом рукописей этой библиотеки, продолжавшаяся полтора года. Приведу некоторые выписки из полученных из Кракова писем:

19 мая 2000 г.

«<...> Извещаю Вас, что в собраниях Ягеллонской библиотеки нет рукописи, содержащей перевод Священного Писания на японский язык. В нашей Библиотеке никогда не

было книг и рукописей, переданных в дар от кардинала Бернарда Мацеевского. Может быть, мы могли бы Вам помочь, если бы Вы согласились указать источник Вашей информации. Зав. отделом рукописей Анна Козловска».

6 июня 2000 г.

«<...> Ваше предположение относительно записки, найденной Вами в старой итальянской книге, удалось подтвердить. В инвентарной книге нашей библиотеки за 1840 г. в разделе «Разное» на стр. 128–129 нашлась следующая запись:

“Табличка серебряная, под стеклом лист красной бумаги, на котором на латыни и по-японски написаны два фрагмента из псалмов Давида. Табличка увенчана монограммой и гербом Бернарда Мацеевского”.

Однако последняя по времени запись, подтверждающая, что табличка находилась в хранении нашей библиотеки, относится к 25 июля 1906 г. После этой даты табличка в наших инвентарных списках уже не фигурирует. <...> Очень жаль, что такая интересная и, вероятно, красивая вещь пропала, но, как Вы понимаете, от 1906 г. нас отделяют две войны. То есть времени прошло немало, и многое за это время случилось — *habent sua fata libelli*. Зав. отделом рукописей Анна Козловска».

Я была рада и этому. Запись в инвентарной книге середины XIX в. подтверждала мои предположения о факте встречи Мацеевского с японскими посланниками и даже давала некоторое представление об утраченном документе. Понятно было также, что теперь след его потерян, серебряная табличка или уже не существует, или находится у неизвестного владельца, и найти ее практически нет шансов.

Со времени того письма прошло около полутора лет. И вдруг однажды утром я обнаружила в своей электронной почте послание из Ягеллонской библиотеки, датированное 13 августа 2001 г., где говорилось:

«<...> Это я в мае и июне прошлого года производила поиски по Вашему запросу касательно серебряной таблички с фрагментом псалмов Давида в переводе на японский язык, полученной в дар от епископа Бернарда Мацеевского. В нынешнем же году, во время очередной инвентаризации нашего хранения мы обнаружили, что табличка более 400 лет спокойно лежала на месте в ожидании "своего открывателя". Если Вы все еще интересуетесь этой проблемой, библиотека выполнит для Вас и пришлет цветные фотографии данного объекта. Однако это возможно будет осуществить только после необходимых работ, связанных с очисткой объекта.

Д-р Люцина Новак, заведующий отделом рукописей Ягеллонской библиотеки».

Такова вкратце история обнаружения этого перевода XVII в., фотографию которого через два месяца после процитированного выше послания я получила вместе с официальным письмом от заместителя директора Ягеллонской библиотеки доктора Здзислава Петшика. Фотография публикуется здесь же, размеры таблички, согласно данным доктора Новак, следующие: общая высота 19,5 см, высота прямоугольной части 13,5 см, ширина — 11,5 см. В верхней части рамки можно различить латинские буквы *VM* — вензель Бернарда Мацеевского и изображение осла.

На обратной стороне высечена надпись: «*Hanc Japponcus Regum A. D. MVLXXXV (sic) ad Greg[orium] XIII P. M. Oratorum adinstant[iam] suam manu et charact[erae] Romae scriptam tabellam regius tunc ad S. Sed. Apo. Leg. Ill. Revm[us?]que DD. Bernardus Maciejowski Episc. Luceor. post in Acad. Cracov. Biblioth. sui erga illam magni amoris indicium ad memoriam posteritatis extar (sic) voluit A. D. MDIC*»²⁶³.

Что же касается латинского и японского текста на лицевой стороне табличке — главной ценности этой находки, то они представляют собой начальные строки из двух псалмов Давида. Латинский текст:

Псалом 92, 1:

Dominus regnavit, decorem indutus est, indutus est Dominus fortitudinem et praerexivit se
(Господь царствует; Он облечен величием, облечен Господь могуществом и препоясан).

Псалом 116, 1–2:

Laudate Dominum omnes gentes, laudate eum omnes populi; quoniam confirmata est super nos misericordia eius et veritas domini manet in aeternum
(Хвалите Господа, все народы, прославляйте Его, все племена; ибо велика милость Его к нам, и истина Господня вовек).

Привожу японские переводы как можно более буквально:

Псалом 92:

Господин Неба вершит владычество.

Псалом 116:

Все люди должны восхвалять Бога [яп. *Дэусу*], все люди.

Разумеется, встает вопрос о том, кем именно и по каким критериям были выбраны для перевода эти два псалма, но для точного ответа данных пока явно не хватает. Скорее всего, латинский текст выбрал и написал Мацеевский и передал японцам уже приготовленный для них лист красной бумаги с текстом. Это мое предположение основывается на том, что японские переводы соответствуют только первым словам латинских цитат из гимнов, остальное явно попросту не поместилось. Если бы и латинский и японский тексты писали японцы, они, вероятно, рассчитали бы место для обоих текстов.

Выбор псалмов, вероятно, тоже неслучаен, хотя и здесь говорить можно лишь предположительно. Псалом 116 в католической литургии включен в утреннюю молитву Литургии

Часов и в Часослове носит название «Призыв хвалить Бога за Его любовь». Это, во-первых, самый краткий псалом в Псалтири — вероятно, немаловажное достоинство применительно к размерам документа. Во-вторых, надо думать, Мацеевского привлекло и содержание псалма, поскольку в нем сказано: «Хвалите Господа, все народы, прославляйте Его, все племена» — этот ярко выраженный «интернациональный аспект» мог показаться Мацеевскому как нельзя более подходящим к случаю.

Что же касается другого текста, то Псалом 92, «Хвалебная Песнь о величии Господнем — Хвалы Воскресенья 3-й недели», который Литургия Часов предлагает для вечерних восхвалений понедельника третьей недели, — один из наиболее часто цитируемых и толкуемых в богословской литературе псалмов, его нередко соотносят с Христом. О нем говорили и Ориген, и св. Августин, и св. Григорий Назианзин. Есть, конечно, соблазн попытаться связать по времени чтение этого псалма в литургии и дату встречи Мацеевского с японцами, однако прямых указаний на эту связь, разумеется, нет.

Следующий вопрос — чья именно рука взяла кисть, чтобы написать эти каллиграфические строки. Здесь с большой степенью вероятности можно утверждать, что японскую часть начертал Накаура Джулиан. Дело в том, что от периода пребывания посольства в Японии уцелел один текст, который до сих пор хранится в Ватикане: по пути обратно, 28 июня 1585 г., японцы прибыли в Венецию, в тот же день были приняты венецианским дожем и обменялись подарками с ним, а 6 июля, перед тем как выехать в Падую, передали дожу благодарственное письмо от имени японской миссии, — написанное по-японски, с помещенным слева итальянским переводом²⁶⁴. Очень похоже на то, что этот текст письма дожу, написанный, как предполагается, рукой Накаура, и отысканный в Кракове перевод псалмов написаны одним и тем же почерком, — хотя, разумеется, наверняка об этом может судить лишь эксперт в соответствующей области.

Остается также неизвестным, в какой именно из дней марта-июня 1585 г. произошла встреча Мацеевского с япон-

скими посланцами, поэтому трудно судить, предпринял ли он специальное посещение резиденции японских юношей или более или менее случайно встретился с ними в Ватикане.

Еще один любопытный и не вполне ясный момент — вопрос о том, каким образом в книге Гвалтьери оказалась та памятка, с которой началась вся эта история. Можно предположить, что сама книга, ныне хранящаяся в японском музее, тоже была привезена некогда Мацеевским из Италии и вместе с табличкой стала частью его дара Ягеллонскому университету (тогда Краковской Академии наук). Когда именно эта книга попала в Японию, к токийскому букинисту, и какова была история ее предшествующих скитаний — неведомо. Надо сказать, что итальянские издания XVI в., рассказывающие о японской миссии эры Тэнсё, довольно давно являются объектом интереса крупных японских библиотек и букинистов — так, раньше я уже упоминала один из выпусков *cinquescento*, информирующих о прибытии японской миссии в Рим и содержащих краткое описание Японии: «*Iaponiorvm Regvm Legatio, Romae coram summo Pontifice, Gregorio XIII. 23. Martij habita: Anno: 1585. Addita etiam est breuis in calce descriptio Insulae Iaponicae. Romae, apud Franciscum Zannetum, Et Bononiae, apud Alexandrum Venatium, Et Cracoviae, in Officina Lazari, Anno Domini: 1585*». Один из экземпляров этого редкого издания хранится в настоящее время в библиотеке Японского парламента, причем на титульном листе отчетливо пропечатан экслибрис Института Оссолиньского (один из старых польских институтов, основанный во Львове еще в 1817 г., а после окончания Второй мировой войны переведенный во Вроцлав, куда была перевезена и часть обширной коллекции книг, рукописей, карт и монет, — другая часть осталась во Львове, отошедшем к Советскому Союзу). Под экслибрисом в картуше помещен старый штамп «*Wtórót*», т. е. дубликат. Очень вероятно, что книга Гвалтьери подобным же образом имелась в библиотеке Ягеллонского университета в двух экземплярах и в какой-то период один из них был выставлен на продажу, а записка о серебряной табличке так и осталась лежать в ней.

Сама же серебряная табличка покрылась наслоениями пыли и потемнела настолько, что без той памятки библиографа невозможно стало понять ее происхождение и значение. Но это, разумеется, только моя гипотеза.

В цитированной выше книге Луиса Фройса, где Япония описывается как страна «наоборот» по сравнению с Европой, есть раздел, где сопоставляются (вернее, противопоставляются) системы графики, манеры писать, читать, отправлять письма, пользоваться пером/кистью, чернилами/тушью и т. п. В частности, там говорится: «Мы пишем горизонтально, слева направо, а они — вертикально, справа налево». «Там, где в наших книгах кончается последняя страница, у них книга только начинается»²⁶⁵.

Завершая этот раздел, я хотела бы выразить надежду, что написанное здесь действительно окажется началом, и найденный документ позволит разглядеть новые обстоятельства, лица и вещи, связанные с этой извилистой историческо-географической цепочкой событий²⁶⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

²¹⁹ *Relazioni della venuta degli ambasciatori Giaponesi a Roma fino alla partita di Lisbona*. In Roma: Per Francesco Zannetti, 1586. Интересно, что в 1933 г. вышел японский перевод этой книги, сделанный Киносита Мокутаро, известным японским поэтом и писателем, который, побывав на островах Амакуса, увлекся историей первой японской миссии в Европу и трагической судьбой японских христиан и решил перевести эту книгу на японский язык.

²²⁰ См., например: Э. Т. Ким. Недолгое свидание. Христианская миссия в Японии (1549–1614); Ф. Ксавье. Письмо в штаб-квартиру ордена / Пер. Э. Т. Ким // Книга японских обыкновений / Сост. А. Н. Мещеряков. М.: Наталис, 1999. (Восточные арабески). С. 218–251.

²²¹ Гоа — бывшая португальская колония на западном побережье Индии, в те времена один из форпостов католических миссионеров.

²²² См., например, критическое издание его японской истории 1585 г.: *Historia de Japam* / Luís Fróis; edição anotada por José Wicki. 1a. ed. *Historia de Japam* / Luís Fróis; edição anotada por José Wicki. [Lisboa]: Presidência do Conselho de Ministros, Secretaria de Estado da Cultura, Direcção-Geral do Património Cultural, Biblioteca Nacional de Lisboa, 1976–1984. V. <1–5>.

²²³ Титул рукописи в оригинале — «Tratado em que se contem muito susintae abreviadamente algumas contradições e diferenças de costumes antre a gente de Europa e esta provincia de Japão» (Трактат, в котором много рассказывается в кратком виде о некоторых расхождениях и различиях в обычаях между европейцами и обитателями Японского государства). Эта неожиданно обнаруженная рукопись, датированная 1585 г., вызвала большой интерес в Европе, см., например, ее французский перевод с предисловием К. Леви-Стросса: *Européens et Japonais: le traité sur les contradictions et différences de moeurs entre les deux peuples écrit en 1585 par le r.p. Luis Frois* / Preface de Claude Lévi-Strauss. Paris: Chandeigne, 1998.

²²⁴ *Ручису Фройсу*. Ёроппа бунка то нихон бунка. Окада Акио яку. Иванами бунко. 17-е изд. Токио, 1999. С. 20, 87, 155, 49.

²²⁵ В этом рассказе падре Органтино, прогуливаясь в роще, внезапно воочию видит перед собой сцену сокрытия богини солнца Аматэрасу в «Каменной Пещере Неба» (знаменитый сюжет, зафиксированный в японских мифологических сводах) и обряды,

совершаемые другими божествами, чтобы заставить ее выйти оттуда.

²²⁶ См., например: А. Валиньяно. Предупреждения и предостережения по поводу обычаев и нравов, распространенных в Японии // Книга японских обыкновений. С. 251—306.

²²⁷ Л. М. Ермакова. Описание Японии в старописьменной русской культуре XVII в. // Acta Slavica Iaponica. 18. Sapporo, 2001. S. 197. Приведенная цитата — наше переложение на современный русский язык фрагмента рукописной книги «Козмография, сиречь всемирное описание земель в едино пребывание и назнаменование степенем во округах небесных», факсимильное издание: Р. Коста. Eine Russische Kosmographie aus dem 17. Jahrhundert. Sprachwissenschaftliche Analyse mit Textedition und Faksimile. (Specimina Philologiae Slavicae; Bd. 40). München, 1982; подробнее см. в первой части настоящей книги.

²²⁸ Там же. С. 197. Цитируется в осовремененном виде по изданию рукописной книги: Козмография, сиречь описание сего света земель и государств великих. Написана бысть сия книга, глаголемая география, сиречь земли описание, в 7178 лето в 4 дне иянуария месяца, в Холмогорах // Временник Общества любителей древностей. СПб., 1878—1881. С. XXI—LVII—LXVIII.

²²⁹ С того периода в японском языке осталось множество португальских слов и европейских обычаев, правда, и те и другие во многих случаях японизировались, и подчас только историки отдают себе отчет в том, что эти слова или обыкновения сформировались под влиянием намбандзин, «южных варваров» (первоначально японцы, в подражание китайцам, называли так тайцев и филиппинцев, и это же слово пригосудилось потом для обозначения португальцев и испанцев, пришедших в Японию с той же южной стороны). Один из примеров сегодняшнего дня — до сих пор рыба под маринадом называется в Японии «намбан-дзукэ», «маринад южных варваров», это более чем явный след португальско-испанского влияния. Более сложный, хотя и более спорный случай — обычай жарить рыбу и овощи во фритюре, т. е. популярное японское блюдо под названием «темпура», которое, по мнению некоторых историков, восходит к португальскому слову *templo*, «молельня», «христианская церковь», таким образом указывая на источник заимствования кулинарной технологии (есть и другие толкования этого слова, но все они восходят к лексическим заимствованиям этого периода).

²³⁰ Ода Нобунага (1534—1582) — полководец, принадлежав-

ший к аристократическому роду Фудзивара. Ему удалось свергнуть сёгунат Асикага, покончить с раздробленностью страны и начать ее объединение под своей властью.

²³¹ Я. Н. Мараш. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569–1795). Минск, 1971. С. 57.

²³² Нихон-но намбан бунка (Культура «южных варваров» в Японии). Киото: Танкося, 1993. С. 77.

²³³ Описания их подготовки и самого путешествия представлены во множестве исследований. См., например, работу одного из наиболее авторитетных специалистов: Мацуда Киити. Ситан Тэнсё: кэнъо: сисэцу (Историческая сага. Миссия в Европу эры Тэнсё). Токио, 1977; а также одну из новейших работ на эту тему: Вакакува Мидори. Куатро рагацци. Миссия юношей эпохи Тэнсё и мировые империи. Токио: Сюэйся, 2003.

²³⁴ Даты даны по последнему изданию монографии: Мацуда Киити. Тэнсё: кэнъо: сисэцу (Миссия в Европу эры Тэнсё). Ко:данся, Токио, 1999. С. 411–417.

²³⁵ Мацуда Киити. Указ. соч. С. 266–267.

²³⁶ A. Boscaro. Sixteenth century European printed works on the first Japanese mission to Europe: A descriptive bibliography. Leiden, 1973.

²³⁷ Breue Relatione del Consistoro Pvblico, Dato a`gli Ambasciatori Giapponesi dalla buona memoria della Santità Papa Greg. xiiij. in Roma, il di 23. di Marzo 1585. Con l'arriuo fatto in Pisa, & la riceuuta fattagli da S. A. S. per tutto il suo felicissimo Stato. Et di nuouo baciati li piedi alla Santità di Nostro Signore Papa SistoV. In Firenze: Dalle Scalee di Badia, 1585. Con licensia de' Superiori.

²³⁸ См., например, французское издание: Actes exhibez publiquement au consistoire par nostre Sainct pere Gregoire Pape XIII. aus Ambassadeurs des Roi du Japon à Rome, le XXIII. Mars 1585 / Avec un petit recueil des Japponois, & de leur pais, mis en François par M. G. Thourin: Liège, 1585. Или же по-немецки: Warhafftiger Bericht / Von den Newerfundnen Japponischen Inseln vnd Königreichen, auch von anderen zuvor vnbekandten Indianischen Landen: Darinn der heilig Christlich Glaub wunderbarlich zunimpt vnd auffwächst. Neben dem allen erfindet sich in diser Edition gründliche anzeygung von der Japponischen Legation newlich gehn Rom ankommen <...> Durch Renvvardum Cysatum, Burgern zu Lucern <...> Fribour: Gemperlin, 1586.

²³⁹ Из знаменитого атласа А. Ортелиуса «Театр земного круга», изданного в Антверпене в 1570 г.: Theatrum Orbis Terrarum.

[Editio princeps]. Auctoris aere & cura impressum absolutumque apud Aegid. Coppenium Diesth, Antverpiae XX Maii 1570.

²⁴⁰ Epistola de Legatorum Iaponicorum Orientalium aduentu ad Gregorium XIII. Pontificem Maximum, paucos dies antequam moreretur. Cvm Actis Consistorii publice exhibiti, die 23. Martij. 1585. <...> Excudebar Vilnae Ioannes Velicensis, Anno 1585.

²⁴¹ Relazioni della venvta degli ambasciatori Giaponesi a Roma fino alla partita di Lisbona. In Roma: Per Francesco Zannetti, 1586 (в том же году появилось и венецианское издание книги — Venetia, 1586)

²⁴² Китайские, японские, сиамские, тонквинские и прочие анекдоты, в которых наипаче описываются нравы, поведения, обычай и религии сих различных асийских народов: Пер. с франц. Т. 2. М., 1791. С. 183.

²⁴³ Напомним, что в православной традиции Григорий XIII считается «главным виновником церковной смуты и соблазна» (см., например: *Феофан, архиеп. Полтавский и Переяславский. Краткие канонические суждения о летосчислении // Вертоградъ-Информ. Православный журнал. 1999. № 6*), поскольку это при нем был введен новый, так называемый григорианский календарь, используемый в настоящее время во многих странах мира, но не принятый православной церковью. С точки зрения православия, реформа календаря, проведенная Григорием XIII, есть «само неверие»: «Если бы Римско-католическая Церковь имела эту веру, то она в лице папы и своих ученых пасхалистов не стала бы подвергать изменению канонические правила, положенные в основу нашей старостильной пасхалии, через которые Дух Святый выразил истину, не подлежащую изменению. Мы имеем в виду прежде всего 7-е Апостольское правило: “Аще кто, епископ, или пресвитер, или диакон святыи день Пасхи прежде весенняго равноденствия с иудеями праздновати будет: да будет извержен из священнаго чина”» (*Деяния совещания глав и представителей автокефальных православных Церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви. Москва. 8–18 июля 1948 г. Стенографический отчет доклада «Храните старый стиль». Изд-во Почаевской Лавры, 2002*).

²⁴⁴ Юки Рёго (р. в 1922 г. в Испании) — католический священник-иезуит Диего Пачеко Лопес де Морла. С 1962 г. до нынешнего времени — директор Мемориала 26 христианских мучеников в Нагасаки, автор многочисленных работ по истории католичества, а также по истории христианства в Японии. В 1978 г. он принял

японское подданство и имя. Данные о Костке приводятся на основании его публикаций — как книжных, так и электронных, см., в частности: <http://www.jesuits.or.jp/pakaura.htm>.

²⁴⁵ О состоянии Азии и Новейших временах Китая, Японии, Персии и Мунгалии в последние времена / Из Аббата Милога перевел с французского на русский язык Иван Иконников. В СПб., 1784. С. 29.

²⁴⁶ Описание о Японе, содержащее в себе три части, т. е.: известие о Японе и вине гонения на христиан; историю о гонении христиан в Японе и последование странствования Генрика Гагенара, которое исправною ландкартою и нарядными фигурами украшено: В 3 ч. СПб., 1734.

²⁴⁷ Фрагментарные сведения о Мацеевском можно найти в большом количестве изданий, посвященных истории Польши, а также истории католической церкви. Исследования же, посвященные ему одному, немногочисленны. Биография Бернарда Мацеевского, например, изложена в следующих источниках: *A. Dicianówna*. Kardynał Bernard Maciejowski, opiekun uczonych i literatów // *Collectanea Theologica*. R. 15. 1934. S. 323–359; *P. Biliński*. Bernard Maciejowski herbu Ciołek (1548–1608) // *Tygodnik Salwatorski*. 1999. Archiwum, Biografie; *J. Korytkowski*. Arcybiskupi Gnieźnieńscy, prymasowie i metropolici polscy. T. 3. Poznań, 1869. S. 654–656; *S. Nasiorowski*. «List pasterski» kard. Bernarda Maciejowskiego. Lublin, 1992, и др.

²⁴⁸ «“Апостолом Руси” української» его иронически именуется М. С. Грушевский, историк и первый украинский президент (1918–1919), в своей фундаментальной «Истории Украины-Руси». Т. VI, разд. 5.

Самая известная работа Б. Хербеста — сочинение на польском языке «Выводы веры костела римского» (1586).

²⁴⁹ Петр Скарга (1536–1612) — известный католический писатель, доктор философии, проповедник, обладавший выдающимся даром красноречия, католический деятель. Стоял у истоков университетской науки в нынешних Литве и Беларуси, будучи первым ректором Академии в Вильне (Вильнюсе), а также первым ректором в Полоцке, когда в 1581 г. Стефан Баторий основал Полоцкий иезуитский коллегиум. Наиболее известные его работы «Жития святых», а также трактат «О единстве церкви Божией» (полное название в переводе «О единстве Церкви Божией под единым пастырем и о греческом от одного единства отступлении, с предупреждением и увещанием русским народам, держащимся

греков», напечатан в Вильнюсе в 1577 г.), теоретик греко-католической церкви.

Станислав Хозий (в русских текстах часто «Гозий») — католический деятель, родился в Вильне, некоторое время председательствовал на Тридентском соборе. Это благодаря ему в Вильне впервые появились иезуиты — около 1569 г., сразу после объединения Литвы с Польшей.

²⁵⁰ *J. Sygański. Listy ks. Piotra Skargi z 1566—1610. Kraków, 1912. S. 133—137. Цит. по: Я. Н. Мараш. Указ. соч. С. 84.*

²⁵¹ Кстати говоря, Поссевино (1534—1611) был хорошо осведомлен о деятельности «блаженного Франциска Ксаверия», тактика которого в Индии и Японии была для него образцом, а о «способах введения в Московию католической религии» он писал папе следующее: «Прежде всего, по-видимому, надо основать семинарию, что показало бы всему миру отеческую заботу Вашего Святейшества о русских. Возведению этого священнейшего здания помогли бы люди дела (без которых Господь не делает никогда ничего подобного)»: *А. Поссевино. Исторические сочинения о России. М., 1983. С. 36—37.*

²⁵² См., например: *J. Ochmański. Historia Litwy. Wrocław; Warszawa; Kraków. 1990. S. 136—137.*

Лев Сапега (1557—1633), литовский канцлер, виленский воевода и великий гетман литовский, писал в те времена королю Сигизмунду III, что для него вопрос стоит так: «Или умереть, или добиться, чтобы епископом Вильнюса стал литовец»: см., например, *N. Statkus. On ethnicity of magnates in the Grand Duchy of Lithuania (1434—1582) // «Artium Unitio». Sociologų ir humanitarų žurnalas. Vilnius, 1999. № 8.* Примечательно, что сам Лев Сапега первоначально был православным, впоследствии воспринял идеи Реформации, а в конце жизни стал католиком. Был одним из организаторов Брестской унии 1596 г., объединившей на территории государства православную и католическую церкви при главенстве Папского престола.

²⁵³ В библиотеке Ягеллонского университета среди полутора десятков изданий проповедей и речей Мацеевского хранится такое, например, издание этого послания на латыни: «*Epistola Pastoralis, Bernardus Miserationes Divina, tit. S. Ioannis ante Portam Latinam I.R.E. Presbiter Cardinalis, Maciejowski nuncipatus, Archiepiscopus Gnesnensis, Legatus Natus Regni Poloniae, Primas et Primus Princepi etc.*», вышедшее в 1607 г. еще при жизни автора. В частности, под влиянием этого послания в польско-литовских

землях значительно увеличилось число бесплатных больничных приютов, о чем говорится, например, в статье Вайды Камунтавичене: *V. Kamuntavičienė. Parochial hospices in the 2nd half of the 17th century in the Grand Duchy of Lithuania // LCAS (Lithuanian Catholic Academy of Science). Annals. Vol. 17. 1999.*

²⁵⁴ В. А. Беднов. Православная церковь в Польше и Литве (по: *Volumina Legum*). Минск, 2002 (воспроизведение по изданию: Екатеринбург, 1908). С. 143.

²⁵⁵ G. Brożek. Przed kanonizacją bł. Kingi. W poczcie błogostawionych // *Tarnowski gość niedzielny*. 23.08.1998. № 34/257.

²⁵⁶ Обряд этого обручения описан в работах польских церковных историков и биографов, а также, например, в книге Н. И. Костомарова «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей»: «Во время обручения, 12 ноября, Власьев, представлявший лицо государя, удивил поляков своим простодушием и своими московскими приемами. Когда по обряду совершавший обручение кардинал Бернард Мациевский спросил его: не давал ли царь прежде кому-нибудь обещания, посол отвечал: “А почему я знаю? Он мне не говорил этого”. Все присутствующие рассмеялись, а Власьев как будто для большей потехи прибавил: “Коли б кому обещал, то меня бы сюда не прислал”. Благословение его к будущей своей государыне было так велико, что он не решился надеть, как следовало, обручальное кольцо и прикоснуться обнаженной рукой до руки Марины. После обручения был обед, а потом бал. “Марина, — говорит один из очевидцев, — была дивно хороша и прелестна в этот вечер в короне из драгоценных камней, расположенных в виде цветов”».

²⁵⁷ Н. Н. Воейков. Церковь, Русь, и Рим. Минск, 2000, С. 656.

²⁵⁸ См., например, польскую версию проповеди, которую 15 июня 1999 г. огласил за папу в Кракове кардинал Махарский: «*Kraków, 15 czerwca 1999 r. Homilia Jana Pawła II wygłoszona przez kard. Macharskiego*».

²⁵⁹ *Polski Słownik Biograficzny*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1974. T. 19. S. 51.

²⁶⁰ См., например, из наиболее новых исследований: Ю. В. Шевцов. Дезинтеграция культурно-политического пространства Речи Посполитой в 1587–1592 гг. Минск, 1996. (Первое издание — Вильнюс, 1994).

²⁶¹ Я. Н. Мараш. Указ. соч. С. 83, данные почерпнуты из: *Vetera Monumenta Poloniae et Lithuaniae. Gentiumque Finitimarum*.

Historiam Illustrantia. Maximam Partem Nondum Edita ex Tabulariis Vaticanis. Deprompta Collecta ac Serie Chronologica Disposita ab Augustino Theiner. 1585–1696. Reproductio phototypica editione 1860–1864. Osnabrück, 1969. Т. 2. Р. 21–22.

²⁶² Его умеренность признает, в частности, митрополит Макарий: *Макарий (Булгаков), митр. Московский и Коломенский*. История русской церкви. Кн. 5, 6. М., 1996 (на основе издания 1857–1883 гг.). Об этом же пишет, например, и Б. Н. Флоря в: *Б. Н. Флоря*. Подготовка Брестской унии и политика духовной и светской власти Речи Посполитой // Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVIII в. Ч. 1. М., 1996. С. 175.

²⁶³ Привожу этот текст по-русски вместе с благодарностью Е. А. Костюкович, переведшей по моей просьбе этот текст с латинского: «Сие есть скрижаль, собственноручно писанная римской грамотой послом от японского престола, в год 1585 при Григории Тринадцатом Великом Понтифике; впоследствии же Доктором Бернардом Мацеевским, епископом Луцким, некогда при Святом Апостольском престоле выполнявшим обязанность легата, переданная в библиотеку Краковской Академии – в знак его великой милости и на память потомкам по его воле в год 1599».

²⁶⁴ Воспроизведение этого благодарственного письма можно найти в самых разных японских источниках, в том числе и в упоминавшемся труде Мацуда Киити.

²⁶⁵ *Русу Фройсу*. Ёроппа бунка то нихон бунка. Окада Акио яку. Иванами бунко. 17-е изд. Токио, 1999. С. 139–140.

²⁶⁶ Автор пользуется случаем выразить благодарность своим коллегам Софье Мацукава, Накамура Ёсикадзу, Окамото Такао, Оса Сидзуэ, а также Хатакэяма Юсабуро за помощь на разных этапах работы.

В сокращенном варианте эта статья была опубликована по-японски: *Л. М. Ермакова*. Тэнсё кэнъо сисэцу то Порандо. Какусарэта кидзуна (Японская миссия на Запад эры Тэнсё и Польша. Скрытые узлы) // Нихон кэнкю (Японские исследования). Кокусай нихон бунка кэнкю сента киё (Ученые записки Международного Центра по изучению японской культуры). Киото, 2003. № 27.

ПИСЬМА К ОРЕСТУ ПЛЕТНЕРУ

«РУССКИЕ» ПИСЬМА ТАНИДЗАКИ ДЗЮНЪИТИРО

Танидзаки Дзюнъитиро в глазах отечественного читателя — чаще всего носитель «специфически японского» мировоззрения, в чьих книгах запечатлелся «истинно японский» эстетизм и старинные моральные ценности (а также экзотические отклонения от таковых), — вообще разновидности и правила существования прекрасного и безобразного на японский лад. Для многих в этом состоит главное достоинство его произведений, и этим же для некоторых исчерпывается значение его творчества в российском круге чтения.

Будем надеяться, что новые переводы и исследования скорректируют это представление и раздвинут границы нашего восприятия книг Танидзаки. Вероятно, современный читатель, помимо пресловутого «японизма», более отчетливо ощутит, скажем, привкус модернизма в его произведениях, даже самых, казалось бы, культурно замкнутых; почувствует динамизм и напряжение в отношениях писателя с современной ему историей, с западным культурным миром и, не в последнюю очередь, с западными литературными течениями.

Именно об этих отношениях мы и собираемся немного сказать в этой заметке в связи с публикацией ранее неизвестных писем писателя, волей судьбы оказавшихся в нашем распоряжении.

Литераторы поколения Танидзаки были людьми, родившимися вскоре после открытия Японии, после отмены трехсотлетнего запрета на чьи бы то ни было въезды и выезды в страну; эти-то писатели главным образом и стали творцами новой, «другой» японской культуры, ощутившей себя не в изолированном мире, а в атмосфере, так сказать, многолюдного «литературного собрания», включающего участников и посетителей из разных концов света. В литературном контексте этой эпохи, когда островная страна взялась за освоение культуры внешнего мира, в этой новой, недавно открывшейся для посторонних глаз Японии особое значение не только для читателя, но и для любого японского писателя приобретало чтение переводной литературы, а также возможность быть самому переведенным на другие языки, прежде всего западные. И, разумеется, для молодого писателя той поры чрезвычайно важным оказывалось знакомство, как можно более глубокое и детальное, с историей, культурой, политикой, бытом других стран — тоже прежде всего по книгам, заменявшим путешествия и личный опыт, а также благодаря встречам с иностранцами, в первой трети XX в. во множестве наезжавшим в Японию посмотреть на «новооткрытые» острова.

Соответственно, в эссе Танидзаки можно встретить огромное количество разных иностранных имен и реалий — от Шекспира до Ганди. И, разумеется, Толстой, Достоевский, Тургенев, Россия, революция, русские... Русские, собственно, появляются у него не только в эссе, но и в романах.

Россия, как оказывается, занимала немалое место в его сочинениях и размышлениях, да и в биографии тоже. Как ни странно это может прозвучать для отечественного читателя, одно из детских воспоминаний писателя — икона: дедушка Танидзаки Дзюнъитиро был крещен в православие первооснователем православной церкви в Японии священником о. Николаем Японским, канонизированным еще в советские времена. В последнее время связями Танидзаки с Россией заинтересовались многие исследователи — прежде всего в Японии. Там растет число работ о русских, русском ха-

рактуре, русской литературе и даже русской кухне — в том виде, в каком все это отразилось в творчестве Танидзаки. Только за последние два года, насколько мне известно, появилось две обширные и чрезвычайно интересные статьи об этом — одна написана Накамура Ёсикадзу, разносторонним специалистом по русской литературе и культуре, другая же принадлежит перу молодого ученого Какинума Нобуаки, т. е. тема эта в Японии, можно сказать, актуальна для людей самых разных поколений.

Настоящий же очерк имеет гораздо более узкую цель — представить читателю несколько еще не опубликованных писем и открыток Танидзаки Дзюнъитиро, которые, как я надеюсь, смогут оказаться полезными для исследователей творчества Танидзаки, а также для историков японской литературы XX в.

Эпистолярное наследие Танидзаки, разумеется, уже давно издано в Японии — наиболее полная публикация представлена в самом новом и подробном, 30-томном собрании его сочинений, изданном в Токио в 1981 г. (у нас его письма не переводились). Публикуемые же здесь документы «вышли на явь» всего год назад, и в собрания еще не попали. Для отечественного читателя ценность этих писем еще и в том, что они непосредственно связаны с Россией.

Прежде всего я чувствую необходимость объяснить, каким образом в моих руках оказались эти ценные документы. Моя специальность — скорее японская древность, чем современность, и нынешняя необходимость и повод написать о Танидзаки — для меня больше биографическое совпадение, чем закономерность профессиональной деятельности: в настоящее время я работаю в Институте иностранных языков г. Кобэ, где когда-то преподавал Орест Плетнер, лингвист и японовед. Его имя я впервые услышала еще в студенческие годы в Московском университете как имя переводчика средневекового «Дневника из Тоса» Ки-но Цураюки. Оказалось, что некоторые из моих здешних коллег — японских русистов — учились у профессора Плетнера и чтут его память до сих пор. Они познакомили меня с до-

черью профессора, которая по-прежнему живет в Кобэ. Она много рассказывала мне о своем отце, а однажды передала мне для ознакомления и последующей публикации письма, адресованные ее отцу и много лет хранившиеся в доме. Это были в основном письма от его старинных друзей и коллег, крупнейших российских японоведов, а среди них — что уж было для меня полной неожиданностью — были и эти письма и открытки от Танидзаки Дзюнъитиро. С разрешения Светланы Орестовны Плетнер-Хаяси я и осуществляю теперь их публикацию.

Итак, письма эти адресованы Оресту Плетнеру, российскому японоведу, приехавшему в Японию совсем молодым, еще до Октябрьской революции 1917 г. Сначала он работал переводчиком в посольстве старой, царской России, а затем, после свершившейся революции, решил остаться в Японии, со временем стал университетским профессором и видным ученым.

О. В. Плетнер принадлежал к плеяде блестящих петербургских японоведов, составивших славу российского востоковедения и заложивших основы современной академической японистики — назовем прежде всего имена таких известных и выдающихся ученых, как Н. А. Невский, Н. И. Конрад, Е. Д. Поливанов и др. К этой же группе примыкал и замечательный японовед С. Г. Елисеев, получивший японоведческое образование в Берлине и Токио.

Скажем несколько слов о каждом из них, поскольку их имена еще будут упоминаться в связи с приводимыми ниже письмами Танидзаки.

Н. А. Невский (1892—1937) — выдающийся японовед-этнограф, был близок к Янагита Кунио и Орикути Синобу, которые высоко ценили его. Имя Невского, выбитое золотом, и сейчас можно прочесть на стене маленького музея Янагита Кунио, примыкающего к дому, где родился и провел детство Янагита Кунио. Невский — первый в мире исследователь фольклора и диалекта острова Мияко, составитель словарей тангутского языка и тайваньского диалекта цоу,

собиратель айнского фольклора. Сборник его этнографических трудов «Луна и бессмертие» («Цуки то фуси») вышел в издательстве Хэйбонся в 1971 г. — раньше, чем его работы начали издавать на его родине. В сталинское время был арестован и расстрелян.

Н. И. Конрад (1891—1970) — выдающийся российский/советский японовед, историк, филолог, академик советской Академии наук. Переводчик «Исэ-моногатари», «Ходзэ-ки» и др. Создатель школы профессиональных японоведов в СССР. В сталинское время был арестован, но остался жив.

Е. Д. Поливанов (1891—1938) — выдающийся лингвист, полиглот, в сталинское время был арестован и расстрелян.

С. Г. Елисеев (1889—1975) учился японоведению в Берлине и в Токио, он был первым европейцем, окончившим Токио Тэйкоку дайгаку. После возвращения из Японии преподавал в Петербургском университете, но тоже был арестован. Ему с трудом удалось выйти на свободу, и он вместе с семьей в 1920 г. бежал за границу. Ради него была организована кафедра в Сорбонне, затем он перебрался в США, где стал основателем школы профессиональных японоведов в Гарвардском университете, основал там также один из главных ныне академических востоковедных журналов, был член-корреспондентом французской Академии наук. Эдвин Рэйшауер, впоследствии посол США в послевоенной Японии, был его верным учеником и написал большую статью о своем учителе, когда тот выходил в отставку.

Именно эти люди в конце 10-х — начале 20-х гг. XX в. открыли новую эру в отечественном японоведении, которое с тех пор стало профессиональным, специализированным, основанным на непосредственных фактах японской культуры без посредничества переводов с западных языков, как бывало раньше. Все эти выдающиеся ученые в молодости были товарищами Плетнера, а те из них, что уцелели среди бурь XX в., оставались его друзьями (пусть только в переписке) до конца жизни.

Необходимо будет кратко рассказать и о жизни самого О. В. Плетнера, поскольку некоторые обстоятельства его

жизни непосредственно связаны с содержанием писем Та-нидзаки и упоминаются в них, к тому же его деятельность и судьба до сих пор обойдены вниманием историков науки, и вряд ли даже японоведы хорошо представляют себе его биографию. Более подробно его жизнь и творчество будут представлены в следующей главе.

Орест Викторович Плетнер²⁶⁷ родился в Санкт-Петербурге 26 июля 1892 г. в семье обрусевших немцев дворянского происхождения, его отец был горным инженером, дед по матери заседал в Сенате. После окончания гимназии в 1911 г. Плетнер поступил на восточный факультет Петербургского университета. В то время студенты довольно часто в летние каникулы ездили в Японию для практического освоения языка, так что первый раз О. В. Плетнер побывал в стране еще в 1912 г. С 1916 г. он, студент-дипломант, был прикреплен переводчиком-практикантом к Министерству иностранных дел и в этом качестве поехал в Токио. Летом 1917 г. он вернулся в Петербург (уже ставший Петроградом), сдал выпускные экзамены на звание магистра. Сразу после экзаменов Плетнер снова отправился в Японию для работы в составе дипломатического корпуса посольства России в Токио и стал одним из атташе посольства — как раз в то время, когда до Октябрьского переворота оставалось совсем немного времени.

Как известно, до 1922 г. новое правительство не было официально признано в Японии, поэтому посольство прежней России и работавшие в нем сотрудники и после 1917 г. еще несколько лет оставались в Японии и считались консультантами по русским вопросам.

Побывав за границей в 1922—1923 гг. и возвратившись в Японию в 1923 г., О. В. Плетнер затем работал в ряде известных учебных заведений Японии того времени — в том числе в Императорском университете Киото (ныне Государственный университет Киото), Осацком училище иностранных языков (ныне Осацкий Государственный институт иностранных языков) и др., преподавая общую лингвистику, русский язык, фонетику французского языка и

продолжая заниматься самыми разными лингвистическими проблемами.

В 1925 г. Плетнер женился на японке Хаяси Кику (1904–1978). Это была образованная женщина, более всего любившая литературу и чтение, хорошо знавшая классику, владевшая каллиграфией. Хаяси Кику была дочерью врача, детство ее прошло в преф. Сига. Потом способную девочку отправили учиться в Токио, в известную женскую гимназию Сюкутоку кото дзёгакко. Четыре года своего взросления, с 14 до 18 лет, она прожила в семье Тоёсима Ёсио, известного писателя, переводчика и профессора французской литературы Токийского университета, который в немалой степени повлиял на ее становление. В сентябре 1926 г. у супругов Плетнер родилась дочь, Светлана (Мая) Плетнер-Хаяси.

К концу 30-х — началу 40-х XX в. жизнь в Японии становилась все более напряженной для иностранца, и в 1941 г. О. В. Плетнер с женой и дочерью по приглашению французского правительства переезжает во Вьетнам, тогда Аннам, часть французского Индокитая, где работает в Ханойском университете.

После войны, в 1950 г., ученый возвращается в Японию, где продолжает свою академическую и педагогическую деятельность в институтах иностранных языков г. Осака и Кобэ.

О. В. Плетнер скончался 29 января 1970 г. в возрасте 78 лет. До самой своей кончины он оставался «мукокусэки» — лицом без гражданства. Таков был его собственный выбор — он остался в Японии не по своей воле, вернуться же в Россию не мог. Не раз, по воспоминаниям коллег и знавших его людей, он повторял: «Я — не белоэмигрант».

За два года до смерти, в 1968 г., его научная и педагогическая деятельность получила высокую оценку и признание — он был награжден японским орденом Культуры IV степени.

Каким же образом и когда именно могли происходить встречи Танидзаки Дзюнъитиро и Ореста Плетнера?

В 10-20-е гг. XX в. все эти японоведы, о которых говорилось выше, дружившие еще в университете, оказавшись одновременно в Японии, продолжали встречаться. Японская журналистка Кондо Томиэ в своей документальной повести «Отель Хонкё кикифудзи» красочно описывает, как они жили в гостинице Кикифудзи, как занимались учебой и исследованиями, как они веселились и ухаживали за девушками, — все они были еще молоды. В этой гостинице они не раз останавливались и одновременно, и порознь — и Конрад, и Невский, и Елисеев, и Поливанов, и Орест Плетнер вместе со своим младшим братом, тоже японоведом.

В книге Кондо Томиэ можно прочесть немало любопытного о том периоде жизни классиков нашего японоведения, однако, ограничиваясь только относящимся к делу, приведем цитату из воспоминаний Гото Сидзу, работавшей тогда в администрации гостиницы: «Последний раз я видела господина Конрада, как мне кажется, во 2-м году Сёва (1927 г.). Приехал он в Японию для того, чтобы повидаться с господином Орестом де Плетнером и господином Танидзаки Дзюньитиро...»

Надо сказать, это был последний приезд Конрада в Японию — близилась 30-е гг., арест самого Конрада, расстрел Невского и Поливанова...

Однако в 1927 г. все еще было сравнительно спокойно.

К этому времени у Конрада уже был накоплен большой опыт преподавания и научной работы в разных российских городах. В 1918 г. в Петрограде было плохо с продовольствием, и Конрад уехал в провинцию, в г. Орел, где жили его родители. В 1918—1922 гг. Н. И. Конрад — преподаватель и ректор Орловского пролетарского университета (с 1921 г. — пединститута). Здесь, в Орле, и в Петрограде он опубликовал в 1921 г. первые свои переводы и исследования памятников японской средневековой литературы.

В 1922 г. Н. И. Конрад вернулся из Орла в Петроград и начал работать в Институте живых восточных языков (впоследствии — Ленинградский Восточный институт). Затем он стал преподавать в Ленинградском (ранее Петербург-

ском) университете. Значит, в Японию он приехал, скорее всего, в командировку и приехал не один, а вместе с женой, Наталией Фельдман, тоже японоведом, на которой женился незадолго до этого.

Вряд ли встреча с Танидзаки как таковая могла послужить основанием для поездки в далекую Японию — вероятно, цель командировки была официально сформулирована как-то иначе. Но, скорее всего, Конрад и в самом деле с Танидзаки собирался встретиться непременно. Исходя из содержания посланий Танидзаки, можно предположить, что они вели деловые переговоры: у Конрада созрел план — затеять перевод на русский язык одного из романов Танидзаки.

В то время семья Танидзаки и Плетнеры жили сравнительно недалеко друг от друга — в окрестностях Кобе. (Туда, в западную Японию, переехали многие жители Токио после страшного землетрясения 1923 г.) У Плетнеров остановилась и чета Конрадов, когда они приехали в Японию.

Итак, в открытках Танидзаки, посланных Оресту Плетнеру, говорится:

1.

Господину Плетнеру
8 октября 2-го года Сёва

Прошу прощения за мои нарушения этикета во время нашей недавней встречи [вежливая формула зачина письма. — Л. Е].

Не сообщите ли Вы мне, в Токио ли еще находятся супруги Конрад и когда они намереваются прибыть в Осака. Я собирался показать им Киото, поэтому прошу Вас известить меня, когда они прибудут в Кансай. После 10-го числа у меня будет свободное время.

2.

Господину Плетнеру
15 октября

На днях я послал Вам открытку, видели ли Вы ее? Я писал Вам о том, что хотел бы показать супругам Конрад

Киото в соответствии с прежде данным обещанием, и интересовался — вернулись ли они уже сюда из Токио или нет. Был бы Вам очень признателен, если бы Вы узнали об их обстоятельствах.

3.

28 [октября]

Приехал Сато Харуо²⁶⁸ с семьей, они будут жить у меня до первого числа следующего месяца. Удобно ли будет для г-на Конрада встретиться со мной числа второго-третьего (можно и первого)? Поговорите с ним, пожалуйста. Если Ваши обстоятельства позволяют, приходите, пожалуйста, вместе с ним.

Из этих открыток делается очевидным, что Танидзаки был явно заинтересован во встрече с Конрадом, и причин этому может быть несколько. Помимо общего интереса к культуре других стран и ее представителям, фактором интереса именно к России могло послужить то обстоятельство, что как раз за год до этого в России был на гастролях театр Кабуки со знаменитым актером Итикава Садандзи, и Н. И. Конрад был сопровождающим труппы. Танидзаки слышал имя Конрада от Осанаи Каору, известного японского режиссера, друга Танидзаки, который вместе с Садандзи был основателем Свободного Театра (Дзюндза).

Еще одна, более важная причина связана с планами Н. И. Конрада по переводу произведений Танидзаки. Для самого писателя это, должно быть, был новый и необычный опыт — быть переведенным и напечатанным в России.

Дело тут еще и в том, что к 1927 г. Танидзаки еще не переводился на западные языки так много, как это стало происходить потом, особенно после войны, начиная с 60-х гг., когда японская литература и ее самые блестящие представители оказались в центре мирового внимания.

Совсем недавно вышла библиографическая работа Адрианы Боскаро²⁶⁹, где собраны сведения обо всех существующих на Западе переводах произведений Танидзаки (России

в этом перечне нет). Из книги явствует, что первые переводы произведений Танидзаки (1917, 1921 и 1924 гг.) вышли в самой Японии, причем некоторые были выполнены в учебных, так сказать, целях, для осваивающих английский язык например, в журнале «Эйго сэйнэн». Или же они адресовались иностранцам, живущим в Японии, как короткие переводы в газете «Токио нити-нити» или «Herald of Asia» в 1924 г.

Первым полноценным художественным переводом Танидзаки, вышедшим не в Японии, а за границей, был перевод рассказа «Сисэй» (Ирэдзуми — «Татуировка»). И это примечательный факт — оказывается, что первая публикация перевода произведений Танидзаки вне Японии связана именно с российским японоведом, поскольку это был перевод на французский, выполненный в 1924 г. Сергеем Елисеевым, к тому времени уже работавшим в японском посольстве в Париже²⁷⁰. Вскоре после этого — в 1925 г. — вышел перевод на французский «Именно потому что я люблю (Ай сурэба косо)»²⁷¹ и некоторые другие западные переводы. Однако в целом Танидзаки еще не был избалован мировой известностью.

Положение с переводами его книг и вообще с переводами японской литературы на иностранные языки явно не устраивало писателя. В 1927 г. он писал в одном своем журнальном эссе: «Мне передают, что мою вещь “Именно потому что я люблю” (“Аи сурэба косо”) при посредничестве моего приятеля г-на Елисеева, который служит в нашем посольстве в Париже, перевели сначала на французский, а затем на английский и не то поставили в театре, то ли собираются поставить. <...> Недавно пришло уведомление из нашего посольства из Италии о том, что там переведена одна моя старая пьеса и итальянцы хотели бы ее поставить. До сих пор я беспечно полагал, что, если на Западе узнают о моих книгах, это хорошо, и всегда охотно соглашался на перевод. Однако... я подумал: наверное, все-таки это должно происходить иначе: это там, на Западе, услышав о том, что у нас есть немало выдающихся произведений, есть прекрасная проза и драматургия, в конце концов по собственному

почину должны бы взяться исследовать японский язык и японскую литературу, чтобы ознакомить свои страны с нашей литературой. [Ныне же] все это происходит благодаря усилиям моих соотечественников, образовавших нечто вроде ассоциации, которая ставит своей целью пропагандировать за границей японскую культуру. Но для нас, авторов этих книг, во всяком случае для меня, это, как ни странно, обременительная услуга. Мне кажется ошибочным представление, что можно пропагандировать культуру, превратив ее в предмет торговли и доставляя ее как товар в местные отделения стран-потребителей. Если культура самобытна, она сама по себе способна вызвать интерес в других странах, и нам не нужно будет никуда ехать самим, предлагать, навязывать ее — покупатели явятся сами без специального приглашения, потому что им понадобится наше искусство».

И вот, в том же 1927 г., когда были написаны эти слова, в Японию по собственному почину, «без специального приглашения», приезжает Н. И. Конрад, чтобы «востребовать» искусство Танидзаки.

Не исключено, что Конрад задумал перевод романа Танидзаки под влиянием перевода Елисеева. Похоже на то, что он сначала тоже думал о переводе «Аи сурэба косо»: свидетельство об этом мы находим в заметках самого Танидзаки: «2—3 года назад в Японию из Ленинграда приезжал Конрад — тот самый, который помогал знакомить русских с театром Кабуки, когда в Россию ездила труппа Садандзи. И вот мы встретились в отеле “Нара” — там были Конрад, его жена, русский специалист по японской литературе Плетнер, живущий в Кансае, а также Невский и я. Как рассказал тогда Конрад, в России сейчас есть специалист, желающий перевести мое “Именно потому, что я люблю”, и человек этот мучается уже с переводом названия...» (эссе «Об изъянах современного разговорного языка», журнал «Кайдзо», ноябрь 1929 г.).

То есть, по-видимому, приехав с планом перевода одного произведения, Конрад в Японии изменил свои намерения, и была выбрана другая книга Танидзаки. План Конрада был потом реализован в довольно краткие сроки, и в 1929 г.

в Ленинграде вышел перевод романа Танидзаки, тогда еще не переводившегося на иностранные языки, — «Тидзин-но ай» («Любовь глупца») ²⁷². Переводчицей была японовед Г. Иммерман. Конрад же написал предисловие к роману, в котором коротко рассказал о литературной позиции Танидзаки и назвал Танидзаки одним из самых ярких и интересных писателей современной Японии, а роман «Тидзин-но ай» — его лучшей вещью.

Надо сказать, что в Советской России тех лет реакция на это произведение была неоднозначна. Во всяком случае, в том же 1929 г. в журнале «Звезда» была помещена рецензия критика И. Ямпольского, который, можно сказать, обрушился на роман, находя в нем одни лишь недостатки — с его точки зрения, в романе «избитая тема, пошловатая трактовка, литературные шаблоны». Рассерженный критик цитирует письмо Танидзаки советскому издательству, где писатель заявляет, что в романе «получила свое отражение современная Япония, главным образом та часть японского общества послевоенной эпохи ²⁷³, которая воспитывается преимущественно в американских нравах и вкусах». Критик же полагает, что книга Танидзаки «ближе к французским романам в желтых и голубых обложках, бесконечный поток которых выходил в довоенные годы... или к продукции третьестепенных русских беллетристов эпохи 1906—1917 гг., “разрабатывавших” “вопросы пола” и культивировавших “модернистскую безвкусицу”» ²⁷⁴.

Оставляя сейчас в стороне политические и идеологические установки и ограничения в области журнальных публикаций тех лет, скажем о другой особенности данной рецензии. Автор ее, историк литературы И. Ямпольский, нередко печатал критику в журнале «Звезда» — в основном рецензии на фундаментальные литературоведческие труды. Надо думать, что он, человек, всю жизнь писавший о русской классике, о Пушкине, о Льве Толстом, о Блоке, взявшись за рецензию на японский роман, стал рассматривать его в рамках все той же русской классической литературной традиции. И при этом, вероятно, исходил из той почтенной и благородной

презумпции, что у литератур всех народов должно быть некое «общечеловеческое содержание», а отличие заключается только в экзотических реалиях и отдельных приемах, и каждый может по переводу, причем без дополнительных сведений и комментариев, судить о литературе сколь угодно далекой по времени и месту. Концепция эта была авторитетна в XIX в., но впоследствии подверглась радикальному пересмотру. Для нынешнего читателя этот роман выглядит совсем не так, как для критика 20-х г., да и о Японии нынешний читатель знает много больше.

Для самого же Танидзаки факт перевода и публикации романа, видимо, стал важным событием его жизни. Он написал специальное авторское предисловие к русскому изданию, где, в частности, говорил о том, как он смущен самим фактом публикации на русском языке: «...все важнейшие произведения русской литературы напечатаны у нас в Японии, и по сравнению с ними моя книга, конечно, вещь незначительная...»

В этом высказывании, разумеется, есть доля ритуальной японской скромности, но в то же время — и констатация того факта, что именно русская литература, как никакая другая, оказала влияние на становление новой японской литературы в конце периода Мэйдзи.

Обратимся теперь к двум сохранившимся письмам Танидзаки — явно того же периода.

1.

22 ноября.

Благодарю Вас за Ваше письмо. Простите, что за занятостью задержался с ответом. Я очень рад, что задуман русский перевод книги «Тидзин-но ай». На отдельном листе посылаю тот черновик для господина Конрада, который он просил меня написать [по-видимому, речь о цитированном выше кратком предисловии к русскому изданию романа. — Л. Е.], и буду Вам крайне признателен, если Вы это ему перешлете. Заодно передайте ему, пожалуйста, мои самые лучшие пожелания.

Биографию Распутина я уже прочитал, посылаю Вам ее бандеролью. Не спешите с возвращением ее, но, когда она будет Вам уже не нужна, пришлите ее мне, пожалуйста, обратно.

Благодарю Вас за приглашение в гости, однако до конца текущего месяца я буду очень занят, поэтому просил бы перенести Ваше приглашение на следующий месяц, между 5-м и 10-м числами. Мне очень неловко, что всегда приглашение поступает с Вашей стороны, и все никак — с моей. Если мои домашние обстоятельства позволят, я надеюсь непременно принять Вас у себя.

В любом случае, надеюсь вскоре увидеться с Вами. Мои приветы Вашей супруге.

2.

13 декабря.

Благодарю Вас за письмо. Простите, что все не писал Вам. Все надеялся выбраться к Вам, но так и не собрался, приношу Вам свои извинения. Как там поживает маленькая Светлана? Вероятно, уже выросла большая.

Теперь относительно Вашего приглашения. Я был бы рад им воспользоваться, но сейчас, в конце года, в газете от меня ждут новых материалов. Так что в конце года я оказываюсь особенно загружен, а когда я закончу эту работу, мне надо будет ненадолго уехать в Токио. Может быть, перенесем на начало нового года? По возвращении из Токио я собираюсь поехать куда-нибудь вместе с семьей развезься — уедем перед Новым годом и пробудем до времени «семи весенних трав»²⁷⁵, то есть вернемся числа 10-го. Тогда я снова Вас извещу. Извините, что я так самовольно распоряжаюсь Вашим приглашением, надеюсь, что Вы не рассердитесь.

Еще одно — на днях приходил один журналист из журнала «Тюо корон», сказал, что Тоёсима Ёсио хочет узнать Ваш адрес. Сообщаю Вам об этом.

Итак, надеюсь, что вскоре увидимся.

Танидзаки Дзюньитиро

Оба эти письма датированы только днем и месяцем, без года, однако по содержанию можно заключить, что, скорее всего, оба посланы Плетнеру в конце того же года, когда Конрад с женой приезжали в Японию и когда произошла та самая встреча в отеле «Нара». Видимо, вернувшись в Россию, Конрад известил Танидзаки о выборе для перевода «Тидзин-но ай» и попросил написать вступительное слово к русскому изданию. Танидзаки, написав его, попросил Плетнера переслать готовое вступление Конраду, сам же не отослал, возможно, потому, что Плетнер в те годы поддерживал отношение с консульством и мог отправить письмо более скорой и надежной дипломатической почтой.

В письмах упоминается биография Распутина. Трудно сказать, какая именно книга имеется в виду — к тому времени, насколько можно судить по существующим данным, разных жизнеописаний Распутина в Японии было десятка полтора — и по-английски, и по-японски. Во всяком случае, это еще одно свидетельство интереса писателя к России и ее современной истории.

Итак, перевод Танидзаки вышел в России в конце 20-х гг., и это был первый перевод романа «Тидзин-но ай» на западный язык. (Следующим был перевод на итальянский, вышедший 38 лет спустя, в 1967 г. Английский перевод этой книги появился только в 1985 г., французский — в 1988-м. Любопытно, что в 1990 г. в Бейруте был издан перевод на арабский.)

В Советском же Союзе о писателях, подобных Танидзаки, вскоре было забыто — наступили 30-е и 40-е.

Традиция перевода Танидзаки на русский отчасти продолжалась в русской эмигрантской среде: его эссе «Похвала тени» было переведено в 1939 г. М. Григорьевым, талантливым переводчиком и замечательным знатоком Японии, и издано в Дайрене (кит. Далянь) в 1939 г. Лет сорок спустя его с превеликими трудами удалось переиздать в Москве, в издательстве «Художественная литература», и с тех пор оно вошло в круг излюбленных, можно даже сказать, сверхмодных философских сочинений сегодняшней читающей России.

В последние десятилетия XX в. на русский язык были переведены основные произведения Танидзаки, но освоение его наследия еще далеко не завершено, и появление все новых переводов и исследований Танидзаки — повод восстановить обстоятельства возникновения самого первого его перевода на русский, прочитав внезапно обнаружившиеся письма писателя почти 80-летней давности, а вместе с ними вспомнить и тех именитых ученых, что некогда стояли у самых истоков российского японоведения.

ПИСЬМА ОРЕСТУ ВИКТОРОВИЧУ ПЛЕТНЕРУ ОТ С. Г. ЕЛИСЕЕВА, Н. И. КОНРАДА И ДР.

В предыдущей главе, посвященной «русским» письмам и связям Танидзаки Дзюньитиро, уже было сказано несколько слов о жизни Ореста Плетнера. Приведем здесь еще некоторые сведения, касающиеся его главным образом как ученого.

Научное наследие и судьба профессора Ореста Викторовича Плетнера на его родине до сих пор незаслуженно оставались в тени. Более того, по отношению к нему случайно была допущена несправедливость: одна из его работ, как раз та, что пользовалась известностью в России среди японоведов и любителей восточной словесности, — я имею в виду перевод на русский язык памятника средневековой японской литературы «Дневник из Тоса» Ки-но Цураюки²⁷⁶ — в новейших российских справочных изданиях ошибочно приписывается младшему брату ученого, тоже японоведу, Олегу Плетнеру (инициалы братьев совпадают). О лингвистических же работах Ореста Плетнера и его учебных пособиях в России почти ничего не известно.

В период своей работы в российском посольстве в Токио в конце 10-х гг. XX в. О. В. Плетнер продолжал общаться со своими товарищами по Петербургскому университету. Одно время, судя по некоторым сохранившимся в его архиве письмам, он снимал квартиру в Токио вместе с Н. А. Невским.

Возможно, тогда его и заразил энтузиазм Н. А. Невского, увлеченного этнографическими исследованиями, и Плетнер принял участие в выпуске этнографического журнала «Додзоку то дэнсэцу», затеянного по инициативе Н. А. Невского, написав для него работу о «русалке как душе самоубийцы»²⁷⁷, — возможно, это была первая или одна из первых его публикаций в Японии. Однако этнография не стала его любимой наукой, главным увлечением его жизни была лингвистика, и еще конкретнее — фонетика.

После роспуска российского посольства и передачи дел новому, советскому, дипломаты прежней эпохи должны были так или иначе заново решать свою судьбу. О. В. Плетнер уехал из Японии и 1922—1923 гг. провел в Англии, Франции и Германии. В Англии, куда он поехал по приглашению профессора Э. Д. Росса, декана отделения восточных исследований²⁷⁸, он читал лекции по японскому языку, там же, в бюллетене отделения, были опубликованы его работы по связи морфологии и акцентуации в современном токийском диалекте²⁷⁹. Параллельно он слушал в Лондонском университете лекции известного английского фонетиста, проф. Дэниэла Джонса. Во Франции он увиделся со своим старым другом, проф. С. Г. Елисеевым, нередко общался также с Полем Пеллио, крупнейшим французским археологом-синологом, исследователем пещер Дунхуана, и другими известными французскими востоковедами.

В 1923 г. О. В. Плетнер вернулся в Японию и работал в ряде известных учебных заведений Японии того времени — в том числе в Императорском университете Киото (ныне Государственный университет Киото), Осацком училище иностранных языков (ныне Осацкий Государственный институт иностранных языков), с 1925 г. — в Училище иностранных языков г. Тэнри, с 1932 г. — во Франко-Японском институте (Киото), иногда читал лекции в Доме франко-японской культуры (Токио)²⁸⁰ и др. Преподавая общую лингвистику, русский язык, фонетику французского языка, он продолжал заниматься самыми разными лингвистическими проблемами, и прежде всего фонетикой. Как свидетель-

ствуют со слов Плетнера знавшие его коллеги, в то время он работал над подробным исследованием по фонетике, которое было подготовлено к изданию в 1923 г., и уже была оттиснута первая корректура книги. Однако в результате Великого землетрясения в Канто набор погиб. К счастью, черновая рукопись уцелела, и эта работа все же увидела свет в Токио в 1924 г. Это обширное исследование посвящено фонетике европейских языков в сравнении с японским и представляет собой анализ четырех фонетических систем²⁸¹.

В 30-е гг. его работы по фонетике получили новое развитие — вышла его работа об исторических исследованиях вокализма в древнеяпонском языке²⁸². Эта работа, как о ней пишет проф. Д. Судо, до недавнего времени занимавший пост декана в Институте иностранных языков г. Кобе и когда-то слушавший лекции по языкознанию у О. В. Плетнера, неоднократно цитируется в известной книге 1956 г. французского японоведа Ш. Агенауэра «Происхождение японской цивилизации»²⁸³.

К 1926 г. Орест Плетнер подготовил и в 1930 г. выпустил довольно объемный учебник русского языка «Семья Ивановых», предназначенный, как говорится в его предисловии, «для учащихся и учащихся» и построенный по методу французского коллеги О. Плетнера по осакским Курсам иностранных языков Луи Маршана — так называемому «интуитивному, прямому методу»²⁸⁴. По мысли автора, обучающийся должен погрузиться в быт русской семьи и соответствующие реалии, поэтому действие первой части протекает «в предреволюционный период, выбрана умышленно буржуазная семья профессора в ее окружении и даже (во второй части) вводятся “титулованные родственники”. Вторая книга (если ей только будет суждено увидеть свет) должна рисовать уже жизнь и быт СССР и, конечно, дать ретроспективно посильную оценку сдвига». Однако вторая книга не была написана — обстоятельства жизни скоро подверглись значительным переменам.

Вторая мировая война уже началась, когда была опубликована небольшая статья О. В. Плетнера «Ниппон или

Нихон?» 1940 г. Как пишет о ней Буто Ёдзи, поводом к написанию стала прочитанная в газете «Асахи» заметка о том, что название Японии *Ниппон* — это вариант названия Японии — *Нихон* — в вульгарном китайском произношении. Плетнер рассуждает об этих двух вариантах названия страны не только с точки зрения исторической фонетики японского языка, но и с точки зрения использования одного из них как националистической идеологемы²⁸⁵.

Во время войны ученый вместе с семьей жил во французском Индокитае, где преподавал в Ханойском университете.

После войны, в 1950 г., вернувшись в Японию, О. В. Плетнер продолжает свою педагогическую деятельность в институтах иностранных языков г. Осака и Кобе. К этому периоду относится его труд «Очерк исторической морфологии русского языка»²⁸⁶, который в учебных целях используется на кафедрах русистики японских университетов и в настоящее время.

Как уже было сказано в главе о письмах Танидзаки Дзюнъитиро, за два года до смерти, в 1968 г., его научная и педагогическая деятельность получила высокую оценку и признание — он был награжден японским орденом Культуры IV степени.

Дочь профессора Ореста Плетнера, Светлана Орестовна Плетнер-Хаяси, сберегла архив ученого в его доме в квартале Аотани в Кобе. К сожалению, практически не осталось писем, написанных рукой самого Ореста Викторовича, — если не считать нескольких черновиков. Зато сохранились многие письма, ему адресованные, — не только от Танидзаки Дзюнъитиро, но и от его коллег-японоведов, его старинных друзей, с которыми вскоре жизнь разлучила его практически навсегда.

В архиве Ореста Плетнера сохранились десятки писем — от С. Г. Елисеева, от Н. И. Конрада, от коллег, от младших братьев. Самые ранние письма датируются 1916 г.

Впоследствии мы надеемся опубликовать большую часть этого архива, поскольку многое в нем представляет интерес, —

и с точки зрения истории отечественного востоковедения, и с точки зрения истории России XX в.

Ниже публикуется небольшая часть этого архива — письма, полученные О. В. Плетнером от разных людей, прежде всего от С. Г. Елисеева, выдающегося японоведа, сыгравшего решающую роль в развитии мировой науки о Японии. (Несколько подробнее о Елисееве мы говорили выше, в главе «Японская литература в России. Из предыстории», там же даны ссылки на мемуары и статьи о нем.) Кроме того, публикуется письмо М. Н. Рамминга, работавшего в посольстве царской России вместе с О. В. Плетнером, а затем эмигрировавшего в Германию, а также брата Ореста Плетнера, тоже японоведа Олега Плетнера. Приводится также несколько писем Н. И. Конрада, известного советского ученого, стоявшего у истоков создания отечественного японоведения. Многие из писем 20—30-х гг. не сохранились, возможно, потому, что О. В. Плетнеру пришлось взять с собой архив из предвоенной Японии в Ханой; часть, возможно, была им уничтожена до отъезда, часть пропала за те десять с лишним лет, что семья ученого провела вне Японии. Письма военного времени также отсутствуют, переписка, видимо, прекратилась с началом Второй мировой войны в 1939 г. и была возобновлена уже после возвращения семьи Плетнеров в Кобе, т. е. в 50-е гг.

В публикации сделаны купюры — опускаются подробности личного характера, сведения о состоянии здоровья адресантов (они занимают немалое место в переписке 60-х гг., так как все ее участники уже перешагнули 70-летний рубеж) и т. п. Возможно, опущено несколько больше, чем того требует необходимость, но зато публикатору так спокойнее. Для публикации отобраны факты и детали, имеющие отношение к истории востоковедения, а также наиболее яркие приметы времени, всякие, так сказать, *period pieces*, несущие к тому же *couleur locale*. Все остальное в этих письмах, оставшееся ненапечатанным, на наш взгляд, полностью и безраздельно принадлежит им — ушедшим адресатам и адресантам, учителям наших учителей.

10—20-е годы XX в.

От С. Г. Елисеева

12 сентября 1917 г.

[Открытка, отправленная в Токио срочной почтой]

Дорогой Орест Викторович,

Сегодня в 6 часов вечера мы будем в Imperial Hotel, где пообедаем и отправимся в Янагибаси²⁸⁷.

Ваш Сергей Елисеев.

От С. Г. Елисеева

Петроград, 25 сентября 1917

Дорогой Орест Викторович,

<...>

Что нового у Вас в посольстве и как себя чувствуют покидающие посольство Щекин и Абрикосов²⁸⁸. Вам, конечно, известно, что Щекин назначается посланником в Тегеран, а Абрикосов получает место первого секретаря в Пекине.

Мы вполне благополучно доехали до Владивостока, но тут с нами случился пренеприятный случай. Общество Спальных Вагонов не получило моей телеграммы и моего денежного телеграфного перевода, которые были посланы еще в начале августа и продало мои места. Таким образом мы остались без мест. Я обратился к коменданту станции, затем к кассиру и наконец благодаря моему дипломатическому паспорту мне удалось получить два места во втором классе казенных вагонов, так как меня и Веру Петровну²⁸⁹ поместили в разных вагонах. После Харбина нам дали маленькое купе первого класса в казенном вагоне. Путешествие шло мирно и безмятежно и ничем не отличалось от мирного времени, если

не считать высоких цен в вагоне-ресторане — завтрак три рубля и обед четыре с полтиной — и экономии в отоплении вагонов. Мы порядочно мерзли, в особенности около Байкала. Приближение к столице сопровождалось прогрессивным увеличением цен в станционных буфетах. На одной из станций за фунтовую коробку шоколадных конфет Абрикосовых²⁹⁰ запросили 25 рублей. С опозданием на 12 часов мы прибыли в Петроград. На Николаевском вокзале порядок, легко найти носильщика и нет давки и толкотни, потому что не пускают ни провожающих, ни встречающих. Сейчас же у вокзала наняли извозчиков, которые за 13 рублей повезли нас на Петроградскую Сторону. Было воскресенье, но на улицах не было того гуляния, которое было весной, и Петроград напоминал прежний дореволюционный Питер. На первых же порах нам пришлось столкнуться с необычайно высокими ценами. Курица 12 рублей, голландский сыр 3 р. 50 к. фунт, но дрова благодаря большому подвозу стали дешевле — около 65 р. сажень. В лавках все есть, фрукт сколько угодно, консервы в изобилии, но все чрезвычайно дорого и доступно лишь хорошо зарабатывающим рабочим, получающим больше 1000 р. в месяц, а не нам смертным. Едимся в еде, но живем, и здесь все это не так страшно, как это кажется за 9000 верст. Молоко, например, получаем для Никиты²⁹¹ каждый день.

В политике грустно и не видно ничего светлого. Демократическое Совецание прошло бесцветно и при апатичном отношении к нему всех классов населения. Теперь хотят устроить предпарламент. Вспоминается не только стихотворение «глубоки натуры русские, их широкий идеал; он не входит в формы узкие юридических начал»²⁹², но и слова из басни Крылова: «а вы, друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь». Получается трагическое положение (в России всегда все трагично), демократическое совещание не желает работать с кадетами, но ничего не имеет против коалиционного кабинета, а стоящие у кормила власти видят, что без представителей цензовой буржуазии им не справиться. Что сейчас делается в армии и во флоте, не знаю. На днях встре-

тил одного из бывших секретарей Максима Ковалевского, старого с. р.²⁹³ и партийного работника. Только что вернулся он из Вологодской губернии и рассказывал невеселые вещи. В провинции полная анархия, не признают никаких властей, судей за цепи выволакивают из судов и высшим авторитетом считается любой солдат. Во многих местах начались аграрные беспорядки и погромы. Многие старые партийные работники отказываются работать в партии и уходят, чувствуя, что жизнь пошла по каким-то совершенно непонятным и неприемлемым руслам. Люди, мистически настроенные и живущие верой, надеются, что велик Бог земли русской и кривая вывезет. В Петрограде ждут налета цепелинов, но живут все по-старому: кинематографы полны, в Мариинском театре балет, Кусевицкий играет Скрябина, и учебные заведения функционируют. Со 2-го октября начнутся лекции в Университете, а 20 октября лекции в Институте Истории Искусств. На днях был у меня Поливанов. Он собирается ехать в Японию, но когда поедет — неизвестно. Конрад уехал в Орловскую губернию, и я его еще не видел. Вашего брата тоже не видел — он заходил за письмами, когда меня не было дома. Вот и все новости. Да, веселого мало, но все-таки здесь, в Петрограде, вблизи событий, спокойнее и не так нервничаешь. Нет глупых телеграмм, что Керенский убит или что войска Корнилова разрушили Лугу и так далее, одним словом, все то, чем пестрят японские газеты и милый германфильский адвертайзер.

У меня к Вам, конечно, целый ряд просьб. Пришлите мне, пожалуйста, первый № Тэйкоку бунгаку²⁹⁴, если возможно, пришлите, пожалуйста, с ближайшей вализою²⁹⁵ диапозитивы, которые Вам принесет Коля Невский. У него две коробки, так мне нужны те, которые в маленьком ящичке. Не откажите в любезности опустить в почтовый ящик в Токио прилагаемые письма и открытки. Поклон всем знакомым и всего Вам наилучшего. Жму руку.

Ваш С. Елисеев.

От Юрия Плетнера, младшего брата

[Письмо написано на бланке отца с грифом
«Член Петроградской Городской Управы
В. И. Плетнер»]

Петроград, 7 октября 1917 г.

Дорогой Орест!

Вчера исполнил твое поручение в библиотеки. Кудряшев дал мне разрешение пользоваться библиотекой по твоей карточке. За мной уже числится 3 книги. Что нужно — пиши, и я пошлю тебе тогда нужные книги вализой. У нас сейчас занятия не клеятся, ибо то их отменяют, то опять начинают. У вас на Восточном факультете все идет по-прежнему. <...>

У нас сейчас в Петрограде все очень беспокойно, с взятием Эзеля²⁹⁶ очень много [людей] выезжает. Кроме того, сегодня прошел слух о занятии Балтийского Порта немцами. Временное Правительство покидает Петроград и переезжает в Москву. У нас все заняты выборами в Учредительное Собрание. Я хочу устроиться в комиссию по выборам, так на руб. 200 в месяц, а деньги сейчас нам очень нужны, ибо все ужасно дорого. Например, обед стоит около 20 р. Олег сейчас поступил в Военную Цензуру, пропускает корреспонденцию на китайском и японском языках. <...>

Целую тебя.

ЮП.

От Олега Плетнера, младшего брата

[Письмо написано на бланке с грифом
«Член Петроградской Городской Управы
В. И. Плетнер»]

8 октября 1917 г.

Дорогой Орест!

Наши дела Ты [орфография подлинника. — Л. Е.], должно быть, знаешь из телеграмм. Положение становится тревожным. Немцы заняли Эзель. Положение Ревеля почти безнадежно. К Петрограду доступ открыт. Спешат эвакуироваться, и если скоро зима, то вопрос, как говорят, лишь в том, будут ли немцы брать Петроград или нет. Т. е. захотят — или нет.

Все требуют мира, и, должно быть, он будет заключен скоро. Надо думать, пярнуская конференция положит конец этому разврату.

Я пока что работаю в Цензуре в качестве Японского цензора и буду готовиться в Министерство Иностранных дел, куда, ежели ничего к тому времени не изменится, постоуплю к 1 января. (Против Вашего посольства в газетах левых ведется усиленная пропаганда, и Крупп Ваш вместе с Г. А. Казаковым²⁹⁷ не выдержат долго. Выпишут.)

Твое университетское заявление я передал С. Г. Елисееву. Он нашел, что, может быть, его не следует подавать, так как, во-первых, оно написано не совсем гладко и со многими промахами, а затем уже совет университетский, вернее, факультетский имел место, и было решено признать за Тобой право остаться при Университете, т. к. предполагается, что если по-челу-либо Ты Университету понадобишься, то Ты всегда по первому его требованию оставишь посольство и вернешься в Alma Mater. Относительно оставления за тобой the money кажется слабо, но еще не определено. Рамминга²⁹⁸ уже решено вычеркнуть из списков и поставить на Black list, дабы неповадно было. В совете общества или, вернее, в японской

секции общества Востоковедения Елисеев предложил мне и Конраду заместить выбывших Тебя и Рамминга. Совет, кажется, in cogroge войдет в союз печати при Совете крестьянских Депутатов по контролю над сведениями из Японии, но это еще не решено, а потому надлежит хранить в секрете.

Мне предложили прочесть доклад о рабочем <движении> в Японии в январе, если к этому времени Петроград не возьмут немцы — прочту.

Министерство иностранных дел, может быть, будет эвакуировано в Москву <...>

Занимаюсь я с одним японцем Iwai-san, довольно милый господин, хорошо одет — я его обучаю по-русски. Я читаю с ним книги по японскому рабочему вопросу, в к-ом он, к сожалению, понимает очень слабо. Он уже «изучается историей» и довольно сносно читает, но в разговоре не силен, сбивается всегда на японский.

Я тут занялся еще писательством в крайне левых газетах. Недавно была помещена статейка о рабочем вопросе в «Новой Жизни». «Новую Жизнь» с этой статьей прилагаю. <...>

Олег П.

От М. Н. Рамминга

Токио, 27 мая 1923 года

Дорогой Орест Викторович,

Спасибо за Ваше письмо от прошлого воскресенья, и так как сегодня дождливое воскресенье, то и я засел ответить на Ваше и другие письма. Рад слышать, что довольны новой службой и хорошо устроились совместно с Николаем Александровичем. Собственно говоря, Вам зря обзаводиться своим хозяйством, если есть холостой знакомый, с которым и веселее и дешевле жить. У нас все по-прежнему без перемен, как Вы нас нашли после годового перерыва. Скоро займусь приисканием дачи, пока этого еще не сделал, но еще не знаю,

где искать — в Камакура или в Дзуси. Мне последнее место куда лучше нравится, надеюсь, что в этом году будет столько же свободных домов, как в прошое лето, ведь *фукэйки* [состояние экономического упадка. — Л. Е.] еще не прошло. Не знаю, как у Вас, а здесь весь май был дождливый и прохладный, хотя в общем жаловаться нельзя, только в теннис играть мало приходится. Только что ходил смотреть на состязание между филиппинскими чемпионами и известным Кумагаи — очень хорошо они все играют, не знаю, как им повезло у Вас в Осака, здесь их с легкостью побили, но лучше играют, и главным образом красивее, чем ожидал.

Лекция д-ра Вайманта в Азиатском О-ве об лингвистическом исследовании происхождения японских народа и языка была довольно интересна. Невский как-то утверждал, что между японским языком и малайским и полинезийскими языками нет ничего общего, а между тем этот Ваймант приводил целыми колоннами слова из полинезийских языков и диалектов, слишком близко совпадающих с японским, чтобы это могло быть случайностью, причем он брал для сравнения именно те слова японского, которые считаются самыми чистыми и первобытными и в то же время самыми примитивными, вроде *хи*, *одори*, *токи*, *иро*, *норито*²⁹⁹ и т. п. Самые поразительные совпадения — в ономатопоэтических выражениях, которых уйма в этих языках. Любопытны также некоторые явления, касающиеся числительных т. д. Эквивалент «*хаи*, *хэи*, *э*»³⁰⁰, как он показал, встречается, начиная от Маркезаских островов на востоке и до Мадагаскара на западе у Африки, в более чем 25 диалектах в этой же форме и с тем же значением. Он все время ссыался на ученого Брандстеттера³⁰¹, сочинения которого могут быть интересны для Невского, если он сам хочет произвести сравнение с этой группой языков.

Что касается политических событий, то мы, конечно, с интересом следим за происходящим, но мы слишком много бурь переживали, чтобы «тревожиться». Интересно, несомненно, отметить любопытное сходство с событиями в Англии года 2 тому назад. Совсем как там, из-за полного

застоя в делах известные манчестерские круги повели усиленную агитацию в пользу признания³⁰², так и здесь многие, желающие заткнуть дыры в своих карманах, ныне крайне взволнованны. Какой любовью к России пропитаны здешние рыбопромышленники и лесопромышленники — Вы сами хорошо знаете. <...> По-моему, нет лучше выражения и более понятного японцам для характеристики этой компании, как «кадзи-доробо»³⁰³. А раз это так, то трудно ожидать, чтобы из этого что-либо серьезное вышло, — хотя я вовсе не желаю делать предсказаний.

Английский и американский консула, уехавшие из Владивостока, рассказывают массу прелюбопытных фактов, которых я, однако, не могу передавать в письмах. Когда одному члену Германского П[осольт]ва в Сэйёкэн'е³⁰⁴ заявили, что в России всех воров и убийц уже переловили и перевешали и что, следовательно, спокойно можно ехать в Россию, он, по собственным словам, с трудом удержался им сказать: «Да вы себя-то забыли...» — а тем не менее все только и думают о том, как бы столкнуться раньше других. На вкус и цвет, как известно, товарища нет. <...>

Кстати, Елисеев, вероятно, скоро приедет в Японию: ему предлагают место лектора русского языка в здешнем университете, и от такого предложения я не думаю, чтобы он мог отказаться³⁰⁵.

Пока всего доброго, привет Николаю Александровичу³⁰⁶.
Ваш М[артин] Рамминг.

От Олега Плетнера

18 октября 1923 г.

Дорогой Орест!

Сообщаю Тебе печальную новость — <нрзб> судьбы таково: 4 сентября в 3 часа скончался папа. О катастрофе Японии³⁰⁷ ему не сообщали, да с 2-го он был в полубессознательном состоянии.

<...> Еще просьба — если будет охота и время, пришли как можно больше открыток с видами землетрясения и если бы можно несколько диапозитивов³⁰⁸, хочу прочесть лекцию.

Олег

От Олега Плетнера

Москва, 14 декабря — 1 января 1925 г.

Дорогой Орест!

Получил твое письмо от 24 ноября сегодня. <...>

Сейчас очень занят институтскими делами и забросил другие. В феврале у нас в детском театре пойдут японские сказки. Я, кажется, писал Тебе об этом. Мне как единственному специалисту-японоведу предложили следить за постановкой. Боюсь, что ничего хорошего не получится. Очень мало времени. Пьесы же написаны очень недурно. Если будут, фотографии пришлю Тебе.

<...> Я не думаю, чтобы Николай Александрович [Невский. — Л. Е.] махнул нах фатерлянд. Это пока еще довольно сложно, а главное — оплата у нас все еще довольно плохая, и вряд ли Н. А., привыкший жить по-буржуйски акклиматизируется у нас. Чтобы получать сносно, нужно ориентироваться во всей сложной обстановке, а это тоже, пожалуй, не в стиле Н. А. <...>

Жду от тебя писем и книг.

Олег.

От Олега Плетнера

Москва, 19 октября 1925 г.

<...>

Вернувшись с Кавказа, я погрузился в работу по институту³⁰⁹. У нас много перемен. В частности, на меня взвалили некоторые административные функции, от которых я все

время отрешиваюсь. Институт становится серьезным востоковедным ВУЗ'ом. Занимаюсь сейчас востоковедно-обществоведными предметами: готовлю солидную монографию по аграрному вопросу; вместе с тем работаю вместе со студентами по морфологии и синтаксису японского языка. Мои вышедшие в свет работы я постараюсь прислать Тебе, однако не знаю, когда смогу собраться это произвести.

В Москве сейчас Николай Иосифович [Конрад], с которым мы часто видаемся. Он составил большую работу «Антология японской литературы»³¹⁰, но напечатать ее очень трудно. К вам в Японию попадают все труды наших стариков, которые отживают свой век. «Востоковедение», стяжавшее громкую славу за границей, в СССР не популярно. Оно одной ногой стоит в гробу, другой же старается то ковылять вслед за Комсомолом, то лягать Коммунизм. Это почти что выжатый лимон Фридриха «Великого». <...>

Олег Плетнер

От Олега Плетнера

Москва, 6 января 1927 г.

Дорогой Орест!

<...>

Свои произведения я не посылаю, жду выхода своей последней книги «Аграрный вопрос в Японии». Ее направлю. Свой учебник присылай. Кстати <...> Марра (вспомнил, раз заговорили о востоковедении); напрасно смеются «Индоевропейцы», ибо им нанесен жесточайший удар. Ироническое отношение или «несколько» ироническое отношение западных ученых к теории Марра свидетельствует только о косности этих ученых. Lux ex Oriente — из СССР пойдет новая лингвистика. Ты тоже не совсем правильно уясняешь теорию Марра. Он не выставляет новый праязык, а отрицает существование вообще т. наз. праязыков. Яфетодология расширилась вообще до палеонтологии речи. И пусть смеются

<нрзб> западники-индоевропейцы: она все-таки вертится.

Я тут переиздал домашним способом (в нашем издательстве) два учебника по яп. языку (учебники вышли под моей редакцией и с моим предисловием, их, может быть, пришлю вместе с «Аграрным вопросом»).

В этом году очень хотелось бы посетить Японию, поест гу-набе³¹¹ и выпить сакэ (хотя я совсем не пью из-за сердца, но сакэ все же выпил бы), но боюсь, что задержит режим экономии.

Привет Кику-сан и Светлане³¹² (кстати, почему Светлана?).

Твой Олег.

От младшего брата Юрия

Ленинград, 7 марта 1929 г.

Дорогой Орест! Сегодня получил ужасную телеграмму из Москвы: Олег умер. Трудно говорить, но это факт. Собираемся сегодня выехать в Москву, но на вечерние поезда не было мест. С другой стороны, боюсь за свои нервы, они страшно натянуты. Я, хотя и был подготовлен длительной болезнью Олега, но все же думал, что смертный исход, несмотря на тяжелое положение, маловероятен, вернее, не хотел об этом думать и закрывал глаза на то, что Олег уже с прошлого тебе письма от меня безнадежен. У него было очень плохое сердце. <...> Не могу понять и объяснить столь бессмысленную смерть столь молодого человека. Ужасно. Женья³¹³, конечно, в ужасном виде. <...>

Пиши чаще. Нас теперь осталось два брата³¹⁴, будем же поддерживать теснее связь, а может быть, в скором времени, увидимся.

Целую тебя.

Твой Ю. Плетнер³¹⁵

Письма 60-х гг. XX в.

От Н. И. Конрада

Москва, 21/XII 62.

Дорогой Орест Викторович!

Когда это письмо дойдет до Вас, на листках наших календарей цифра «2» уже сменится цифрой «3». Вы как-то писали мне, что недоумеваете, почему такая смена цифр вызывает у людей какие-то особые эмоции. Вполне понимаю условность понятия «новый год», но все же не могу не воспользоваться этим понятием для того, чтобы лишней раз пожелать Вам и Вашей милой семье мирной, спокойной — внешне и внутренне — жизни.

Недавно пришло Ваше письмо. Еще в конце весны было также от Вас письмо. Да, действительно, я долго не отвечал Вам. Вернее — не писал, потому что наша переписка не есть «вопрос-ответ», — просто — дружеский разговор друг с другом независимо от всякого повода.

Долго же не писал Вам отнюдь не оттого, что как-либо забывал Вас или не о чем было писать. Жизнь заполнена суетой. Ее даже больше, чем работы. Хотя и работы — сверхдостаточно. И притом — очень разной. Мне приходится принимать то или иное участие в общих работах в области литературоведения, языкознания и истории. Все это даже отдвигает далеко на задний план собственную работу.

Не знаю, верно это или нет. Не хочется верить, но некоторые наши ученые, бывающие в Париже и имеющие дело с ЮНЕСКО, т. е. встречающиеся с Вадимом³¹⁶ Елисеевым (он — главный организатор «Истории научного и культурного развития человечества»), заявляют, что Сергея Григорьевича уже нет на свете. И чуть ли уже довольно давно. Проверить эти сведения я пока не имею случая. Может быть, Вы можете что-либо сказать?

Недавно мне удалось прослушать магнитофонную запись собрания, устроенного в память Николая Александровича Невского его учениками. Запись эта была доставлена мне здешним представителем газеты «Асахи», и так как она предназначалась для Нелли³¹⁷, я отослал ей. Прослушать самому мне не пришлось, так как магнитофона у меня нет.

И вот — недавно я прослушал. Должен сказать, что меня глубоко тронуло все — и сам факт собрания учеников, из которых некоторые специально приехали в Осака; и то теплое чувство, с которым они говорили о своем сэнсэе. Передайте, пожалуйста, всем тем, кого Вы можете увидеть, и особенно председателю этого собрания, сказавшему вступительное слово по-русски, мою глубокую благодарность за их доброе отношение к памяти нашего общего с Вами товарища. Я очень высоко ценю также и то, что они пожелали записать все, что говорилось на этом собрании, на пленку и послать эти свои «живые голоса» дочери Невского.

А Ваше слово, дорогой Орест Викторович, меня очень взволновало. Я чувствовал, что волновались и Вы, говоря свою речь. Особенно — в конце. И очень хороши были Ваши заключительные слова. Но помимо всего этого меня взволновал сам факт — то, что я слышу Ваш голос. Как это все же получается иначе, чем когда читаешь то, что Вы говорите в письме. Меня — и в этом отношении мы полностью согласны с Натальей Исаевной — особенно порадовало, что голос Ваш звучит молодо и бодро. Я сразу узнал его.

К сожалению, некоторые из Ваших русистов, приезжавшие к нам, так и не попали ко мне. Это — только досадная случайность. Я всегда с удовольствием встречаюсь и беседую с приезжающими сюда гостями из Японии. Были у меня Курода, Йонэкава, Накамура. Я не говорю уже о Кубо. Кстати, передайте ему от меня новогодний и прочий привет по случаю Нового Года и скажите ему, что куколка, которую он любезно подарил нам, захвачена Натальей Исаевной и стоит у ней на книжном шкафчике около ее письменного стола и, как она говорит, украшает всю комнату. Вообще у меня сейчас уже есть несколько сувениров, живо напоминающих мне Японию,

хотя, как я чувствую, во многом — совершенно иную, чем та, которую я когда-то знал. Только с удовольствием констатировал, прослушав магнитофонную запись выступлений на собрании в память Н. А. Невского, что японский язык в общем еще остался тем же, каким был и раньше. А то за чтением всякой прессы я начинал уже думать, что и правда, что вместо такого милого сердцу слова, как «го хан», сейчас говорят «райс»³¹⁸. У одного из выступавших даже мелькнуло слово «ирассяру», а я уже думал, что это слово уже отменено как не соответствующее демократичности нынешней Японии. А письмо, оглашенное на собрании, которое прочел один из учеников Н. А. Невского, прямо поразило меня. Правда, в нем не было глагола «соро», но столь приятный для моего уха «книжный стиль», правда в некоторых его элементах, все же сохранился.

Как изменилась Япония — видно и из того, что³¹⁹ сообщили мне о «студенческом спектакле». И так — «Иркутская история». Вместо «Плодов просвещения»! Да... Что ж! Вполне закономерно. И очень хорошо. «Иркутская история» — пьеса современная: и по языку, и по содержанию. Вы ее подвергли разбору. Не могу ничего сказать Вам, т. к. этой пьесы не читал. И на сцене не видел.

Благодарю Вас за то, что Вы ответили мне на вопрос: что Вы используете для своих курсов по французскому языку. Вы упомянули о Мартине. А знаете ли Вы, что Мартине вообще повторяет... Поливанова?

Возьмите № 6 «Вопросов языкознания» за 1962 г. (только что вышел). Там на стр. 131—135 есть большая рецензия на одну работу Мартине. Вероятно, Вам будет небезынтересно, как мы оцениваем этого французского лингвиста.

Ну, кончаю. Будьте здоровы, дорогой Орест Викторович, пусть благоденствуют Ваша супруга и дочь, которым мы с Натальей Исаевной шлем особый поклон.

Ваш Н. Конрад

От Н. И. Конрада

Москва, 30 апреля 1964 г.

Дорогой Орест Викторович!

Последний раз писал вам так давно, что даже не помню когда. Но не думайте, что как-то позабыл о Вашем существовании. Нет, я не забываю друзей своей юности, особенно — таких, как Вы: связанных с нашими юными годами в японистике.

Из факта настоящего письма Вы уже усматриваете, что я — все еще на этом свете и, видимо, здоров, так как почерк еще достаточно тверд. Да, так и есть. Мы с Натальей Исаевной живы и здоровы и существуем, как и раньше, то есть в работе. Но и долгая пауза в моих письмах к Вам имеет свои причины.

<...> Сейчас я уже более двух недель дома и чувствую себя хорошо. Наталья Исаевна <...> работает все время. Она у нас главный работник по большому японско-русскому словарю. А я, редактор словаря, за все это время здорово запустил работу, и теперь надо подгонять.

Вот, дорогой Орест Викторович, краткая хроника моей жизни за последний год. О других сторонах писать не буду. Во-первых, сторон этих много; во-вторых, о некоторых из них кратко не напишешь. В востоковедении — много вдруг возникших сложностей, новых забот. На конгресс в Дели я не ездил — далекие вояжи, да еще соединенные с большой работой, уже не для меня. Как говорят, Конгресс был неярким и ничего особенно нового для науки не дал.

Очень меня радует быстрое развитие тангутоведения. Двое молодых китаистов — Софронов и Кычанов — написали очерк фонетики тангутского языка, т. е. закончили работу, начатую еще покойным Николаем Александровичем [Невским. — Л. Е.] <...> А сейчас уже готова грамматика тангутского языка, написанная Софроновым, очень талантливым китаистом-лингвистом. <...>

Была у меня особая радость: получил, наконец, письмо

от Сергея Григорьевича [Елисеева. — Л. Е.] — в ответ на мое приветствие в связи с его 75-летием. Очень милое, дружеское письмо. Он пишет, что общественная жизнь у него настолько занимает его время, что ему часто просто не до писем. Судя по письму, он вполне здоров и живет весьма деятельной жизнью. Давай ему Бог так и дальше.

Будьте здоровы и Вы, дорогой Орест Викторович, все Вы трое! От Натальи Исаевны большой привет Вам и Вашей семье.

И не отплачивайте мне тем же: долгим молчанием. Очень хочется думать, что Вы все здоровы и благополучны.

Ваш Н. Конрад

От Н. И. Конрада

Москва, 14 февраля 1965 г.

Дорогой Орест Викторович!

Некоторое время тому назад я послал Вам заказной бандеролью экземпляр «Русско-японского словаря»³²⁰, только что вышедшего у нас. Прошу Вас благосклонно принять его вместе с моим дружеским приветом.

Составители его — в прошлом мои ученики. Сейчас они оба — уже в возрасте за 50! И имеют своих учеников... Оба имели хорошую практику в языке и знают современную Японию. Словарь их по числу слов не доходит до уровня «большого», но и по этому числу превосходит обычный размер «среднего» словаря, по разработке же словарной статьи, как мне кажется, уже близок к уровню «больших словарей». Впрочем, Вы увидите сами и сами определите — что и как. Разумеется, Ваш квалифицированный взор откроет в нем массу всяких погрешностей, и я буду очень благодарен Вам за указание любого числа их, но все же, как я полагаю, Вы оцените и ту работу, которую провели оба автора. Думаю, что этот словарь будет полезен и Вашим ученикам, изучающим русский язык.

Хотелось бы дожить до такого дня, когда я смог бы написать Вам такое же письмо о Японо-русском словаре! Он уж давно закончен авторской работой, закончен и редакторской и сейчас проходит этап издательской обработки, т. е. готовится к сдаче в набор. Набор этот займет несколько лет. Вот Японо-русский имеет размер около 240 авторских листов, т. е. больше, чем Русско-японский, в котором около 170 авторских листов. Мне так хотелось бы самому написать Вам, что словарь вышел, что я его послал Вам; хотелось бы получить и от Вас самого подтверждение получения. Можно только <нрзб> этого, так как быть уверенным даже в завтрашнем дне в моем возрасте — никак нельзя. И все же надеюсь!³²¹

<...> Будьте все по возможности здоровы и счастливы.
Ваш Н. Конрад

От С. Г. Елисева

1 апреля 1966 г.

Дорогой Орест Викторович,
спасибо за Ваше последнее письмо. Время летит незаметно. Прошел февраль с сенсационным известием о спуске на луну «Луны», подкатила масленица. <...> Вспоминали, как во время революции мы устроили блины вскладчину, были Алексеев, Владимирцов, Крачковский³²² с женою. Она еще жива и занимает видное место среди советских арабистов. <...>

Месяц тому назад вышла у Gallimard'a интересная книга «Problèmes du Language», двенадцать статей, написанных двенадцатью лингвистами, большинство статей очень интересны. Недели три тому назад я Вам послал эту книгу — так что через три недели Вы ее получите. На последних двух страницах био-библиографические заметки об авторах, среди которых — один советский лингвист, написавший статью «об языке и кибернетике».

О политике не пишу. Вы знаете из газет, что Франция переживает трудные времена и жизнь прерывается из-за разных забастовок. К сожалению, забастовщики правы. Сердечный привет от Веры Петровны и от меня Вам и всем Вашим.

Крепко жму руку.

Ваш С. Елисеев.

От С. Г. Елисеева

Париж, 23 августа 1966 г.

Дорогой мой Орест Викторович, спасибо за Ваше письмо от 20 мая. <...> Я месяц пролежал в клинике³²³. <...> Выздоровление идет своим порядком, наш врач мною доволен, я чувствую себя прекрасно. Подписался на журнал Critique, где много интересных статей по новым идеям в разных дисциплинах, в январском номере J. Derrida пишет de la grammatologie, в мартовском номере Ph. Sollers — Critique de la poesie, в апрельском J.-C. Pariente: Ver un nouvel esprit linguistique. Во всех этих статьях упоминаются новые главные работы в каждой из этих областей.

Купил книжку Le Language — Louis Hjelmslev, успел только просмотреть. Очень хорошее предисловие А. J. Greimas, в котором указаны особенности идей Hjelmslev'a, которого в 1924 или в 1925 я встречал на лекциях Antoine' Meillet. Я прочел большое количество японских новых романов, которые мне приносит один из моих учеников. Только что прочел три тома Serizawa³²⁴ «Нингэн-но уммэй» [«Судьба человеческая». — Л. Е.], в конце последнего тома он упоминает меня, живущего в Париже. Н. И. Конрад послал мне свою книгу «Запад и Восток» — с очень сердечным посвящением. Успел прочесть только три статьи. Когда прочитаю все, то напишу Вам более подробно, хотя, конечно, о статье о Шекспире ничего не напишу. Статья Конрада о Нобори Сёму очень доброжелательная, но не достаточно

критическая. «Старое востоковедение и его новые задачи» слабовато. <...>

Если Вам нужны какие-нибудь французские книжки — напишите — с удовольствием вышлю. Как и Вы, я должен извиниться за поправки и помарки.

Привет от всех нас супруге, дочери и Вам.

Желаю Вам бодрости и здоровья.

Дружески жму руку.

Искренне Ваш Сергей Елисеев.

От С. Г. Елисеева

Париж, 28 ноября 1966 г.

Дорогой Орест Викторович,
спасибо за ваше милое письмо от 28 сентября. Извините, что не удосужился раньше ответить. <...> 26 сентября меня снова свезли в клинику. <...>

Заходят французские друзья, навещают меня и японцы, когда они бывают проездом в Париже. Так, меня навестила Курода Тама, которую я знал еще в 1911 году в Токио, она теперь член Верхней Палаты. <...> Совсем недавно был у нас с визитом N. Asano, директор Музея Изящных Искусств в Токио. Я его знал студентом, он на 6 лет моложе меня. От них узнаю, что творится в Токио и об общих знакомых.

В журнале «Critique» прочел рецензию на книгу Bienvenist'a по лингвистике. Решил, что она может вас заинтересовать, и 20 сентября я ее Вам послал. По лингвистике выходит много новых книг. André Martinet выпустил La Linguistique Synchronique — это в «Collection Sup» — Le Linguiste. В журнале «Revue Philosophique» № 3 Juillet-Septembre статья L. Elders «Les Rapports de la langue et de la pensée japonaise», автор, кажется, бельгиец, профессор католического университета в Нагоя. Статья интересная, если хотите, могу выслать Вам № этого журнала. Если Вам не трудно, пошлите мне, пожалуйста, какой-нибудь дешевый

письмовник «Тэгами-но бун», чтобы я мог познакомиться с новым эпистолярным стилем.

Сердечный привет от нас обоим Вам и всем Вашим.

Крепко жму руку.

Искренне Ваш Сергей Елисеев

От С. Г. Елисеева

Париж, 31 декабря 1967 г.

Дорогой Орест Викторович,
спасибо Вам за Ваше милое письмо и за Ваше поздравление с праздником и с Новым Годом. Примите от Веры Петровны и от меня наше сердечное поздравление с праздником Рождества Христова и наши наилучшие пожелания всего-всего хорошего в новом 1968 году. <...>

Я помню, в одном из писем я сослался на Пушкина в связи с моим любимым шампанским «Moët et Chandon». Я имел в виду не 16 раздел первой главы, где Пушкин пишет: «К Talon помчался он уверен, / что там уж ждет его Каверин. / Вошел — и пробка в потолок, / Вина кометы брызнул ток». Я имел в виду не эти строки, а следующие строки разделов 44 и 45 из 4-ой главы. — «Евгений ждет: вот едет Ленский / На тройке чалых лошадей; / Давай обедать поскорей: / — Вдовы Клико или Моета / Благословенное вино / В бутылке мерзлой для поэта / На стол сейчас принесено».

Пропуская дальнейшие строки, с которыми я вполне согласен, — этот раздел 46 кончается: «Но ты, Бордо, подобен другу, / Который — в горе и в беде / Товарищ всегда, везде, / Готов нам оказать услугу, / Иль тихой разделить досуг. / Да здравствует Бордо, наш друг!» Раз в неделю, по воскресеньям, когда Вадим³²⁵ приходит к нам обедать со своей новой подругой, я позволяю себе выпить небольшой стакан хорошего бордоского красного вина, одного из Chateau, вспоминая Пушкина.

С интересом читал о Ваших академических новостях — новые Дайгакуин'ы³²⁶, о молодых советских японистах и о «Festschrift»е Н. И. Конрада³²⁷, которую мне привез из Ленинграда Вадим. Должен отдать справедливость — статьи и работы советских японистов высокого уровня. Купил в Париже несколько книг о современной Японии, писанных советскими историками, конечно, все это с марксистским душком. А ведь подумаешь-то, Маркс жил сто лет тому назад, пора бы пересмотреть его теории, основанные на знании английской экономики и социологии.

Вы правы, наши сверстники уходят в лучший мир. С Симмура Идзуру³²⁸ я познакомился еще в 1907 году в Берлинском университете, Танидзаки был вместе со мной в 1908 году в Тодай, который тогда назывался Тэйдай³²⁹. Гото Суэо³³⁰ я тоже знал со студенческих лет, хотя он был моложе меня. Столп учения Тэнри-кэ³³¹ был у меня в Харварде, а несколько лет тому назад, когда он был в Париже, он зашел ко мне на В-rd Pereire³³². <...>

Перехожу к «pro domo mea». <...> По-прежнему много читаю. Вечерние часы посвящаю чтению романов, а днем читаю серьезные книги по истории и по лингвистике. Только что прочел очень хорошую книгу шведского лингвиста Bertie Malmberg, во французском переводе <...>

Жму крепко руку.

Сердечно Ваш Сергей Елисеев.

От С. Г. Елисева

[Предположительно —
Париж, 1968–1969 гг.]

Дорогой Орест Викторович,
Вера Петровна и я поздравляем вас и всех Ваших со днем Нового Года и от всей души желаем Вам всего-всего наилучшего, а главное — здоровья, берегите свое сердце, не перегружайте работу.

Читал в *Le Monde* про серьезные беспорядки в студенческой среде Токиоского Университета, надеюсь, что в Осака студенты не бунтуют. После майских беспорядков и введения новых университетских реформ академическая жизнь медленно и с трудом налаживается. В большинстве университетов лекции начались в начале декабря. В *École des Langues Orientales* все еще не могут наладить курсов и занятия не начались. Группа молодых преподавателей хотела перестроить школу в Университет Востоковедения, но проект провалился.

<...>

Сердечно Ваш Сергей Елисеев

От Н. И. Конрада

Москва, 4 февраля 1968 г.

Дорогой Орест Викторович!

Сейчас почта доставила — Наталье Исаевне и мне — давно ожидавшиеся нами рождественско-новогодние карточки. Долговато они шли... Но все-таки пришли, а это и есть то, что нужно.

«Печать мастера» на вазе я, действительно, не нашел, но печать внимания со стороны старого друга — увидел. Увидел и то, что вполне возможно хранить в сердце и то, что было чуть ли не полвека тому назад. Благодарю Вас.

А карточки доставили нам огромное удовольствие и украшают наши рабочие столы.

Что ж, дорогой Орест Викторович, перевернулся и еще один «большой» листок календаря? Жизнь продолжается. Еще в ней и много хорошего, но еще более грозного. Вот уж судьба нам — людям нашего возраста — удружила! Трудный век выпал на нашу долю. И я нередко думаю: как же так мы все еще существуем, действуем? Может быть, это и очень «лично», но хочется, так хочется, чтобы оставшееся нам время было спокойным!

<...> Видел Ивана Васильевича³³³. Он буквально переполнен впечатлениями от страны, от общества Вашего ВУЗ'а, а особенно — студенческого, от Вас... Рассказал мне, как Вы хорошо его приняли, как уделяли ему внимание своими беседами. Он в восторге от того, как все относятся к нему в Вашем ВУЗ'е и какую рабочую обстановку Вы ему создали. О том, сделал ли он для этого ВУЗ'а то, что от него требовалось, он не говорит. Так что об этой стороне его пребывания я ничего не знаю.

Но думаю, что какую-то пользу он принес. Он человек добросовестный и тщательный. Сейчас к Вам собирается другой — также мой бывший ученик. Также человек добросовестный и без претензий. Он хорошо знает японскую книгу — научную.

От Сергея Григорьевича вестей нет, но весть о нем есть: побывавшие недавно в Париже москвичи видели его и рассказывают о нем хорошее: при всем нелегком физическом состоянии он бодр, оживлен, охотно встречается с людьми. Хорошо говорят и о его сыновьях. Рад слышать такие вести.

Если у Вас там где-нибудь получается наш журнал «Новый мир», посмотрите № 7 за прошлый год: там есть моя переписка с Арнольдом Тойнби. Она привлекла у нас большое внимание. Из нее Вы узнаете и в каких сферах витает в последнее время моя мысль. Посылаю Вам отпечаток моей статьи в журнале «Народы Азии и Африки»: редакция, готовя юбилейный номер (50 лет «Октября»), поместила несколько воспоминаний о том, что было 50 лет назад. Думаю, что написанное мною напомнит многое и Вам, дорогой старый петербуржец...

Будьте, дорогой Орест Викторович, как можно более здоровы. И пусть будет все хорошо в Вашей маленькой семье! Шлем ей наш самый сердечный привет.

Ваш Н. Конрад

От Н. И. Конрада

Москва, 15 июля 1968 г.

Дорогой Орест Викторович!

Ваша «Веточка» сообщила мне о Вашей болезни, но так сдержанно, что тогда я не мог представить себе всю серьезность происшедшего с Вами: полагал, что речь идет о простом обмороке...

Ваше письмо все разъяснило. Но раз Вы сами это письмо написали, раз Вы уже дома, раз Вы сходите с Вашего пикап'я³³⁴ вниз, значит, все опасное уже позади и Вы восстанавливаете свои силы — на радость Вашей семье, Ваших друзей, в том числе — и тех, которые живут в квартире 111, в доме № 13 по Ленинскому проспекту Стольного града Москвы...

Удивительное дело! В последний раз мы виделись с Вами более 40 лет назад, да и то — мимолетно. А мне часто все еще кажется, что мы с Вами совсем недавно были на Гиндзе, зашли в «Аптеку» около Овари-то, наслаждалсь «Ice-cream Strawberry Soda» и весело болтали со смазливой бартендершей, которая требовала, чтобы ее называли «Miss Flower»... (Впрочем, слово «бартендер» мы тогда не знали. Это у меня влияние жаргона наших нынешних «ё-гаэри»³³⁵.) Смотрю я на уцелевшую у меня фотографию, старую, выцветшую, вижу на ней стройных молодых людей в белых костюмах, в канотье — Ореста Викторовича [Плетнера], Николая Александровича [Невского], Николая Иосифовича [Конрада] — и с ними элегантную молодую даму — Веру Петровну [жену С. Г. Елисеева]. И все они — молодые, красивые, веселые!.. Сергея Григорьевича [Елисеева] нет только потому, что он нас всех тогда снимал. Это — память о нашей совместной поездке в Камакура. И кажется, что это было — ну вроде как «в прошлом году», никак не дальше.

<...> Кстати, я написал статью «Столетие японской революции, и она в кратком варианте (12 стр. машинописи) пошла в печать в «Курьере» ЮНЕСКО и, значит, будет из-

дана и в Японии, а пространный вариант (26 страниц) будет напечатан у нас в журнале «Народы Азии и Африки». Если все это действительно выйдет в свет, попрошу Вас принять тогда мой оттиск.

Вы очень обрадовали меня сообщением о готовящемся в Вашу честь Festschrift'e. Как хорошо, что Ваши ученики и коллеги собрались это сделать! Да еще с приложением наговоренной Вами магнитофонной ленты. У меня есть Ваш «голос» на ленте, где зафиксированы речи в память Николая Александровича. Голос у Вас — совсем не изменился: ничего «возрастного», что могло бы быть...

<...> Головинин говорил мне, каким уважением Вы окружены и как вас ценят. А могло ли быть иначе? <...>

Р. С. Орест Викторович! Вы как-то написали, что «А(р)над Тойнбэ» где-то что-то сказал обо мне. Не пришлете ли мне вырезку из газеты, где это напечатано? Буду крайне благодарен. Мне это нужно знать.

Н. К.

От Н. И. Конрада

Малеевка, 16 декабря 1968 г.

Дорогой Орест Викторович!

Пишу Вам из Малеевки... Так именуется место, где расположен один из писательских санаториев под Москвой, в котором мы сейчас с Натальей Исаевной обретаемся: меня туда загнала моя стенокардия, в последнее время принявшая несколько «агрессивный» характер.

<...> А главное, конечно, не в этом, а в том, что мы от души порадовались той награде, которую Вы получили! Сколько учеников Вы воспитали! Да достаточно и того, что на протяжении многих лет Ваши слушатели и коллеги имели счастье быть в обществе такого настоящего, такого глубокого лингвиста, как Вы. Одно общение с Вами должно было повысить их научный уровень. Я горжусь тем, что наша ста-

рая лингвистическая школа — Бодуэн, Щерба, Поливанов, Якобсон — показала себя и в Вашем лице! Правда, плюс некоторое влияние французов, идущих от Соссюра. <...>

Будьте здоровы, дорогой друг! И примите наши приветы и по случаю наступивших Рождества и Нового Года. Да не принесет он нам ничего из того, чего так боится весь мир, все простые и мирные люди на земле.

Крепко жму вашу руку.

Ваш Н. Конрад

От С. Г. Елисеева

Париж, 25 февраля 1969 г.

Дорогой Орест Викторович, спасибо за Ваше письмо от 20-го февраля, взаимно поздравляю Вас с получением ордена «Священного сокровища» и от всей души желаю Вам здоровья и всего, всего наилучшего. Должен по совести сказать, что к орденам я отношусь более чем безразлично, потому что хорошо знаю, как происходит выбор лиц, и в большинстве случаев, как Вы правильно пишете, «le choix n'est pas toujours judicieux»³³⁶. Дочка покойного моего приятеля Комия Тоётака прислала мне вырезку из японской газеты, где были упомянуты иностранцы, получившие ордена и проживающие вне Японии. На первом месте стоял Н. И. Конрад, профессор Ленинградского университета. Меня нисколько не удивила эта неточность³³⁷ и многие другие неверные сведения. Газеты вообще, а японские в особенности, отличаются небрежностью и поражают меня своей плохой осведомленностью. <...> Несколько лет тому назад один из моих японских приятелей говорил мне, что мой университетский выпуск 1912 года был последним, на котором присутствовал император Мэйдзи и что из университетских профессоров этого времени никого не осталось в живых, и что когда будут чествовать 100-летие Мэйдзи, возможно, что оставшиеся в живых от этой эпохи получат

медали. Медали я не получил, но орден мне пожаловали. На знаю, кого благодарить? Монаршая это милость или правительственный подарок? <...>

Поблагодарите от меня Вашу супругу и дочь за поздравление. Вера Петровна и я шлем Вам и всем Вашим наши наилучшие пожелания. Крепко жму руку.

Сердечно Ваш Сергей Елисеев.

От С. Г. Елисеева

Париж, 4 апреля 1969 г.

Дорогой Орест Викторович,

Ваше письмо от 10 марта с. г. получил 16-го и дня через два написал в редакцию журнала «Elle» <далее речь идет о проблемах подписки абонемента на этот журнал дочери О. В. Плетнера. — Л. Е.>.

<...> Позавчера был прием в японском посольстве. Я, к сожалению, из-за моей болезни (cox arthrose), не мог присутствовать, и орден «Священного сокровища» был передан Вадиму. Никита, который приехал из Лиона на пасхальные каникулы, присутствовал там и сказал мне, что посол Мацуи, передавая орден Вадиму, сказал очень приветливое слово. Орден 2-ой степени, это уже звезда, которую носят сбоку в торжественных случаях. Я никак не ожидал такой высокой монаршей милости. Дед ныне царствующего императора присутствовал на университетском акте 1912 года, когда я получил диплом *бунгакуси* [бакалавр литературы. — Л. Е.].

Пользуюсь тем, что через два дня большой праздник, желаю Вам и всем Вашим «des Joyeuses Râques»³³⁸.

Дружественно и крепко жму руку.

Искренне ваш Сергей Елисеев.

От Н. И. Конрада

Москва, 8 апреля 1969 г.

Дорогой Орест Викторович!

Значит, Вы меня и видели, и слышали!³³⁹ Вот что значит современность! В дни нашей молодости о таких вещах писали только в фантастических романах.

В Японии показывали, а вот показывали ли у нас, это мне неизвестно. Мы на телевизор не смотрим, а от других ничего об этом не слышали.

Итак, Вы нашли меня не столь старикообразным, хотя мне с дня рождения 14 марта пошел 79-ый год... Держусь я прямо, но и Вы тоже! Вы прислали мне снимок, где Вы стоите в пальто без шляпы перед зданием Вашего ВУЗ'а. Стоите Вы прямо, фигура у Вас стройная. Так ничего старикообразного нет и в Вашем фотооблике!

То, что Вы снисходительно отнеслись к моему японскому языку, я отношу за счет Ваших дружеских чувств... Я не только не знаю современного языка, который я, например, вижу в «Asahigraph'»е, но просто отвык от него. Что же касается самого факта получения награды, то это — иллюстрация к известному изречению: «Пути Господни неисповедимы!» И удивительна идея судьбы, приведшая к ордену всех нас троих, третий это — С.[ергей] Г.[ригорьевич] Елисеев]. Кстати, он очень тепло меня поздравил, за что я ему очень благодарен. Ну, а Вам, дорогой старый друг, шлю от нас с Натальей Исаевной самые теплые приветы всем вам троим.

Н. Конрад

* * *

В завершение этой главы я хотела бы еще раз поблагодарить Светлану Орестовну Плетнер-Хаяси за предоставленные в мое распоряжение семейные архивы, материалы и фотографии, а также за драгоценные воспоминания, которыми она со мной поделилась.

ПРИМЕЧАНИЯ

²⁶⁷ В основу изложенной здесь биографии О. В. Плетнера положены отдельные публикации о нем в японской прессе, но главным образом — его анкеты, автобиографии и прочие документы, написанные его рукой и сохранившиеся в домашнем архиве, а также рассказы его дочери, Светланы Орестовны Плетнер. Пользуюсь случаем высказать ей свою благодарность за доверие и дружбу.

²⁶⁸ *Сато Харуо (1872–1964)* — известный японский поэт и писатель, которого с Танидзаки связывали сложные отношения.

²⁶⁹ *Adriana Boscaro. Tanizaki in western languages: a Bibliography of translations and studies / Center of Japanese Studies.; The University of Michigan. Ann Arbor, 2000.*

²⁷⁰ *Neuf nouvelles japonaises / Traduites par Serge Elisséev. Paris: G. van OEst, 1924.*

Le crime du jongleur / Shiga Naoya; Le tatouage / Tanizaki Junichiro; Le renard / Nagai Kafu; Les poupées / Akutagawa Ryunosuke; Les trois jours / Mme Okada Yachio; L'été qui commence / Kubota Mantaro; Le cornac / Hasegawa Nyozeikan; Le double suicide de Shimabara / Kikuchi Kan; Le bruit des vagues de la rivière / Satomi Ton // Extrait de «Japon et Extreme-Orient», 2. January 1924. 116–29.

²⁷¹ *Puisque je l'aime (Aisureba koso) / Par Tanizaki. Paris: Emile-Paul Frères, 1925. (Les Cahiers du mois; 14).*

²⁷² *Танидзаки Дзюньитиро. Любовь глупца / Пер. Г. Г. Иммерман; С предисл. Н. Конрада. Л.: Прибой, 1929.*

²⁷³ Речь идет о Первой мировой войне.

²⁷⁴ *И. Ямпольский. Танидзаки Дзюнитиро. Любовь глупца // Звезда. 1929. № 7. С. 190–191.*

²⁷⁵ *Семь весенних трав* — набор из семи съедобных трав и овощей, который надо есть в один из дней начала года, чтобы обеспечить себе здоровье и благополучие в наступившем году.

²⁷⁶ *Ки-но Цураюки. Путевые записки из Тоса (Японский дневник X века) / Пер. с яп., вступ. ст. и прим. О. В. Плетнера // Восток. Сб. 1-й. Литература Китая и Японии / Ред. и вступ. ст. Н. И. Конрада. Academia, 1935. С. 85–112.*

Этот перевод входит в списки научных трудов Ореста Плетнера разных лет, составленные им самим и сохранившиеся в архиве ученого в его доме. Вероятно, эта работа была сделана ученым по совету или даже заказу Н. И. Конрада, который в письмах 30-х гг.

убеждал О. В. Плетнера вернуться на родину (свидетельства об этом сохранились в архивах О. В. Плетнера). Публикация перевода «Тоса-Никки», по всей видимости, должна была подготовить и облегчить его трудоустройство в научных учреждениях СССР. В самом деле, в 1933 г. в результате хлопот Н. И. Конрада О. В. Плетнер получил приглашение из советского консульства в Кобе вернуться на родину. Как он сам пишет в одной из своих автобиографий, он попытался узнать в консульстве, будет у него возможность потом вернуться за семьей, разрешат ли ему оставить какое-то количество денег для этой цели в валюте и т. п. Получив отрицательный ответ, он не решился принять приглашение. По рассказам дочери, не советовал ему возвращаться и В. М. Алексеев, известный российский синолог, с которым О. В. Плетнер тоже иногда обменивался письмами (они, к сожалению, не сохранились).

В энциклопедии же «Япония от А до Я» журнала «Япония сегодня» говорится: «Первый полный перевод “Тоса-никки” был опубликован в 1935 г. в сборнике “Восток” уже после смерти переводчика — *Олега* [курсив мой. — Л. Е.] Плетнера (1898—1929), одаренного, разностороннего исследователя, эрудита, который занимался как историей японского языка, так и экономикой Японии и художественным переводом».

Вероятно, современные авторы энциклопедии введены в заблуждение тождеством инициалов: младший брат также был О. В. — Олег Викторович. На самом деле Олег Плетнер все же не занимался классической японской филологией — о другой сфере его интересов свидетельствует и сохранившаяся его переписка с братом Орестом. Главный фундаментальный труд Олега Викторовича Плетнера называется «Аграрный вопрос в Японии. Исследования и материалы». (Л.: Прибой, 1927). Эта книга, кстати говоря, переведена и на японский язык: Нихон-ни окэру ногэ мондай. Собункаку, 1931. Ему же принадлежит работа: *Олег Плетнер. Япония: Краткий справочник / Вступ. ст., Вл. Виленского (Сибирякова)*. М.: Гос. изд-во, 1925. По-видимому, в период совместной работы с Е. Д. Поливановым в Московском институте востоковедения ими было совместно написано пособие: *О. В. Плетнер, Е. Д. Поливанов. Грамматика японского разговорного языка*. М., 1930.

²⁷⁷ Русалка. Душа самоубийцы? // Додзюку то дэнсэцу. Т. 1. № 1. Вып. 3. Токио: Бумбудо, 1918; об этом см. также: *Будо Ёдзи. Пурэтонэру-сэнсэй-но гё:сэки то рякурэки* (Наследие и краткая

биография профессора Плетнера) // Россия-Совизто кэнкю. 1968. № 6. С. 3.

²⁷⁸ The School of Oriental Studies, нынешний СОАС, т. е. Институт афро-азиатских исследований при Лондонском университете (University of London).

Сэр Эдуард Дэнисон Росс (1871—1940) — известный востоковед, кроме того, автор лингвистических работ по английскому языку.

²⁷⁹ Musical accent in Japanese morphology // Bulletin of the School of Oriental Studies. London Institution. Vol. 3. Part 3. London, 1924.

²⁸⁰ Maison Franco-Japonaise.

²⁸¹ Дзиццү: Эй-Фу-Доку-Ро хаццунгаку (Практическая фонетика английского, французского, немецкого и русского языков). Токио: До:бункан, 1926.

²⁸² Orestes Pletner. Contribution à l'Orèstes Pletner. Contribution à l' vocalisme de l' ancien Japonais // Etudes de linguistique japonaise / Aikitu Tanakadate, Orestes Pletner, Henri Frei. (Bulletin de la Maison Franco-Japonaise). Tokyo: Maison Franco-Japonaise, 1936.

²⁸³ Charles Haguenauer. Origines de la civilisation japonaise: introduction a l'étude de la préhistoire du Japon. Paris: Impr. nationale; Libr. C. Klincksieck, 1956. P. 202, 205 etc. Цит. по: Судо Дзюн. Об одном русском ученом // Кобэ гайдай даэри. № 126 от 1.X.1998. С. 2.

²⁸⁴ Семья Ивановых. Первая учебная книга. Ч. 1. / Составил Орест Плетнер, профессор языкознания и русской словесности при Университете в Киото и Институтах Иностранных языков в Осака и Тэнри. Осака, 1930.

²⁸⁵ O. Pletner. Nippon or Nihon // Monumenta Nipponica. Vol. 3. № 2. Токио: Sophia University, 1940.

²⁸⁶ О. В. Плетнер. Очерк исторической морфологии русского языка // Осака дайкокуго дайгаку. 1964. 1—4.

²⁸⁷ В это время С. Г. Елисеев вместе с женой и сыном находился в Токио. По-видимому, открытка была отправлена незадолго до отъезда в Петербург. Следующее почтовое отправление С. Г. Елисеев пишет О. В. Плетнеру уже из Петербурга — буквально за месяц до Октябрьской революции, не подозревая еще о переменах, которые принесет будущее. Как уже говорилось, Н. А. Невский и его жена арестованы в 1937 г. и расстреляны, Е. Д. Поливанов репрессирован в 1938 г. и погиб, Н. И. Конрад был арестован, но ему удалось выжить и выйти на свободу. Сам

С. Г. Елисеев был арестован, после чего был вынужден нелегально покинуть Россию.

Янагибаси — район старого Токио, где было много магазинов и лавок, увеселительных заведений типа «чайных домиков» (отя-я) с гейшами и т. п.

²⁸⁸ *Абрикосов* Дмитрий Иванович с июня 1913 по апрель 1914 г. был вторым секретарем, а с мая 1916 по 1925 г. — первым секретарем российского посольства в Токио (поверенный в делах — с 1918 г. по 1925).

Щекин Михаил Сергеевич — в 1912—17 гг. советник посольства. Данные приводятся по изданию: *George Alexandre Lensen. Japanese diplomatic and consular officials in Russia: a handbook of Japanese representatives in Russia from 1874 to 1968 compiled on the basis of Japanese and Russian sources with a historical introduction. Sophia Univ. Tokyo, in coop. with The Diplomatic Press, Tallahassee, Florida, 1968. (Monumenta Nipponica monographs).*

²⁸⁹ Супруга С. Г. Елисеева.

²⁹⁰ Здесь имеется в виду знаменитая дореволюционная кондитерская фирма.

²⁹¹ Сын С. Г. Елисеева, впоследствии известный французский востоковед.

²⁹² Неточная цитата из стихотворения поэта XIX в. Б. Н. Алмазова, пародирующего взгляды славянофила К. С. Аксакова:

По причинам органическим
Мы совсем не снабжены
Здравым смыслом юридическим,
Сим исчадьем сатаны.

Широки природы русские,
Нашей правды идеал
Не влезает в формы узкие
Юридических начал...

²⁹³ Есть сведения, что С. Г. Елисеев одно время был членом Партии народной свободы (конституционных демократов).

²⁹⁴ Журнал по японской литературе, издававшийся в 1895—1909 гг.

²⁹⁵ *Вализа* — дипломатическая почта.

²⁹⁶ *Эзель* — небольшой остров Сааремаа-Эзель близ Ревеля (ныне Таллинн), немецкий десант высадился там 29.09.1917.

²⁹⁷ *Крупн* — видимо, прозвище В. Н. Крупенского, посла Российской Империи в Японии. Г. А. Казаков — руководитель Дальневосточного отдела МИД тех лет. *Выпишут* — т. е. отзовут, сместят.

²⁹⁸ *Рамминг М. Н.* — выпускник Восточного факультета Петербургского университета, историк, работавший в университете короткое время. Затем он служил в российском посольстве в Токио. После расформирования посольства и замены его советским эмигрировал из Японии в Германию, где оказал немалое влияние на развитие академического японоведения.

²⁹⁹ Эти японские слова означают, соответственно, «огонь», «танец», «время», «цвет», «молитвословие».

³⁰⁰ Слова-предложения, выражающие согласие («да»).

³⁰¹ *Ренвард Брандстеттер* — специалист по индонезийскому языку, автор многих монографий и учебников. Возможно, в данном случае имеется в виду его работа: *Renward Brandstetter. Die Indonesische und die Indogermanische Volksseele. Eine parallele auf Grund sprachlicher Forschung.* Luzern; Haag, 1921.

³⁰² Речь идет об официальном признании Советского Союза, что означало обмен новыми послами, открытие торгово-экономических отношений и т. п. *Рамминг*, как и *Плетнер*, был сотрудником старого посольства России. Намерения японского правительства все же в конце концов завязать дипломатические отношения с СССР вызвали его явное осуждение и иронию.

³⁰³ *Кадзи-доробо* — мародеры, люди, занимающиеся воровским промыслом (доробо) во время пожара (кадзи).

³⁰⁴ *Сэйёкэн* — ресторан европейской кухни, созданный в 5 г. Мэйдзи (1873 г.), где среди посетителей всегда было много иностранцев.

³⁰⁵ С. Г. Елисеев, насколько нам известно, этого приглашения не принял.

³⁰⁶ То есть Н. А. Невскому.

³⁰⁷ Речь идет о Великом Кантоском землетрясении 1 сентября 1923 г.

³⁰⁸ Видимо, подчеркнуто адресатом, а не отправителем.

³⁰⁹ Речь идет о Центральном институте живых восточных языков, образованном около 1921 г. на основе Лазаревского института восточных языков. В 1927 г. принято решение о реорганизации института, и он стал называться Московским институтом востоковедения им. Нариманова.

³¹⁰ Видимо, имеется в виду: Японская литература в образ-

цах и очерках. Л., Изд. Ин-та живых восточных языков им. А. С. Енукидзе, 1927.

³¹¹ Блюдо из мяса с овощами, которое готовится тут же за столом в общем котле.

³¹² Жена и дочь Ореста Плетнера.

³¹³ Речь идет о жене Олега Викторовича.

³¹⁴ В семье было четверо детей — трое братьев и одна сестра.

³¹⁵ Юрий Викторович Плетнер — ученый-химик, автор работ по методике обучения химии.

³¹⁶ Сын С. Г. Елисеева.

³¹⁷ Елена Николаевна Невская — дочь Н. А. Невского.

³¹⁸ *Гохан* — обычное японское блюдо, рис, сваренный без приправ и соли и подаваемый как гарнир. *Райс* — от англ. *rice*. Речь идет о большом числе заимствований из английского, появившихся в японском языке после войны. *Ирассяру* — глагол «быть», употребляемый применительно к собеседнику и выражающий почтительность к нему. *Соро* — глагол примерно с тем же значением, применявшийся в вежливых официальных письмах и документах довоенной поры, когда Конрад бывал в Японии.

³¹⁹ Видимо, имеется в виду работа: *André Martinet. Éléments de linguistique générale. Paris: Armand Colin (coll. «Cursus Linguistique»), 1996 (Première édition 1960)*. Мартине — французский лингвист, близкий к направлению Пражской школы в языкознании.

³²⁰ Видимо, имеется в виду изд.: Русско-японский словарь. 42 000 слов / Сост. С. Ф. Зарубин, А. М. Рожецкий. М.: Сов. энциклопедия, 1964.

³²¹ Большой японо-русский словарь под ред. Н. И. Конрада вышел в год его смерти, а в 1972 г. его вклад в составление этого словаря был отмечен Государственной премией СССР.

³²² Речь идет о выдающихся востоковедах XX в., это академики В. М. Алексеев (1881–1951), синолог, Б. Я. Владимирцов (1884–1931), монголовед, И. Ю. Крачковский (1883–1951), арабист.

³²³ С. Г. Елисееву в это время было 77 лет, О. В. Плетнеру — 74.

³²⁴ Некоторые произведения этого писателя см. рус. пер.: *Сэридзава Кодзио. Умереть в Париже. М.: Иностранка, 2002*.

³²⁵ Младший сын С. Г. Елисеева, известный востоковед, археолог.

³²⁶ *Дайгакуин* — аспирантура, слово это в тексте написано иероглифами.

³²⁷ Вероятно, имеется в виду издание: Историко-филологические исследования: Сб. ст. к 75-летию акад. Н. И. Конрада. М., 1967.

³²⁸ *Симмура Идзуру* — известный японский филолог, составитель японского энциклопедического словаря «Кодзиэн» («Обширный Сад Слов»).

³²⁹ *Тодай* (сокращ.) — Токийский Государственный университет, *Тодай* — его прежнее название, означающее Токийский Императорский университет, оба слова в письме написаны иероглифами.

³³⁰ *Гото Суэо* (1886—1967) — литератор, переводчик французской литературы, в том числе поэзии.

³³¹ Одна из новых японских религий, основана в XIX в., имеет множество приверженцев в Японии, отделение в США и т. п. В г. Тэнри, центре этой религии, основаны школы и университет, имеющий одну из лучших университетских библиотек в Азии.

³³² Имеется в виду Boulevard Pereire — адрес С. Г. Елисеева в Париже.

³³³ И. В. Головнин — японовед-лингвист, в то время зав. кафедрой японской филологии Института восточных языков при МГУ.

³³⁴ *Никай* — яп. «второй этаж».

³³⁵ *Ё-гаэри* — шутовое выражение эпохи Тайсё, 20-х гг. прошлого века (т. е. того десятилетия, когда Н. И. Конрад бывал в Японии), означающее человека, съездившего в Европу (по тем временам большая редкость).

³³⁶ «Выбор не всегда справедлив».

³³⁷ Неточность в том, что Н. И. Конрад в это время жил и работал в Москве, а не в Ленинграде.

³³⁸ Веселых Пасхальных праздников.

³³⁹ Видимо, речь идет о японской кинохронике, заснявшей сцену вручения акад. Н. И. Конраду японского ордена и произведения им краткого благодарственного слова.

Людмила Михайловна Ермакова

ВЕСТИ О ЯПАН-ОСТРОВЕ
В СТАРОДАВНЕЙ РОССИИ
и другое

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление Ю. Саевича

Корректор О. Трефилова

Оригинал-макет подготовлен О. Максимовой

Художественный консультант Л. М. Панфилова

Подписано в печать 17.11.2004. Формат 84×108¹/₃₂.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная.

Усл. п. л. 6,89. Тираж 1500 экз. Заказ № 4706.

Издательство «Языки славянской культуры».

ЛР № 02745 от 04.10.2000.

Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: Lrc@comtv.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов на ФГУП ордена «Знак Почета»
Смоленская областная типография им. В.И. Смирнова.
214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, д. 2.

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел./факс: (095) 247-17-57, тел.: 246-05-48, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский б-р, 2, стр. 1 (Метро «Парк Культуры»).

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153)